

ПОЛИЛИНГВИАЛЬНОСТЬ И ТРАНСКУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ

Том 18 № 1 (2021)

DOI 10.22363/2618-897X-2021-18-1

<http://journals.rudn.ru/education-languages>

Научный журнал

Издается с 2004 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-73496 от 17.08.2018 г.
Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

Почетный редактор

Стивен Дж. Келлман, PhD, профессор, Техасский университет Сан-Антонио, США

Главный редактор

Бакhtикиреева У.М., доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и межкультурной коммуникации, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
E-mail: bakhtikireeva-um@rudn.ru

Заместитель главного редактора, ответственный секретарь

Валикова О.А., доктор философии (PhD), научный сотрудник НУ, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
E-mail: valikova-o@rudn.ru

Члены редакционной коллегии

Аминова Венера Рудалева — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Республика Татарстан, Россия

Джусупов Маханбет — доктор филологических наук, профессор, Узбекский государственный университет мировых языков, Ташкент, Узбекистан

Евдокимова Светлана — доктор филологических наук, профессор, профессор славистики и компаративной литературы, кафедра славянских языков, Университет Браун, Провиденс, США

Жаркынбекова Шолпан Кузаровна — доктор филологических наук, профессор, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилёва, Астана, Казахстан

Канагараджа Суреш — доктор филологии, профессор, кафедра прикладной лингвистики и английского языка; директор Центра миграционных исследований, Пенсильванский университет, США

Кибальник Сергей Акимович — доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник ИРЛИ РАН, Санкт-Петербург, Россия

Кулибина Наталья Владимировна — доктор педагогических наук, профессор, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, Москва, Россия

Куриленко Виктория Борисовна — доктор педагогических наук, доцент, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

Лебедько Мария Григорьевна — доктор филологических наук, профессор, Дальневосточный федеральный университет, Москва, Россия

Маслова Валентина Авраамовна — доктор филологических наук, профессор, Витебский государственный университет им. П.М. Машерова, Витебск, Республика Беларусь

Муди Эндрю — PhD, профессор, доцент, кафедра английского языка, Университет Макао, КНР

Муранска Наталия — доктор филологических наук, профессор, профессор русистики и компаративной литературы, факультет философии, Университет Константина Философа, Нитра, Словакия

Протасова Екатерина Юрьевна — доктор педагогических наук, доцент, лектор, Отделение современных языков Хельсинкского университета, Хельсинки, Финляндия

Прошина Зоя Григорьевна — доктор филологических наук, профессор, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Сулейменова Элеонора Дюсеновна — доктор филологических наук, профессор, вице-президент МАПРЯЛ, Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Алматы, Казахстан

Тюстанова Мадина Владимировна — доктор филологических наук, профессор, Центр евразийских исследований, Линчепингский Университет, Линчепинг, Швеция

Фирман Уильям — доктор политических наук, профессор, Центр евразийских исследований, Университет Индианы, Блумингтон, США

ПОЛИЛИНГВИАЛЬНОСТЬ И ТРАНСКУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ

ISSN 2618-8988 (online); ISSN 2618-897X (print)

4 выпуска в год

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ

Языки: русский, английский, французский, немецкий, испанский

Индексирование: РИНЦ (НЭБ), DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory, Google Scholar, WorldCat, Dimensions.

Полные тексты: Cyberleninka, East View, Mendeley

Цель и тематика

В тематическое поле журнала входят актуальные проблемы билингвального образования, а также интегративные направления новейшей филологии: лингвокультурология, социалингвистика, политическая лингвистика, вопросы билингвизма, межкультурная коммуникация. На протяжении своей истории журнал презентовал стратегии эффективной лингводидактики, механизмы восприятия и усвоения иностранного языка в прагматическом аспекте, методики преподавания русского и иностранного языков и др.

Начиная с 2016 года журнал расширяет исследовательский контекст публикаций и приглашает к сотрудничеству специалистов в области русофонной и транслингвальной литературы, культурологов, философов и других представителей гуманитарного знания. Вместе с тем особое внимание уделяется краеугольным вопросам современного языкознания: Языку в Человеке и Человеку в Языке; Языку в поликультурном обществе; особенностям языкового сознания билингвальной личности; механизмам восприятия и усвоения второго языка в когнитивном и прагматическом аспектах и многим другим.

Миссия (сверхзадача) журнала — интегрировать лингвистический и экстралингвистический опыт специалистов разных стран и научных направлений с целью разработки универсальной стратегии толерантного взаимодействия между представителями различных языков и культур. Редколлегия журнала убеждена, что Язык (и свой, и чужой) может быть мостом к постижению другой культуры, ментальности, этнической сущности. Ослабление конфронтационного восприятия Другого и провозглашение самоценности каждого языка и каждого этноса в мультикультурном социуме — миссия журнала, решаемая на уровне конкретных исследовательских задач, среди которых:

- установление, описание, систематизация языковых фактов по заявленной проблематике;
- публикация результатов экспериментальных методик в рамках билингвального образования;
- исследование языковых процессов в поликультурном пространстве;
- изучение би- и транслингвальных практик в литературе и медиа и т.д.

Правила оформления статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/education-languages/about/submissions>

Электронный адрес: bakhtikireeva-um@rudn.ru; valikova-o@rudn.ru

Редактор: *И.В. Успенская*

Компьютерная верстка: *О.Г. Горюнова*

Адрес редакции:

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Почтовый адрес редакции:

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

Тел.: (495) 434-20-12; e-mail: ptpj@rudn.ru

Подписано в печать 05.03.2021. Выход в свет 19.03.2021. Формат 70×100/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «NewtonС».

Усл. печ. л. 10,00. Тираж 500 экз. Заказ № 11. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов» (РУДН)

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: (495) 952-04-41; publishing@rudn.ru

POLYLINGUALITY AND TRANSCULTURAL PRACTICES

VOLUME 18 No. 1 (2021)

DOI 10.22363/2618-897X-2021-18-1

<http://journals.rudn.ru/education-languages>

Founded in 2004

Founder: PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA

Honorary Editor

Steven G. Kellman, PhD, Professor, University of Texas at San-Antonio, USA

EDITOR-IN-CHIEF

Professor Dr. Uldanai Bakhtikireeva

Peoples' Friendship University of Russia, Moscow,
Russia

E-mail: bakhtikireeva-um@rudn.ru

VICE-EDITOR, EXECUTIVE SECRETARY

PhD Olga Valikova

Peoples' Friendship University of Russia, Moscow,
Russia

E-mail: valikova-o@rudn.ru

EDITORIAL BOARD

Prof. Suresh Canagarajah — Pennsylvania State University, USA

Prof. Mahanbet Dzhusupov — Uzbekistan State University of World Languages, Tashkent, Uzbekistan

Prof. Svetlana Evdokimova — Brown University, Providens, USA

Prof. Sholpan Zharkynbekova — Eurasian National University named after L.N. Gumilyov, Astana, Kazakhstan

Prof. Sergey Kibalnik — the Institute of Russian Literature (the Pushkin House), Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia

Prof. Natalya Kulibina — The Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia

Dr. Viktoriya Kurilenko — Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia

Prof. Lebedko Maria Grigorievna — Far Eastern Federal University, Moscow, Russia

Prof. Valentina Maslova — Vitebsk State University named after P.M. Masherov, Vitebsk, Belarus

Prof. Andrew Moody — University of Macau, China

Prof. Natalia Muranska — Constantine the Philosopher University, Nitra, Slovak

Prof. Ekaterina Protassova — University of Helsinki, Helsinki, Finland

Prof. Zoya Proshina — Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Prof. Madina Tlostanova — Linkoping University, Linkoping, Sweden

Prof. Wiliam Firman — Indiana University, Blumington, USA

Prof. Dr. Venera Amineva — Kazan Federal University, Kazan, Russia

Prof. Dr. Eleonora Suleimenova — Kazakh National University of Al-Farabi, Almaty, Kazakhstan

POLYLINGUALITY AND TRANSCULTURAL PRACTICES

Published by the Peoples' Friendship University of Russia, Moscow

ISSN 2618-8988 (online); ISSN 2618-897X (print)

4 issues per year

Languages: Russian, English, French, German, Spanish

Indexed by Russian Science Citation Index (eLibrary.ru), DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory, Google Scholar, WorldCat, Dimensions.

Cyberleninka, East View, Mendeley.

Aim and Scope

The thematic field of the journal includes actual problems of translingual literature, bilingual education, as well as integrative areas of modern philology: cultural linguistics, sociolinguistics, political linguistics, bilingualism issues, crosscultural communication.

During its ten-year history the Journal has been offering for discussion by the scientific community significant problems of modern linguistics: Language in Human and Human in Language; Language in a multicultural society; peculiarities of bilingual linguistic consciousness of the individual; mechanisms of perception and learning of L2 in the cognitive and pragmatic aspects; effective strategy of linguistic didactics and many others.

From 2016, the Journal extends the research context of publications and invites for cooperation specialists in the field of translingual literature, culture experts, philosophers, and other representatives of the Humanities.

Mission (the supertask) of the Bulletin is to integrate linguistic and extra-linguistic experience of experts from different countries and scientific disciplines. We try to develop universal strategy of tolerant interaction between people of various languages and cultures. The Editorial Board believes that the Language (Own, and Others') may not be only the barrier, but also a bridge between cultures, mentalities and ethnic identities. Our Mission may be implemented in the research tasks as:

- identification, description, classification of linguistic facts of declared problematics;
- publication of the results of experimental methods of teaching and learning of second language;
- the study of language processes in multicultural environment;
- the study of bi- and translingual practices in literature, media; etc.

Further information regarding notes for contributors, subscription, and back volumes is available at: [://journals.rudn.ru/education-languages/about/submissions](http://journals.rudn.ru/education-languages/about/submissions)

E-mail: bakhtikireeva-um@rudn.ru; valikova-o@rudn.ru.

Editor *I.V. Uspenskaya*
Computer design: *O.G. Gorunova*

Address of the editorial board:

3, Ordzhonikidze str., Moscow, 115419, Russian Federation
Ph. +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Postal Address of the Editorial Board:

6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation
Ph. +7 (495) 434-20-12; e-mail: ptpj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price.

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation

Printed at RUDN Publishing House:

3, Ordzhonikidze str., Moscow, 115419, Russian Federation,
Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ / CONTENTS

ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ / LANGUAGES IN CONTACT

Kellman S.G. Omnilingual Aspirations: The Case of the Universal Declaration of Human Rights / **Келлман С.Г.** Всеязычные устремления: на примере Всеобщей декларации прав человека 6

Zhuravleva Ye.A., Agmanova A.E. Russian Language in Kazakhstan: Specific Learning and Functioning in the Context of Interlingual Interaction / **Журавлёва Е.А., Агманова А.Е.** Русский язык в Казахстане: особенности обучения и общения в контексте межъязыкового взаимодействия 20

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ / LITERARY DIMENSION

Темиргазина З.К. Транскультурность и ее проявление в поэтике лирических текстов / **Temirgazina Z.K.** Transculturalism and Its Manifestation in the Poetics of Lyric Texts 29

Шафранская Э.Ф., Волохова Т.В. Среднеазиатские социальные типажии как паттерн ориентализма в прозе Леонида Соловьёва / **Shafranskaya E.F., Volokhova T.V.** Central Asian Social Types as an Orientalism Pattern in Leonid Solovyov's Prose 44

АРСЕНАЛ / ARSENAL

Зейферт Е.И. Глоссарий по литературе российских немцев / **Seifert E.I.** Glossary of Russian-German Literature 60

ИНТЕРВЬЮ / INTERVIEW

Валикова О.А. «В поисках собеседника»: интервью с Бахытом Каирбековым. Часть первая, или Ипостась главная. Поэт / **Valikova O.A.** “In search of an Interlocutor”: Interview with Bakhyt Kairbekov. Part One, or the Main Hypostasis. The Poet 67

Шагимгереева Б.Е. «В поисках собеседника»: интервью с Бахытом Каирбековым. Часть вторая, или Ипостась другая. Переводчик / **Shagimgereeva B.E.** “In search of an Interlocutor”: Interview with Bakhyt Kairbekov. Part Two, or the Other Hypostasis. The Interpreter 80

ПЕРСОНАЛИИ / PERSONALITIES

Шаймерденова Н.Ж., Аманжолова Д.Б. Горизонты понимания: к юбилею Элеоноры Дюсеновны Сулейменовой / **Shaimerdenova N.Zh., Amanzholova J.B.** Horizons of Understanding: to the Anniversary of Eleonora Dyusenovna Suleimenova 91

РЕЦЕНЗИИ / REVIEWS

Джусупов М. «Код слова» О.О. Сулейменова в электронно-рукописном и полиграфически изданном вариантах / **Dzhusupov M.** “Word Code” by O.O. Suleimenov in Electronic-handwritten and Printed Versions 103

ИНФОРМАЦИЯ / INFORMATION

Алексеева И.С. «Пир перевода национальных литератур» — слет в новом формате / **Alekseeva I.S.** “The Feast of Translation of National Literatures” — a Meeting in a New Format 118

DOI 10.22363/2618-897X-2021-18-1-6-19

Research Article

Omnilingual Aspirations: The Case of the Universal Declaration of Human Rights

S.G. Kellman

University of Texas at San Antonio, USA
1 UTSA Circle, San Antonio, TX 78249

Abstract. Adopted by the United Nations in 1948, the Universal Declaration of Human Rights is, according to the *Guinness Book of World Records*, the most widely translated document. However, versions in 419 languages are not conceived as translations but equivalences, alternate embodiments of identical tenets. The Bible has been rendered into numerous languages, but the Hebrew and Greek originals possess authority that English, Bengali, and Xhosa derivatives do not. The Bible is *translated*, but the UDHR is, through the theology of international governance, transubstantiated into multiple tongues. No version has priority; each is equally valid, transparent, and interchangeable. The utopian premise is not only that all humans possess inalienable rights but also that all languages express the same principles. The document's title, the Universal Declaration of Human Rights, might seem a solecism, a misplaced modifier. Surely, it is *human rights* that are universal, not the declaration. However, the UN insists that all versions (at least in the original official languages) are equally binding. It rejects Whorfian notions that particular languages enable particular thoughts and embraces languages as neutral tools whose specific manifestation is irrelevant. Arguments against imprisoning writers in Burma could appeal equally to the authority of either the Universal Declaration of Human Rights or la Déclaration universelle des droits de l'homme or Всеобщую декларацию прав человека or la Declaración Universal de Derechos Humanos or 世界人权宣言. Rather than the Babelian myth of an Ur-Sprache before hubris scattered us into mutual unintelligibility, the UDHR endorses a Chomskyan belief that all languages can express the same thoughts. Yet differences among versions of Article 1 ("All human beings are born free and equal in dignity and rights") are not trivial; *dignity* is incommensurable with *Würde*, *αξιοπρέπεια*, *dignidade*, *waardigheid*, or *достоинства*. The UDHR is a translanguaging text shaped by the languages of framers and translators.

Key words: translanguaging, the Universal Declaration of Human Rights, translation, equivalence

Article history:

Received: 17.10.2020

Accepted: 14.12.2020

Moderator: O.A. Valikova

© Kellman S.G., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Conflict of interests: none

For citation:

Kellman, S.G. 2021. “Omnilingual Aspirations: The Case of the Universal Declaration of Human Rights”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 18 (1), 6–19. DOI 10.22363/2618-897X-2021-18-1-6-19

Научная статья

Всеязычные устремления: на примере Всеобщей декларации прав человека

С.Г. Келлман

Техасский университет Сан-Антонио, США
1 Университетский округ, TX 78249

Аннотация. Всеобщая декларация прав человека, принятая Организацией Объединенных Наций в 1948 году, согласно Книге рекордов Гиннеса, является наиболее переводимым документом в мире. Однако версии на 419 языках задуманы не как переводы, а как эквиваленты, альтернативные варианты идентичных принципов. Библия переведена на множество языков, но древнееврейский и греческий оригиналы обладают авторитетом, а производные от английского, бенгальского и коса — нет. Через теологию международного управления Всеобщая декларация прав человека транслируется на многие языки. Ни одна версия не имеет приоритета; все одинаково актуальны, прозрачны и взаимозаменяемы. Утопический посыл состоит в этом случае не столько в том, что все люди обладают неотъемлемыми правами, сколько в том, что все языки выражают одни и те же принципы. Название документа — Всеобщая декларация прав человека — может показаться солещизмом, неуместным модификатором: универсальны права человека, а не декларация. Однако ООН настаивает на том, чтобы все версии (по крайней мере, на официальных языках оригинала) имели одинаковую обязательную силу. ООН отвергает уорфианские представления о том, что определенные языки конструируют определенные мысли, и принимает языки как нейтральные инструменты, конкретное проявление которых не имеет значения. Аргументы против заключения в тюрьму писателей в Бирме могут в равной степени апеллировать к авторитету the Universal Declaration of Human Rights, la Déclaration universelle des droits de l’homme, Всеобщей декларации прав человека, la Declaración Universal de Derechos Humanos или 世界人权宣言. Словно альтернатива вавилонскому мифу о том, как высокомерие привело человечество к взаимонепонятости, Всеобщая декларация прав человека поддерживает веру Хомского в том, что все языки могут выражать одни и те же мысли. И все же различия между версиями статьи 1 («Все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах») нетривиальны; понятие *dignity* несоизмеримо с *Würde*, *αξιοπρέπεια*, *dignidade*, *waardigheid* или достоинством. Всеобщая декларация прав человека — это транслингвальный текст, созданный на языках разработчиков и переводчиков.

Ключевые слова: транслингвизм, Всеобщая декларация прав человека, перевод, эквивалентность

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 17.10.2020

Дата принятия к печати: 14.12.2020

Модератор: О.А. Валикова

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Келлман С.Г. Всеязычные устремления: на примере Всеобщей декларации прав человека // Полилингвильность и транскультурные практики. 2021. Т. 18. № 1. С. 6—19. DOI 10.22363/2618-897X-2021-18-1-6-19

Introduction

In Book I of *The Republic*, Socrates makes a mockery of Thrasymachus's cynical contention that: "Justice is what is advantageous to the stronger". However, history, written by the conquerors, too often corroborates the claim. While the conclusion to World War II did not necessarily demonstrate that might makes *right*, it did provide the mighty an opportunity to make *rights*. The victorious powers that convened in San Francisco in 1945 to create the United Nations declared, in the Preamble to its Charter, that one of the new organization's principal objectives was "to reaffirm faith in fundamental human rights, in the dignity and worth of the human person, in the equal rights of men and women and of nations large and small." It was not until more than three years later, after painstaking deliberations and negotiations among its then 58 members, that the UN got around to enumerating and defining those fundamental human rights, in a document titled the Universal Declaration of Human Rights.

The UDHR is, according to the *Guinness Book of Records*, "the most translated document" in the world. It can be read in 523 distinct linguistic iterations, in languages ranging from Abkhaz to Zulu. However, these versions are not conceived as translations but rather as equivalences, alternate embodiments of identical tenets. The Bible has been translated in part into 2,123 languages, as a whole into 349. However, in the case of the Bible, unlike the UDHR, it is meaningful to distinguish between the original and its derivatives. The Hebrew and Greek texts possess authority that English, Bengali, and Xhosa approximations do not. Nevertheless, although the Bible is *translated*, the UDHR is, through the theology of international governance, transubstantiated into multiple tongues. No version has priority; none is the Ur-text. In principle, each is equally valid, transparent, and interchangeable. The utopian — and moot — premise is not only that all humans possess inalienable rights but also that all languages are capable of expressing the same set of fundamental propositions.

The Preamble to the UDHR proclaims that the Declaration provides "a common standard of achievement for all peoples and all nations". That standard is presumed to be the same whether expressed in Igbo, Korean, Quechua, Sanskrit, Welsh, Yiddish, or any of 517 other languages. In its English form, Article 5 proclaims that: "No one shall be subjected to torture, or to cruel, inhuman, degrading treatment or punishment". But it is difficult enough within an exclusively Anglophone legal system to define the term "torture" and determine whether it applies, for example, to waterboarding. The difficulty

is compounded when *torture*, which is prohibited by Article 5 of the UDHR, competes with *torturas* (Spanish), עינויים (inuyim, Hebrew), *Folter* (German), пытка (pytki, Russian), *cruciar* (Latin), *изтезания* (iztezaniya, Bulgarian), βασανιστήρια (vasanatirya) (Greek), and *marteling* (Afrikaans) as the common standard of cruelty for all peoples and all nations. The UDHR was conceived and created in the aftermath of atrocity, when it became urgent for people of good will to do something decisive to prevent the recurrence of genocide and global mayhem. The Preamble evokes the enormity of the horrors perpetrated under the Nazi régime, the “barbarous acts which have outraged the conscience of mankind”, as the motive for devising the Declaration. To the delegates of the United Nations General Assembly meeting temporarily in 1948 in the Palais de Chaillot in Paris — a city that had only three years earlier been liberated from German occupation — the Rape of Nanking, the conscription of Korean “comfort women”, and the brutal war in the Pacific seemed less compelling than the reversion of European civilization to savagery. But whatever the impetus, the leaders of the world found it imperative to enumerate and affirm the inalienable rights possessed by all human beings of all eras and all cultures. Because uniformity of phrasing was less crucial than universal promulgation, the United Nations insisted that “no distinction” be made “between languages and dialects since all of them serve the purpose of global dissemination”.

The UN actively encourages the creation of additional linguistic versions of the UDHR: “to the end that every individual and every organ of society, keeping this Declaration constantly in mind, shall strive by teaching and education to promote respect for these rights and freedoms”. In its English, French, and Spanish incarnations, the UDHR was adopted as Resolution 217 A (III) by unanimous vote (with eight abstentions, by five Soviet bloc nations plus Saudi Arabia and South Africa) on December 10, 1948. It immediately began proliferating throughout the planet — not only in the other official UN languages, Chinese and Russian; in Arabic, which became an official UN language in 1973; and in other widely spoken, government-sanctioned languages such as Bengali, Hindi, Japanese, and Portuguese; but also in stateless minority languages such as Aymara, Frisian, Hawaiian, Hmong, Mayan, Ojibwe, and Romani. The UDHR has been invoked explicitly in dozens of national constitutions adopted since 1948, as well as in hundreds of international treaties and conventions. It has also inspired the creation and continuing vigilance of such non-governmental organizations as Amnesty International and Human Rights Watch. Implicitly, and often explicitly, it has haunted the war crimes trial of Serbian leader Slobodan Milošević, the extended house arrest of Burmese dissident Aung San Suu Kyi, the persecution by the Chinese government of practitioners of Falun Gong, and the use of “extraordinary rendition” by American authorities against suspected terrorists.

Discussion

But the exceptionally wide diffusion of the UDHR challenges the document’s ability to function as a common standard of achievement for all peoples and all nations. According to Talmudic legend, the Septuagint came into existence in the 3rd century BCE when King Ptolemy II placed 72 scholars in 72 separate rooms and instructed them to produce a translation of the Hebrew Bible into Koine Greek. All 72 translations commissioned by Ptolemy were said to have been identical. An infinite number of monkeys with an

infinite number of keyboards might eventually have tapped out those 72 identical iterations, but the Talmudic account (Tractate Megillah 9A) of the origins of the Septuagint seems as miraculous as the parting of the Red Sea. It is likely that even two translators working independently of each other would arrive at two distinct variants. The 523 versions of the UDHR have more in common with the childhood game of *Telephone*, in which a message is passed down a line of participants and changes dramatically during transmission.

When a text asserts authority, we naturally seek to identify the author. The United Nations is the collective author of the UDHR, and the individuals who rendered the text into each language have, for the most part, vanished into that invisibility that is traditionally the goal — or at least the fate — of the translator. In his history of translation, Lawrence Venuti identifies a spectrum between “domesticating” and “foreignizing” translations; and domesticating translations, those that do not call attention to their derivative status because their translators become invisible, are more common [1. P. 21]. For all their labor, few translators ever achieve fame or wealth. In only a very few instances does the web site for the UDHR, which provides links, in impartial alphabetical order, to each of the 523 versions, credit an individual translator. Philippe Blanchet, for one, is listed as responsible for putting the UDHR into Provencal. Asked which text he used as his source, he replied: “Both English and French, I also had a look at the Italian version for some details”¹. Pamela Munro is credited with both the Chickasaw and the San Lucas Quiavin Zapotec texts, both of which she reports were derived from the English version. About the interchangeability of her translations with their source, she warns: “...there are different cultural conceptions of human rights. The UDHR is very much culturally anchored in Western postwar idealism”².

Aside from a few examples such as those, almost all the other versions of the UDHR are attributed to organizations rather than individuals. The Wolof text is credited to the United Nations Information Centre, Senegal; the Urdu to the United Nations Information Centre, Pakistan; the Catalan to the United Nations Information Centre, Spain; and the Sanskrit to the United Nations Information Centre, India. Several other texts, including those in Albanian, Arabic, Armenian, Dutch, Filipino, Hindi, Sudanese, Telugu, and Tiv, are listed as having been supplied by the United Nations Information Centre, New York. Amnesty International UK is credited with creating versions of the UDHR in Chinanteco, Even, Gagauz, Sardinian, and Scots, while responsibility for the Esperanto version is assigned to Universala Esperanto Asocio in Rotterdam. The effect of these corporate attributions is to emphasize that the document was created by agencies and to deflect attention from the personal agency involved in choosing words from one language to substitute for those of another language. The institutional generation of the UDHR’s multiple versions is a form of self-translation similar to what happens when translanguaging authors such as Samuel Beckett, André Brink, Isak Dinesen, Ariel Dorfman, and Vladimir Nabokov transpose their own writings into another language. And it reinforces the illusion that the UDHR is spread impartially and equally across 523 languages, as if the *echt* Declaration exists not in any single version but rather in the entirety of its iterations. We are led to believe that the sum total of this Babel is the consummate articulation of human

¹ Philippe Blanchet. Email to the author. May 22, 2011.

² Pamela Munro. Email to the author. May 19, 2011.

rights. However, despite the institutional claims for parity, all the versions of the UDHR except those in the official UN languages (and probably even a few of those) are translations. And the existence of translations and sources, derivatives and originals, implies a hierarchy of authenticity and authority.

Defining and proclaiming inalienable rights was one of the first priorities of the nascent United Nations after its founding late in 1945. The task was delegated to committees set up by the UN Human Rights Commission, an agency of the UN Economic and Social Council. During most of the painstaking deliberations that consumed two years, the working title for the project was the International Declaration of Human Rights. That name eventually morphed into the United Nations Declaration of Human Rights. However, during the final stage of drafting, the French delegation, preferring to deflect attention from the sponsors of the Declaration to its beneficiaries, convinced their colleagues to change the document's title again, to what it has been known as since [2. P. 33]. The Universal Declaration of Human Rights might seem a solecism, an instance of misplaced modification. Surely, it is *human rights* that are universal, not the Declaration. Yet, even before the drafting process was complete, the United Nations Human Rights Commission was forced to defend its premise that certain rights are valid everywhere, independently of the milieu in which they are embedded.

In June, 1947, the executive board of the American Anthropological Association sent a preemptive letter to the Commission warning about ethnocentric presumptions in “a statement of rights conceived only in terms of the values prevalent in the countries of Western Europe and America” [3. P. 222]. While the drafting committee was wrestling with the wording of the UDHR, another UN agency, UNESCO, queried 150 prominent thinkers about whether it is indeed possible to identify any core values shared by all cultures. Among the respondents, who also included Benedetto Croce, Aldous Huxley, Richard McKeon, Salvador de Madariaga, and Pierre Teilhard de Chardin, Jacques Maritain was skeptical about finding common ground among widely diverse world views, noting that: “the ideological contrast is irreducible and no theoretical reconciliation is possible” [4. P. 183]. More interested in responsibilities than rights, Mohandas Gandhi stated: “I learned from my illiterate but very wise mother that all rights to be deserved came from duty well done” [4. P. 184]. Nevertheless, the UNESCO study concluded that, despite the fact that fundamental convictions throughout the world “are stated in terms of different philosophic principles and on the background of divergent political and economic systems” [3. P. 222], for practical purposes it is in fact possible to identify certain practices that are intolerably abhorrent in all human societies and others that elicit unanimous approbation.

Urging adoption of the document that she and others had been laboring over during more than eighty meetings in Europe and the United States, Eleanor Roosevelt, who chaired the UN Human Rights Commission, told the General Assembly that: “This Declaration may well become the international Magna Carta of all men everywhere. We hope its proclamation by the General Assembly will be an event comparable to the proclamation of the Declaration of the Rights of Man by the French people in 1789, the adoption of the Bill of Rights by the people of the United States, and the adoption of comparable declarations at different times in other countries” [3. P. 166]. However, the Magna Carta, the Déclaration des droits de l'Homme et du Citoyen, and the Bill of

Rights form part of a very specific Western political tradition, one that the framers of the UDHR consciously tried, with varying degrees of success, to enlarge. They were sensitive to the accusation of slighting values from other cultures and assuming the universality of their own. They pointed to the fact that the drafting committee consisted of delegates from eight farflung nations — Australia, Chile, China, France, Lebanon, the Soviet Union, United Kingdom, and United States — and that many of the 50 other nations that in 1948 constituted the United Nations provided significant input into the 30 articles adopted as the final document. In 1993, forty-five years after its adoption, when 171 nations met in Vienna to reaffirm their commitment to the core principles of the UDHR, their official communiqué proclaimed: “The universal nature of these rights and freedoms is beyond question” (Vienna Declaration and Programme of Action, World Conference on Human Rights, 1993. Retrieved May, 2011 from: <http://www.fao.org/righttofood/KC/downloads/vl/docs/AG889.pdf>). Yet questions have in fact been raised from the very beginning, despite conscientious attempts to paper over political and linguistic discrepancies. The question of whether there are indeed cultural universals parallels the question of whether there are linguistic ones. A belief that human rights transcend the attitudes and mores of specific societies is not dissimilar from a Chomskyan conviction that deep structures common to all human languages are more significant than superficial differences in morphology, syntax, and phonology. *Universal*, the floating modifier in the Universal Declaration of Human Rights, points to its premise that both rights and writing transcend place and time.

Intent on demonstrating how international and conscientious the project of creating the UDHR was, Charles Habib Malik, the delegate from Lebanon and a key figure during the drafting process, observed that: “It may be that no other document in history, of the importance of the Universal Declaration, received the same world-wide, sustained consideration and scrutiny that this document did” [5. P. 19]. Elsewhere, he recalled that “...every word and comma and semicolon was gone over most carefully several times by the chancelleries and representatives of some fifty-eight governments...” [6. P. 275]. However, precision in punctuation could not guarantee linguistic homology. English and French were the working languages of the committees that hammered out the wording of the UDHR, though Chinese, Russian, and Spanish were also at the time official languages of the UN. A month before the Declaration — in English, French, and Spanish texts — was submitted to a vote of the General Assembly, a subcommittee appointed at Malik’s initiative was established “to ensure exact correspondence of the text in the five official languages of the UN” [7. P. 163]. Of course, there can be no exact correspondence between Chinese and Russian or even between French and Spanish, and adding languages beyond those five has meant multiplying discrepancies. As Christopher Kuner notes, “The presumption of similar meaning is nothing more than a rule of convenience designed to reconcile the practice of providing authentic versions of treaties in as many as five or six languages with the general unwillingness to interpret treaties in a truly multilingual fashion” [8. P. 962].

In international relations as in poetry, translation is indeed betrayal, if unavoidable. The initial draft of the UDHR was prepared by John Peters Humphrey, a legal scholar from Canada who served as head of the UN Secretariat on Human Rights. Though bilingual in English and French, he worked primarily in English. Humphrey’s draft was

revised by René Cassin, a prominent French jurist whose command of English was shaky. He confessed in his memoir that, confused over what was being said during one meeting, he inadvertently voted in favor of a measure he actually opposed: “I failed to understand, and thus let pass, proposals and resolutions that did not correspond to my own views” [4. P. 196].

Neither English nor French was a problem for the Lebanese Malik, a philosopher who had written his doctoral dissertation under Alfred North Whitehead at Harvard University and later taught at the American University of Beirut. Nor was it for the drafting committee’s vice chairman, Peng-chun Chang, the Chinese delegate who had earned his Ph.D. under John Dewey at Columbia University. The Indian delegate, Hansa Mehta, had translated *Hamlet*, *The Merchant of Venice*, and *Gulliver’s Travels*, as well as *Le Bourgeois Gentilhomme* and *Tartuffe*, into Gujarati. Carlos P. Rómulo, the delegate from the Philippines, had earned an M.A. from Columbia University, served as chairman of the Department of English at the University of the Philippines, and received a Pulitzer Prize for his English-language journalism. Eleanor Roosevelt, who patiently and deftly guided the UDHR from conception to adoption, was of course, like William Hodgson of Australia and Charles Dukes of the United Kingdom, an Anglophone. However, she was fluent enough in French that once, when Cassin spoke so long without pausing for translation that the interpreter left the room in tears, she was able to provide an English summary of his speech [3. P. 31]. Of the core members of the drafting team, only Hernán Santa Cruz, of Chile, and Alexei Pavlov, of the Soviet Union, might have had to rely on translators to understand and be understood during the course of the proceedings.

The specific choice of words in a UN text is a matter of more than merely stylistic interest. A statement on human rights created and endorsed by the world body has real-life implications and consequences. Nevertheless, anxious not to get bogged down further in disputes over definition and jurisdiction, the framers of the UDHR agreed to defer questions of implementation and enforcement. The visionary document that the UN adopted in 1948 was designed to provide a set of guiding principles for all people for all time. It is not legally binding the way that the UN Covenant on Civil and Political Rights and the UN Covenant on Economic, Social, and Cultural Rights, both ratified in 1976, are, but it has had a wider influence through its moral force, as “a common standard of achievement for all peoples and all nations”. Beyond its widespread incorporation into subsequent national and international law, the UDHR has inspired millions throughout this imperfect world with a forthright statement of how things ought to be. The framers aimed for lucidity and economy, and most accounts of the drafting of the UDHR discuss the language of the document not in terms of the incommensurability of Italian, Persian, and Thai but rather in terms of how, aiming for precision, concision, and simplicity, delegates fretted over their choice of words, subjecting parts of the document to 1400 separate committee votes before the General Assembly finally adopted it in toto. Alert to redundancies, the architects of the UDHR pared the 49 articles in Humphrey’s first draft down to 30 in the final version. Most agreed with Chang that the Declaration “should be as simple as possible and in a form which was easy to grasp” [2. P. 34]. Though article 46 in the Humphrey draft, which guaranteed the right to expression, education, and litigation in an individual’s own language, disappeared from later versions, its principle

of linguistic equality was assumed to be implicit in the rest of the document. And language as the medium of the UDHR itself was never far from the deliberations.

Some friction among the drafters over the wording of rights was ideological rather than linguistic, though the English word *right* does not translate perfectly into the Russian прав (*prav*) the Chinese 权 (*quán*) or the Hindi सही (*sahī*). The Greek word δικαιώματα (*dikaiómata*) and זכויות (*zkhuyot*), the Hebrew word, lack any authoritative association with the dominant right hand found in the words *rights*, *droits*, *derechos*, *Rechte*. Western delegates, heirs to an Enlightenment emphasis on the individual as an independent moral agent, were most intent on affirming civil and political principles (freedom of speech, assembly, and belief, presumption of innocence), while delegates from the Soviet bloc and Latin America emphasized economic and social ones (the right to employment, education, health care, and housing). Franklin D. Roosevelt's 1941 "Four Freedoms" speech, proclaiming freedom of expression and belief as well as freedom from want and fear, provided a basis for consensus, and the UDHR ended up accommodating both libertarian and communitarian orientations toward rights. Disagreement over the wording of religious rights focused on the possibility of conversion. To the Muslim member of the committee, Article 18's guarantee of the freedom to switch religions translated into Arabic not as a freedom but as *مردد* (*murtad*), apostasy. That and Article 16's guarantee of equal rights in marriage led Saudi Arabia to abstain on the final vote to adopt the document.

During discussion of Article 2's insistence that everyone, without distinction, is entitled to the rights set forth in the Declaration, M.H. Klevkovkin, the Ukrainian delegate, recommended specifying that those rights apply regardless of social status. He suggested inserting the term *сословие* (*sosloviye*), a Ukrainian and Russian word meaning, roughly, "estate". However, because historical Eastern European social categories do not translate easily into other languages *сословие* did not make it into the final draft, which guarantees human rights regardless of "race, colour, sex, language, religion, political or other opinion, national or social origin, property, birth or other status". A variant of *сословие* does show up in the Russian version, but not in the Ukrainian.

Article 4, which prohibits slavery, originally stated that: "No one shall be held in slavery or involuntary servitude", though the French version simply stated: "Nul ne sera... tenu en servitude", omitting the adjective "involontaire" [9. P. 103]. When A.F. Canas, the delegate from Costa Rica, pointed out the discrepancy, Cassin observed that in French *all* servitude is involuntary. Though in English it is possible to describe certain military and occupational commitments as "voluntary servitude", the phrase "involuntary servitude", Cassin insisted, does not have any meaning in French. To repair this disparity between the English and French texts, the committee voted 17—15, with 4 abstentions, to delete the word "involuntary" from the final English text.

The English version of Article 12, guaranteeing that: "No one shall be subjected to arbitrary interference with his privacy", was rendered into French as "Nul ne sera l'objet d'immixtions arbitraires dans sa vie privée", into Spanish as "Nadie será objeto de injerencias arbitrarias en su vida privada", and into German as "Niemand darf willkürlichen Eingriffen in sein Privatleben". However, some communal cultures do not value or even recognize privacy, and their languages lack a term to denote it. Russian possesses no satisfactory equivalent for *privacy*, *vie privée*, *vida privada*, or *Privatleben*, and its version of Article 12, "Никто не может подвергаться произвольному вмешательству в его

личную...”, instead affirms the protection of the *personal* (личную, lichnuyu), which is not quite the same as *privacy*.

It is possible to go through the entirety of the Declaration, from the Preamble to the conclusion of Article 30, noting divergences created by the fact that no two languages are identical. However, a glance at Article 1, a statement of the fundamental premises on which the entire document is based, might suffice for a sense of how cacophonous is the polyglot polytext that the United Nations sent off into the world. The draft that Cassin submitted in June, 1947 begins: “Tous les hommes sont frères. Comme êtres doués de raison et membres d’une seule famille, ils sont libres et sont égaux en dignité et en droits”. He was clearly borrowing from the 1789 Déclaration des droits de l’Homme et du Citoyen, whose first article begins: “Les hommes naissent et demeurent libres et égaux en droits”. (“Men are born and remain free and equal in rights”. The English rendition of Cassin’s text submitted to the committee was: “All men, being members of one family are free, possess equal dignity and rights, and shall regard each other as brothers”.) In French, English, Spanish, and many other European languages, “men” can function as synecdoche for “human beings”, though since 1948 it has grown increasingly suspect as sexist. However, a Soviet delegate, Vladimir Koretzsky, objected, contending that the phrase “All men” is one of those “historical atavisms which preclude us from an understanding that we men are only one-half of the human species” [3. P. 68]. Although she called herself a feminist, Roosevelt defended the commonplace conflation of “men” with “human beings”. After considerable discussion, the drafting committee eliminated the masculine subject, making the opening of Article 1 read: “Tous les êtres humains naissent libres et égaux en dignité et en droits” / “All human beings are born free and equal in dignity and rights”. Nevertheless, in Basque, it is necessary to distinguish between male and female, and, instead of making the subject of the sentence in Article 1 generic, the Basque version of the UDHR had to substitute a compound subject: “Gizon-emakume guztiak aske jaiotzen dira” (All men and women are born free). The second sentence of Article 1 still calls for “a spirit of brotherhood”, and the French version, echoing the revolutionary call for *liberté, égalité, et fraternité*, similarly demands a spirit of *fraternité*. The German רוח version likewise refers to *Geiste der Brüderlichkeit* and the Hebrew של אחווה.

Again avoiding a masculine bias, the Basque version calls for all human beings to behave toward one another *artean senide* — as if within the family. One hopes that Basque families are not abusive. The name of the entire document — in English, the Universal Declaration of Human Rights; in Spanish, la Declaración Universal de Derechos Humanos; in Russian, Всеобщую декларацию прав человека; in Chinese, 世界人权宣言; and in Arabic الإعلان العالمي لحقوق الإنسان — is generic, but the French version, la Déclaration universelle des droits de l’homme, is not. It echoes the hallowed Déclaration des droits de l’Homme et du Citoyen and demonstrates how, even if their syntax and vocabularies are similar, languages bear different historical freight.

Similarly, inclusion of the word *dignity* in the English version of Article 1 is probably a vestige, if not a calque, from the French Déclaration des droits de l’Homme et du Citoyen, which, against the crushing power of Bourbon monarchy, proclaimed *la dignité* of ordinary individuals; as much as the nobility, they, too, are *digne de* (worthy of) moral consideration. The English version of Article 1 might have done better to assert that all

human beings are equal in *worth* or *value*, since the word *dignity* in English evokes the fusty image of starched collars and walking sticks. Surely the UDHR is not intended as an accessory to vanity or as a prohibition against satirists such as Jon Stewart from deflating the self-esteem of the sanctimonious and the hypocritical. Nor is *dignity* exactly commensurate with *Würde*, *αξιοπρέπεια* (*axioprépeia*), *dignidade*, *waardigheid*, or *достоинства* (*dostoinstva*).

Chang, the vice chairman of the drafting committee, suggested inserting the Chinese word 仁 (*rén*) into Article 1. He explained that, as a combination of the characters 人 (*man*) and 二 (*two*), it meant something like “two man-mindedness” [3. P. 67]. Its English equivalent might be *empathy*. However, the commission instead ended up asserting that human beings are endowed not with 仁, but with *reason* and *conscience*, terms that are themselves each problematic in English and possess imprecise equivalents in other languages. The French text also employs the word *conscience* (just as the Spanish text uses *conciencia* and the Italian *coscienza*), but the meaning is somewhat different in the Romance languages, closer to *consciousness*. Nor did 仁 (*rén*) make it into the final Chinese version, which employs the term 良心 (*liángxīn*) instead. 良心 (*liángxīn*) is usually rendered in English as *conscience*.

While it is the most ambitious, the UDHR is certainly not the earliest instance of a transnational plurilingual text. Versions of a peace treaty that ended hostilities between the Egyptian Pharaoh Ramesses II and the Hittite King Hattuşiliš III in 1271 B.C.E. have been preserved in both Egyptian hieroglyphics and Hittite cuneiform [10. P. 23]. According to the Book of Esther (3:12), when Haman determined to exterminate all the Jews in the polyglot Persian empire, he prepared an edict in the name of King Ahasuerus and dispatched it “to every province according to the writing thereof, and to every people after their language”. Ahasuerus rescinded the death decree by sending out countermanding orders in each of those same languages (8:9). The Treaty of Versailles that concluded World War I was drafted simultaneously in French and English and taken to possess primary and equal authority in each. In 1969, as linguistically parallel versions of international agreements were multiplying, the Vienna Convention on the Law of Treaties attempted to codify their status in international law. Article 1 of the Vienna Convention states that: “When a treaty has been authenticated in two or more languages, the text is equally authoritative in each language, unless the treaty provides or the parties agree that, in case of divergence, a particular text shall prevail” [8. P. 454 n. 5]. That has not silenced controversy among legal scholars about whether, in applying plurilingual documents to particular situations, one text is sufficient or it is necessary to consider all authoritative linguistic versions. Furthermore, ascribing authority is one thing, but Article 3 of the Vienna Convention goes on to make the preposterous claim that: “The terms of the treaty are presumed to have the same meaning in each authentic text”. *The Unnamable* (1958) could not possibly have the same meaning as *L’Innomable* (1953), even if Beckett had attempted to make his English text a perfect facsimile of his French novel. It is as naive to assume perfect congruence between the English and Russian texts of the Nuclear Non-Proliferation Treaty (“the English, Russian, French, Spanish, and Chinese texts of which”, according to its Article XI, “are equally authentic”) as between *Lolita* and *Лолита*, even if Nabokov had not consciously reconceived his novel between its publication in English in 1955 and in Russian in 1967.

When they were signed in Ucciali in 1889, it was agreed that the Amharic and Italian versions of the Treaty of Friendship and Commerce between Italy and Ethiopia possessed equal authority [11. P. 5]. In Amharic, Article 17 stated that Emperor Menelik II *was permitted* to use the services of the Italian government to conduct foreign relations. However, when the emperor discovered that the Italian text stated that he *was obliged* to use the services of the Italian government to conduct foreign relations, he was furious at the attempt to erase Ethiopia's sovereignty through linguistic legerdemain. By 1896, the discrepancy between the two texts had led to a war in which Italian troops suffered more than 5,000 casualties. Because the Italian and Amharic texts were incompatible, Italy was eventually forced to pay an indemnity of 10 million lire and to renounce, in no uncertain terms, any claims to Ethiopian territory. Similarly, many years after the conclusion of the 1967 Six Day War, contemporary tensions in the Middle East remain exacerbated by the fact that the two authoritative versions of United Nations Security Council Resolution 242 do not say quite the same thing. Israel has accepted the English wording of Article 1, which calls for: "Withdrawal of Israel armed forces from territories occupied in the recent conflict". However, the government of the state of Israel rejects the French text, which calls for "retrait des forces armées israéliennes des territoires occupés lors du récent conflit" (withdrawal of Israeli armed forces from the territories occupied in the recent conflict). Because French, unlike English, requires an article or a partitive before a noun, it was impossible to use the phrase "retrait *de* forces armées israéliennes des territoires occupés lors du récent conflit". But because "retrait des forces armées israéliennes des territoires" could mean withdrawal from *the* (i.e. *all the*) territories, Israeli officials found the resolution acceptable only in its vaguer English wording.

Belgium, Canada, India, South Africa, and Switzerland are among contemporary nations that recognize multiple official languages and generate legally binding, parallel texts in each. But the closest analogy to the linguistic pluralism of the UDHR is probably found in the *Official Journal of the European Union*. Published every working day at considerable expense, the *Journal* appears in identical formats in each of the official languages of the European Union. At present, the EU certifies 23 languages as "official and working" (English, French, and German are the "procedural languages" of the European Commission), with more likely to come as its membership expands to include such nations as Albania, Iceland, and Turkey. However, even if the EU ends up having to employ translators to cover as many as 30 languages, its purposes would still seem modest in comparison to those of the UDHR, which aspires to speak about essential things to everyone everywhere.

The Universal Declaration of Human Rights imagines an ideal planet in which hunger, torture, homelessness, unemployment, arbitrary arrest, exploitation, and tyranny do not exist. It projects a utopian vision of the best of all possible worlds created in reaction to a global crisis in which the worst were filled with passionate intensity and the best floundered in the absence of an international mechanism to prevent unprecedented carnage. Of necessity, as a proclamation of general principles, the UDHR abounds with abstract terms such as *freedom*, *liberty*, *dignity*, *justice*, *equality*, and *rights*, all of which are problematic within just English and impossible to find exact equivalents of in other languages. Philippe Blanchet, who struggled to translate the lofty French and English of the document into Provençal, a language that favors concreteness, in fact noted that:

“... we don’t express things in abstract terms in Proven al and ... I had to try and find a way to turn it into a more pragmatic and familiar way of saying it, which is very important in the Proven al culture and sociolinguistics rules”. Not only did he find it difficult to represent the abstractions in the Declaration, but he reports that Provenal concepts such as *lou parage*, which means the condition of living together as equal beings, simply have no equivalent in French and English (Blanchet, personal correspondence).

Moreover, the UDHR adopts the European Enlightenment model of personhood, of the individual human being as a rational, sovereign moral agent. Rights do not exist unless they can be asserted, and they cannot be asserted if they are not articulated. Using the tools of distinct first-, second-, and third-person pronouns as well as the ascription of causality through subject-verb agreement, English and French are efficient mechanisms for delineating the kinds of human rights that did not exist under fascism. Might different linguistic systems in the Amazon rain forest and Papua New Guinea express human relationships very differently? Of course, it is a truism of anthropology that human relationships vary considerably from culture to culture, and a key to all cultures might seem chimerical, attained not empirically but mystically. However, in the first chapter of *De Interpretatione*, Aristotle contends that “affections of the soul” are universal, though expressed differently in different languages. For Roosevelt and the other members of the committee convened by the UN after World War II, human rights were indeed “affections of the soul”, and if a common language does not exist in which to express them, we must stretch all the languages we have to accommodate discourse about rights. An opponent of essentialism, John Rawls, would deny a universal core to human rights, positing instead “an overlapping consensus” [12. P. 421].

Conclusion

However, in order to understand that overlap, we still need a shared language. And if there is indeed an overlap, we might as well call it universal. The cosmopolis of perfect communication in which every human being is accorded respect persists as a fond fantasy.

The task of the translator is, according to Walter Benjamin’s famous essay by that name, to aim to attain the impossible, a pure language that is the consummation of the thousands of actual human tongues. “It is the task of the translator”, he wrote, “to release in his own language that pure language which is exiled among alien tongues, to liberate the language imprisoned in a work in his re-creation of that work. For the sake of the pure language, he breaks through decayed barriers of his own language” [13]. There may or may not be a Universal Grammar — of human rights or of human language. But each of the 523 versions of the Universal Declaration of Human Rights aspires to that ideal language and ideal human condition for which we still lack perfect words.

References

1. Venuti, L. 1995. *The Translator’s Invisibility: A History of Translation*. New York: Routledge. Print.
2. Morsink, J. 1999. *The Universal Declaration of Human Rights: Origins, Drafting, and Intent*. Philadelphia, University of Pennsylvania Press. Print.
3. Glendon, M.A. 2001. *A World Made New: Eleanor Roosevelt and the Universal Declaration of Human Rights*. New York: Random House. Print.

4. Normand, R., and S. Zaidi. 2008. *Human Rights at the UN: The Political History of Universal Justice*. Bloomington: Indiana University Press. Print.
5. Malik, Ch. 1978. “The Drafting of the Universal Declaration of Human Rights”. *United Nations Bulletin of Human Rights* 86 (1): 18–26.
6. Malik, Ch. 1951. “Human Rights in the United Nations”. *International Journal* 6 (4): 275–80.
7. Alfredsson, G., and A. Eide. 1999. *The Universal Declaration of Human Rights: A Common Standard of Achievement*. Kluwer Law International: The Hague. Print.
8. Kuner, Ch. 1991. “The Interpretation of Multilingual Treaties: Comparison of Texas versus the Presumption of Similar Meaning”. *International and Comparative Law Quarterly* 40 (4): 953–64.
9. Verdoodt, A. 1963. *Naissance et signification de la Déclaration Universelle des Droits de l’Homme*. Louvain-Paris: Nauwelaerts. Print.
10. Šarčević, S. 1997. *New Approach to Legal Translation*. The Hague: Kluwer Law International. Print.
11. Tabor, M. 1980. *Multilingualism in International Law and Institutions*. Alphen aan der Rijn: Sijthoff & Noordhoff. Print.
12. Rawls, J. 1999. “The Idea of an Overlapping Consensus”. *Collected Papers*. Ed. Samuel Freeman. Cambridge, MA: Harvard University Press. Pp. 421–448. Print.
13. Benjamin, W. 1996. *Selected Writings: Volume 1, 1913–1926*. Ed. Marcus Bullock and Michael W. Jennings. Cambridge: Harvard University Press. Print.

Bio Note:

Steven G. Kellman is a Professor at the Department of English, University of Texas at San Antonio, USA. E-mail: steven.kellman@utsa.edu

Сведения об авторе:

Келлман Стивен — профессор Департамента английского языка Техасского университета Сан-Антонио, США. E-mail: steven.kellman@utsa.edu

DOI 10.22363/2618-897X-2021-18-1-20-28

Research Article

Russian Language in Kazakhstan: Specific Learning and Functioning in the Context of Interlingual Interaction

Ye.A. Zhuravleva¹, A.E. Agmanova²

¹ L.N. Gumilyov Eurasian National University
2, Satpayev Str., Nur-Sultan, 010008, Republic of Kazakhstan

² Pavlodar Pedagogical University
60, Mira Str., Pavlodar, 140003, Republic of Kazakhstan

Abstract. The diversity and specificity of cultures and languages of ethnic groups, living on the territory of Kazakhstan, create a special socio-cultural context of the Eurasian space, demonstrating the model of modern interethnic linguistic and socio-cultural interaction. Uniqueness of social and communicative space of the country, characterized by the dominance of the state Kazakh and Russian languages — languages of two large ethnic groups — against a background of great linguistic diversity, determines the significance of the study of their interaction and mutual influence in the context of a multicultural society. This paper analyzes the issues of language interaction in polyethnic state, forms and methods of foreign language influence on Russian language. The issues of learning and functioning of the Russian language are considered as a native and as a second language. Active processes due to features of the interaction of the Kazakh and Russian languages are analyzed as 1) speech activity of ethnic Russians; 2) Russian speech of other ethnic groups; 3) learning and using Russian language by repatriates-Kazakhs and foreign citizens.

Key words: multicultural environment; language contacts, interaction of languages; intercultural competence

Article history:

Received: 03.10.2020

Accepted: 14.12.2020

Moderator: U.M. Bakhtikireeva

Conflict of interests: none

For citation:

Zhuravleva, Ye.A., and A.E. Agmanova. 2021. "Russian Language in Kazakhstan: Specific Learning and Functioning in the Context of Interlingual Interaction". *Polylinguality and Transcultural Practices*, 18 (1), 20–28. DOI 10.22363/2618-897X-2021-18-1-20-28

© Zhuravleva Ye.A., Agmanova A.E., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Русский язык в Казахстане: особенности обучения и функционирования в контексте межъязыкового взаимодействия

Е.А. Журавлёва¹, А.Е. Агманова²

¹ Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилёва
Республика Казахстан, 010008, Нур-Султан, ул. Сатпаева, 2

² Павлодарский педагогический университет
Республика Казахстан, 140003, Павлодар, ул. Мира, 60

Аннотация. Многообразие и специфика культур и языков этносов, проживающих на территории Казахстана, создают особый социокультурный контекст евразийского пространства, демонстрируя модель современного межэтнического языкового и социокультурного взаимодействия. Своеобразие социально-коммуникативного пространства страны, характеризующееся доминированием государственного казахского и русского языков — языков двух крупных этнических групп — на фоне большого языкового разнообразия, определяет значимость изучения их взаимодействия и взаимовлияния в контексте мультикультурного общества. В статье анализируются вопросы языкового взаимодействия в полиэтничном государстве, формы и методы воздействия иностранного языка на русский язык. Рассмотрены вопросы изучения и функционирования русского языка как родного и как второго. Активные процессы, обусловленные особенностями взаимодействия казахского и русского языков, анализируются как речевая деятельность этнических русских; русская речь других этносов; изучение и использование русского языка репатриантами-казахами и иностранными гражданами.

Ключевые слова: мультикультурная среда, языковые контакты, взаимодействие языков, межкультурная компетентность

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 03.10.2020

Дата принятия к печати: 14.12.2020

Модератор: У.М. Бахтикиреева

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Журавлёва Е.А., Агманова А.Е. Русский язык в Казахстане: особенности обучения и общения в контексте межъязыкового взаимодействия // Полилингвильность и транскультурные практики. 2020. Т. 18. № 1. С. 20–28. DOI 10.22363/2618-897X-2021-18-1-20-28

Introduction

It is well-known that the promotion of a peaceful dialogue between various national cultures, particularly in the context of a direct contact of several languages within the boundaries of a state or even a group of multinational states, remains to be the vital concern of these states which seek to maintain and develop civilized forms of interaction

and cooperation among different peoples who, as it is often the case, share long-standing traditions of coexistence in spiritual, social, and economic spheres. The solution to the issue of the individual's development who finds himself at the intersection of various cultures and languages lies, in our view, in the solution of a whole set of socio-psychological, pedagogical, linguistic and methodological problems. Approaches to each of the above mentioned problems and their solution are closely connected to the socio-cultural aspect of research which we examine in this paper.

The Republic of Kazakhstan is currently going through a new phase of its development which is characterized by the intensification of the interaction process at both intercultural and interpersonal levels, not to mention the impact of globalization on all spheres of social life. The population of Kazakhstan consists of more than 130 ethnic groups, thus, creating excellent conditions for a unique language situation and great opportunities for researchers to look into various intercultural communication and language contact problems arising from multi-ethnic and language diversity. Although there are many different ethnic groups, the overwhelming majority is represented by the speakers of the official Kazakh and Russian languages. Therefore, it is, for the most part, the close interaction of these two languages in different social contexts that makes the language situation so specific in the country.

The phenomenon of massive Kazakh-Russian bilingualism emerged as a result of a series of historical and political events, and, above all, as a result of an extensive 'russification' policy. Following the 'russification' policy, during a long time, numerous ethnic groups interacted with each other in socioeconomic, public and cultural spheres primarily in Russian. As western scholars Dave and Sinnott have observed, the so called "Russified cultural landscape" was once heavily predominant in Kazakhstan [1]. The change in the language situation in favour of the official Kazakh language, whose position has steadily been reinforced during the years of independence, is taking place in the context of massive bilingualism in which Russian still plays a considerable role.

Taking into account the role of Russian in the modern world, questions of mastering Russian as a second language in a multi-ethnic country, in our view, are of particular interest. It should be noted that in Kazakhstan Russian is studied as 1) a first (native), 2) second, and 3) foreign language.

In regard to all that has been mentioned above, the following main aspects of Russian, functioning as a first and second language, and active processes determined by the specific features of interaction between Kazakh and Russian, are analysed: 1) speech of the ethnic Russians; 2) speech of the speakers of Russian for whom Russian is a second language; 3) the learning and use of Russian by Kazakh repatriates and foreign citizens.

The influence of language contacts on the development of the Kazakhstan variant of the Russian language

Languages with several centres of development in which national variants are constantly developing with their own linguistic processes, own norms and a certain official status, are normally called multi-national in linguistics. Their characteristic feature is "national variability" which is a kind of manifestation of a certain language system in the respective national centre. English, Spanish, French, etc. can be referred to as multi-national

languages; each of them has more than 300 year's history of national variants development. Russian is also approaching that definition. And there are several reasons for that. Firstly, Russian enjoys the status of the official language in Kazakhstan. Secondly, active language contacts within the country and the extent to which Russian is used in all spheres of public and social life allow us to define it as multi-national.

Geographical, political, socioeconomic and cultural features specific to the Kazakhstan reality have greatly influenced all levels of the language spoken by the ethnic Russian and people of other nationalities who consider Russian their first language, as a result of which, 'a variable layer' has appeared in Russian, while the core has remained the same. Not surprisingly, the lexical layer has been affected most of all: its size has expanded considerably thus causing further changes in other layers, morphological and phonetic in particular. Moreover, we maintain that as a result of language contact not only language is likely to undergo changes, but also the consciousness of speakers of that language.

Thus, national mentality, logic, emotions, means of expressions, moral priorities, etc. of the speaker of Russian surrounded by people who speak a foreign language has undergone and keeps undergoing changes of varying degree.

The specifics of the way Kazakh repatriates master Russian

The problem of learning Russian by students repatriates (ethnic Kazakhs who study in Kazakhstan universities) is one of the most relevant and insufficiently developed problems. It is very difficult for an individual to adapt to a new socio-cultural setting; one always faces the necessity to realize the uniqueness of this other speaker's world outlook. In addition to that, different alphabets make communication even more difficult: Cyrillic (Kazakhstan and many other countries of CIS), Roman alphabet (Turkey, Western Europe), the ancient Kazakh alphabet "tote zhazu" (China, Iran and Pakistan).

In order to help students, Kazakh repatriates, successfully adapt to a new socio-cultural environment, it is very important to find effective ways to help them successfully learn Russian and to be able to do this. Additionally, it is essential to design a curriculum in such a way so it should be aimed at eliminating intercultural communication problems. Teaching Russian as a foreign language is a multifaceted complex process. One of its important goals is to form students' communication competence through gradual development of their speaking skills, which in turn, is achieved through teaching the language and necessary skills so students will later be able to make use of this knowledge in real life situations when communicating with native speakers.

Methodology

Different qualitative and quantitative methods are used to achieve the research goals: observation, a method of random selection of regionalisms from the Kazakhstan media texts, systematization, classification, component, semantic and conceptual analysis, a questionnaire and tests.

As part of the study, a sociolinguistic survey was conducted in Akmolinskaya oblast among the speakers of Russian of different ages. The reason why we chose to conduct the survey in the north region of our country is that a great number of non-indigenous

population lives there. Since the influence of Kazakh on Russian is less traceable there, unlike in the southern regions, the obtained data reflect the real state of Russian lexical system. The aim of the survey was to determine the corpus of the most assimilated and commonly used lexical units of the Kazakh language as well as lexical zones with a high frequency of Kazakh words in them.

2500 informants took part in the survey. The sampling was carried out on the basis of a quota sample, the main parameters being nationality, age, and education.

82% of the informants reported Russian as their first language, the remaining 18% was made up of informants who belonged to other nationalities and also reported Russian as their first language. The national make-up of the latter group is represented by the Polish, German, Belorussian, Ukrainian, Tatar, Korean and others. The Kazakh corpus of lexical units served as the material for questionnaires. These lexical units were grouped into the following semantic spheres: the sphere of social and business communication; social and cultural sphere; the sphere of day-to-day communication; a toponymic sphere; 13 thematic groups in all.

Another aspect of research — the study of the specifics of intercultural communication development and the process of learning Russian by Kazakh repatriates — is based on the experimental data: the results of the survey and tests, associative experiment and interview which were conducted among the first and fourth year returnee-students who specialised in different branches at L.N. Gumilyov Eurasian National University (2017). 100 informants took part in the survey (the first-year students — 60%, the fourth-year students — 40%), among them there were students who originally came from China (59%), Mongolia (23%), Uzbekistan (18%).

The research findings concern the specific features of the acquisition of linguistic and cultural knowledge by the students-repatriates as well as the factors that bear on the effectiveness of the acquisition process of such knowledge: the informants' attitude towards Russian, reasons underlying motivation for learning the language, the degree of willingness on the part of the informants to engage in conversation with speakers of Russian.

Results and Discussion

In this part we dwell on the results of the study. First, we examined Russian as it is used by the ethnic Russian.

Russian as the mother tongue (the use of Russian by the ethnic Russians)

Language features of this group are associated primarily with lexical borrowing (non-equivalent and equivalent). The practice of using lexical units of the Kazakh language in Russian speech can be called a typical modern phenomenon, as the reality surrounding the speaker requires the use of adequate means of expression. Due to the regularity and frequency of usage, the borrowed units have lost their “alien” nature and are now perceived as natural components of the lexical system of the native language. For instance, socio-political vocabulary (akimat, maslikhat, Mazhilis, tenge oralman, zhuz, et al.), socio-cultural vocabulary (aitys, aytysker, akyn, kui, kuishi, dombra, shashu, bata, ait, Nauryz, sadaka, suyunshi, oraza et al.), the units belonging to the sphere of everyday communication

related to the gastronomic discourse (ayran, besbarmak, bausak, kumys, shubat, shuzhyk, kazi, kurt, irimshik, shelpek, sogym et al.), names of people (aksakal, apai, yeah, kudalar, ata, azhe, batyr, dzhigit, ainalayyn et al.), names of buildings, businesses (kumyskhana, yurt, shaykhana, damkhana, duken et al.) and household appliances (korpe tekemets, shanyrak, tabak, kese, kazan, piala, koshma, dastarkhan et al.). This is the body of words related to the realities of life which a speaker faces constantly. These units are effortlessly reproduced in the speech of Russian speakers and are perceived as native units of the language.

The ability to communicate is a global communicative competence, generic concept. Y.E. Prokhorov said that communicative competence “as a generic term includes three specific concepts: existential competence, textual competence and discursive competence. All other competences, although fully entitled to exist, we believe, are more private elements: speech and language competence, of course, “serve” all three types, because the types can explicate only in their shapes in the learning process and in the implementation process; country-studies — part of the existential competence since the latter is wider; professional and objective — one of the manifestations of the object and discursive depending on the type of communicative space in which they are implemented, etc.” [2].

The text information is of greatest interest to us because it contains lexical units of another language (in different volumes). Inclusion of the foreign-language text elements does not necessarily mean that the authors could not find the right words in their native language or foreign words to convey a certain sense — rather it indicates familiarity of the speaker/writer with a different culture and maybe with another language, i.e. indicates the absence of a peculiar threshold, making a different culture and a different language no longer alien. As the researchers note, «when native speakers no longer feel the strangeness of the foreign word, it loses signals and accompanying comments and begins to be used “on a par» with other lexical units of the native language” [3].

Russian as a second language (use of Russian by the ethnic Kazakhs)

Language features of this group are associated with the introduction of the native language units to Russian speech by natural code-switching and active processes in the area of word formation (new words with a borrowed basis). Lexical units borrowed from the Kazakh language are governed by the laws of the Russian language in the word-formative plan. Derivatives of those units, in the formation of which native Russian and foreign-language morphological derivation are updated, are of particular interest.

The most productive and frequent ones are diminutive suffixes -ushk-, -yushk-: kese (a small cup for tea) — kesyushka, piala (cup for broth and tea) — pialushka; -eshk- suffixes, and -ishk- -ashk-: apa (older woman, a grandmother) — apashka, aga (male, aged uncle) — agashka, tate (Aunt) — tateshka, korpe (blanket) — korpeshka and others.; suffix — k — released in feminine nouns denoting objects from the diminutive value: azhe (grandmother) — azheka (only applies to the older woman, a Kazakh); suffix — sk — in the Russian language is used mainly in the adjective derived from the basics of nouns, both proprietary and common nouns: akimat (authority) — akimatovsky, the Majilis (lower chamber of parliament) — mazhilisovsky et al., “Turan” (firm for the production

of mineral water) — turanovskaya water; “TASSAY” (company specializing in the production of drinking water) — tassayskaya products; “Rakhat” (confectionery in Almaty) — rakhatovskie candy. Derivatives formed from the names of the parties and organizations: Otan (homeland, homeland) — otanovsky, Nur Otan — Nur Otanovsky, Zhuldiz (star) — zhuldyzovsky, Adilet (Justice) — adiletovsky and others. Formation of compound words by adding the word bases, joining foreign language affixoids is used in adapting Kazakh words in the Russian language: kumysodel — (mare (Kaz.) — a fermented milk drink made from mare’s milk + do) — a person who is engaged in manufacturing kumys. The word is created by the model of the word «oiler» («maslodol» in Russian). The same pattern works for other units: Temirbank — (temir (kaz.) — the iron, the name of a famous bank in Kazakhstan); rayakimat, gorakimat, oblakimat — (district, city, region + city administration — the local authority of the management): regional, city, and regional administration respectively.

A limited region, a foreign environment, in our case — Kazakhstan, in which Russian operates and develops, helps to complete the lexical structure through loanwords — regionalisms, which are adapted to the language with the help of Russian word-formation processes. These units are widely used in the Russian speech, but a wide and varied range of their use can be observed among Kazakhs who know the mother tongue — the Kazakh language.

Russian as a foreign language (use of Russian by Kazakh immigrants and foreign nationals)

The problem of intercultural competence formation in the language and socio-cultural adaptation of Kazakh repatriates is of special importance, because they are facing not only the problems of mastering a new language system in the process of learning the Russian language, but also a strange, alien culture, while at the same time experiencing considerable difficulties adapting to the new socio-cultural environment. The returnees-students have repatriated from Uzbekistan, Mongolia, China, Afghanistan and other countries. The immigrant students, who embark on the study of the Russian language in Kazakhstan, have different levels of proficiency in Russian because some of them have studied Russian before entering university. Kazakh repatriates from Mongolia and China have greater difficulty compared to immigrants from Uzbekistan, as they start learning the Russian language mostly only in university. Survey data suggest that immigrant students know the native Kazakh language (100%), the languages of the countries where they came from (Chinese — 59%, Mongolian — 23%, Uzbek — 18%) as well as languages such as English (29%), Russian (8%), Uyghur (6%), German (3%), Dungan (2%), Kyrgyz (1%), Turkish (1%). Russian is among the languages which are less spoken in everyday communication. The results of the survey, testing, interviewing, and association experiment revealed the features of intercultural competence formation of students-returnees. It was found that the motives for studying Russian are different: 1) some study Russian with the cognitive and professional purpose in mind; 2) others study Russian in order to facilitate the adaptation process in the modern Kazakh society; 3) still others reported that they were learning Russian because they were expected to since it was part of their curriculum.

Low activity in forming relationships with representatives of Russian nationality is related to unfamiliarity with the language and a negative attitude of some foreign students.

The process of adaptation and integration of immigrant students into modern Kazakhstan society is complex and depends on many factors. One of them is the communication experience with representatives of other cultures. The degree of communication with students of immigrant Russian-speaking citizens reflect the following results showing their dynamics: the first-year students (73,3%) have no friends of Russian nationality, while the majority of undergraduates (65%) have reported to have Russian friends. Mechanisms of learning and knowledge externalization of immigrant students in the study of the Russian language, as well as the specificity of formation of intercultural competence depend on intralinguistic and extralinguistic factors [4].

The study results reveal the specifics of cultural and linguistic interaction and mechanisms of formation of intercultural competence of different ethnic group members living in a multiethnic society and thus engaged in an ongoing intercultural dialogue.

Conclusion

A feature of the multinational Russian language in relation to other multinational languages is that it is manifested not only in the language of other ethnic groups using it as a mother tongue in intra or inter-ethnic dialogue, but also in the language of the ethnic Russian living in multi-ethnic states, particularly in Kazakhstan.

Because the Russian language experiences considerable influence from Kazakh, the lexical system of the multinational Russian language has acquired a number of specific features which has made it possible for a new national variant to come about outside the main area of its existence [5].

Special forms of language interaction, leading to the development of special socio-cultural experience of the individual, the mastery of their respective models of speech behavior, the adequacy of a given society norms of communication are produced with the wide distribution and use of the Russian language by representatives of Russian nationality, for whom it is native, and people of other nationalities, especially Kazakh, including Kazakh immigrants in modern Kazakhstan reality.

Monitoring of cultural and linguistic interaction which allows to reveal the mechanisms of formation of a tolerant personality in the context of multilingual educational space and multi-ethnic society of modern Kazakhstan, is one of the research areas of scientific laboratory “Applied Linguistics and Intercultural Communication” at the Department of Theoretical and Applied Linguistics at L.N. Gumilyov ENU. Attempts to identify the mechanisms and the specific formation of intercultural competence of representatives of different ethnic groups living in a multiethnic society and engaging in a constant intercultural dialogue have been made in the research conducted under the guidance and direct participation of the authors.

References

1. Dave, B. & Sinnott, P. 2002. Demographic and Language Politics in the 1999 Kazakhstan Census. Watson Institute, Brown University, the National Council for Eurasian and East European Research. Pp. 5–8. Print.
2. Prokhorov, Yu.E. 2005. “Russkii yazyk v novom kommunikativnom prostranstve XXI veka”. In *Sostoyanie russkogo yazyka i prepodavanie na russkom yazyke za predelami Rossii. Vozmozhnosti*

- ispol'zovaniya mezhdunarodnogo opyta: Collection of abstracts of Research-Practical Conference. Kishinev: VALINEX. Print. (In Russ.)
3. Mirzoyan, S.V. 2003. "Adaptacija zaimstvovannyh slov". History of linguistics, literature study and journalism as the basis of modern philological knowledge. Volume 2. History. Culture. Language: 108. (In Russ.)
 4. Agmanova, A.E. 2018. "Specifika jazykovej podgotovki studentov kazahov-repatriantov". In Russkij jazyk i literatura v tjurkojazychnom mire: sovremennye koncepcii i tehnologii: Collection of abstracts of Research-Practical Conference (Kazan', November, 29 — December, 1, 2018). In 2 volumes. Edited by d. R.R. Zamaletdinova, T. G. Bochina, Yu. V. Ageeva. Kazan: Kazan University Publishing House, 2018. Vol. 1. Pp. 17—21. Print. (In Russ.).
 5. Zhuravleva, E. 2016. "Trends in the Formation of Kazakhstan's Variety of Russian". In Pluricentric Languages and Non-Dominant Varieties. Worldwide: Volume 1: Pluricentric Languages across Continents Features and Usage. Frankfurt a.M. / Wien u.a., Peter Lang Verlag. Print.

Список литературы

1. *Dave B., Sinnott P.* Demographic and Language Politics in the 1999 Kazakhstan Census. Watson Institute, Brown University, the National Council for Eurasian and East European Research, 2002. Pp. 5—8.
2. *Прохоров Ю.Е.* Русский язык в новом коммуникативном пространстве XXI века // Состояние русского языка и преподавание на русском языке за пределами России. Возможности использования международного опыта: материалы научно-практической конференции. Кишинев: ВАЛИНЕКС, 2005.
3. *Мирзоян С.В.* Адаптация заимствованных слов // История языкознания, литературоведения и публицистики как основа современных филологических знаний. Т. 2. История. Культура. Язык. М., 2003.
4. *Агманова А.Е.* Специфика языковой подготовки студентов казахов-репатриантов // Русский язык и литература в тюркоязычном мире: современные концепции и технологии: материалы научно-практической конференции (Казань, 29 ноября — 1 декабря, 2018). В 2 т. Ред. Р.Р. Замалетдинова, Т.Г. Бочина, Ю.В. Агеева. Казань: Издательство Казанского ун-та, 2018. Т. 1. С. 17—21.
5. *Zhuravleva E.* Trends in the Formation of Kazakhstan's Variety of Russian // Pluricentric Languages and Non-Dominant Varieties. Worldwide: Volume 1: Pluricentric Languages across Continents Features and Usage. Frankfurt a.M. / Wien u.a., Peter Lang Verlag, 2016.

Bio Note:

Yevgeniya A. Zhuravleva is a Doctor of Philology, Professor, Head of Theoretical and Applied Linguistics, The L.N. Gumilyov Eurasian National University. E-mail: zhuravleva_ea@enu.kz

Atirkul E. Agmanova is a Doctor of Philology, Professor of the Higher School of Humanities of Pavlodar Pedagogical University. E-mail: agmanova@mail.ru

Сведения об авторах:

Журавлёва Евгения Александровна — доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилёва. E-mail: zhuravleva_ea@enu.kz

Агманова Атиркуль Егембердиевна — доктор филологических наук, профессор, профессор Высшей школы гуманитарных наук Павлодарского педагогического университета. E-mail: agmanova@mail.ru

DOI 10.22363/2618-897X-2021-18-1-29-43

Научная статья

Транскультурность и ее проявление в поэтике лирических текстов

З.К. Темиргазина

Павлодарский педагогический университет
Казахстан, 140005, Павлодар, ул. Мира, 60

Аннотация. В статье на примере творчества русского советского поэта Павла Николаевича Васильева показана репрезентация транскультурной эстетики в художественном тексте, созданном на русском языке русским автором, сформировавшимся в условиях «пограничного» сосуществования двух культур — русской и казахской. Его произведения можно отнести к «литературе пограничья», в которой сочетание русскоязычного дискурса и парадигмы степной, кочевой культуры порождает гибридный текст, обладающий своеобразной художественной эстетикой и поэтикой, которая прослеживается на внешнетекстовом и внутритекстовом глубинном уровне. «Я» автора с «пограничным» мышлением обладает стабильной этнической идентичностью, открыто проявляя при этом свою бикультурную принадлежность, что вполне согласуется с тезисом о гибкости и подвижности культурной идентичности транскультурного поэта или писателя. На внешнетекстовом уровне художественных произведений транскультурность находит выражение в тематике, в экзотизмах, в иноязычных вкраплениях и вставках. Транскультурная сущность авторского сознания порождает гибридные тексты, содержащие симбиотические словесные образы и приемы, демонстрирующие гибридные каноны и символы (символы полыни, коня), вбирающие в себя элементы казахских и русских культурных стереотипов и кодов (стереотипные представления об азиатской внешности казахов), которые неконфликтно сосуществуют в художественной картине мира Васильева. В результате возникает уникальная в эстетическом плане поэтическая картина мира, обогащенная парадигмами двух различающихся культур, которая является достоянием русского культурного пространства.

Ключевые слова: «литература пограничья», транскультурная поэтика, Павел Васильев, внешнетекстовый уровень, внутритекстовый уровень, гибридный текст

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 04.11.2020

Дата принятия к печати: 24.12.2020

Модератор: О.А. Валикова

© Темиргазина З.К., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Темиргазина З.К. Транскультурность и ее проявление в поэтике лирических текстов // Полилингвильность и транскультурные практики. 2020. Т. 18. № 1. С. 29—43. DOI 10.22363/2618-897X-2021-18-1-29-43

Research Article

Transculturalism and Its Manifestation in the Poetics of Lyric Texts

Z.K. Temirgazina

Pavlodar state pedagogical university
60, Mira Str., Pavlodar, 140003, Republic of Kazakhstan

Abstract. Using the example of the work of the Soviet Russian poet Pavel Nikolaevich Vasilyev, the author shows the representation of transcultural aesthetics in a literary text created in Russian by a Russian author, formed in the conditions of the “borderline” coexistence of two cultures: Russian and Kazakh. His works can be classified as “borderland literature”, in which the combination of the Russian-language discourse and the paradigm of the steppe, nomadic culture generates a hybrid text with a peculiar artistic aesthetics and poetics, which can be traced at the external and internal deep levels. The “I” of the author with “borderline” thinking has a stable ethnic identity, while openly showing its bicultural affiliation, which is quite consistent with the thesis about the flexibility of the cultural identity of a transcultural poet or writer. At the external text level of works of art, transculturalism finds expression in themes, in exoticisms, in foreign language insertions. The transcultural essence of the author’s consciousness generates hybrid texts containing symbiotic verbal images and techniques that demonstrate hybrid canons and symbols (symbols of wormwood, horse), incorporating elements of Kazakh and Russian cultural stereotypes and codes (stereotypical ideas about the Asian appearance of Kazakhs), which coexist without conflict in the artistic picture of the world of Vasilyev. As a result, a poetic picture of the world, unique in aesthetics, enriched with the paradigms of two different cultures, which is the property of the Russian cultural space, appears.

Key words: “Literature of the borderlands”, transcultural poetics, Pavel Vasiliev, external text level, internal text level, hybrid text

Article history:

Received: 04.11.2020

Accepted: 24.12.2020

Moderator: O.A. Valikova

Conflict of interests: none

For citation:

Temirgazina, Z.K. 2021. “Transculturalism and Its Manifestation in the Poetics of Lyric Texts”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 18 (1), 29—43. DOI 10.22363/2618-897X-2021-18-1-29-43

Введение

Возникновение теории транскультурной литературы в конце XX — начале XXI вв., ее активное развитие в трудах М.В. Глостановой [1; 2], У.М. Бахтикеревой [3], А. Дагнино [4] и др. обусловлены необходимостью теоретического осмысления специфических явлений в литературе, имеющих синкретичный поликультурный характер, который возникает, если литературное произведение создается на языке, неродном для писателя, или в инокультурном и иноязычном для писателя окружении. Явная специфичность подобной литературы не позволяла укладывать ее в традиционные литературоведческие рамки, научно-понятийный аппарат которых не обладал достаточной объяснительной силой для ее анализа и осмысления. Исследования художественной специфики, поэтики подобной литературы сводились к проблематике иноязычных и инокультурных вкраплений в художественный текст, к инонациональным мотивам (восточным, арабским и т.п.) в творчестве того или иного поэта (писателя) и т.д.

К транскультурной литературе традиционно относят произведения национальных писателей, создающих свои произведения на русском языке, но отражающих в них национальный способ мирозидения (см. раб. Ж.В. Бурцевой [5], У.М. Бахтикеревой [3], Дм. Новохатского [6] и мн. др.). Основной же целью нашей работы является исследование характерных признаков транскультурной эстетики в лирических текстах, созданных русским поэтом на русском языке в условиях «пограничья» — сосуществования двух разных культур. Речь идет о творчестве русского советского поэта Павла Николаевича Васильева (1910—1937), которое, по общему признанию, питалось из двух культурных источников — русской культуры и казахской степной культуры. По-другому и не могло быть, ведь он родился и вырос в Казахстане — Зайсане, Павлодаре — в тесном общении с казахами, в непосредственном соприкосновении с казахскими обычаями и традициями, хорошо узнал степную кочевую культуру и проникся ее духом. «“Русский азиат” — называли его. Или, говоря словами уральца Бориса Рыжего, прожившего те же 27 лет, только без четырех месяцев, — “трансазиатский поэт”» [7].

Его творчество можно отнести к так называемой литературе пограничья, о которой Дм. Новохатский писал: «“Я” “литературы пограничья” осмысливается как конгломерат транскультурных элементов; в этом случае историческая память служит механизмом поддержания пограничного статуса-кво, позволяя принадлежать к нескольким культурам одновременно и предохраняя от полного слияния индивида с какой-либо из них» [6. С. 78]. Теория «пограничного мышления» констатирует изменчивость критериев осмысления национальной принадлежности того или иного автора, предполагая открытость разных культур, их взаимную вовлеченность, сосуществование не по принципу дифференциации, а по принципу интерференции («рассеивания») символических значений одной культуры в полях других культур [8. С. 97].

Таким образом, мы рассматриваем с позиции транскультурной теории литературы произведения русского поэта, пишущего на русском языке, творческая языковая личность которого сформировалась на стыке двух культур¹. У.М. Бах-

¹ Отметим, что некоторые произведения из творческого наследия П. Васильева, например стихотворение «Азиат», анализировались с позиции транскультурной теории [9].

тикиреева определяет место таких русских писателей в культуре и литературном процессе и их отличие от русскоязычной национальной литературы: «Тексты же русских писателей, в которых описываются образы других культур на русском языке, являются неотъемлемой частью русской культуры, поскольку в них выделяется “специальная сфера иначе организованная”, чем в текстах русскоязычных национальных писателей, отображающих свою культуру на русском языке. Они в определенной мере составляют информационный резерв русской культуры, становятся “ядром духовно-культурной экзистенции народа”, поскольку закрепляют в ней видение русским человеком чужой действительности» [3. С. 223].

Результаты и обсуждение

Транскультурная эстетика проявляется на разных уровнях идейно-содержательного и художественного осмысления: на внешнем уровне текста и на внутреннем, глубинном уровне, когда возникает «гибридность» текста. Уровни репрезентации транскультурности в художественном тексте показаны ниже.

Внешнетекстовый уровень

Этническая и культурная самоидентификация автора

Тематическое содержание

Иноязычные вкрапления
(экзотизмы, вставки)

Внутритекстовый уровень

Словесные образы (поэтика)

Гибридные культурные каноны и коды

Символы

Внешнетекстовый уровень репрезентации транскультурности носит эксплицитный характер, легко обнаруживаемый интерпретирующими, в отличие от внутритекстового глубинного уровня, признаки которого менее очевидны, имплицитны и требуют при интерпретации владения семиотикой и культурно-языковыми кодами обеих культур. Важно подчеркнуть, что отдельные параметры внешнетекстового уровня могут быть свойственны не только транскультурной, но и монокультурной литературе, в то время как внутритекстовый уровень обнаруживается исключительно в транскультурных текстах. Иными словами, тот или иной художественный текст может претендовать на транскультурность лишь при условии ее репрезентации на внутреннем художественно-эстетическом уровне, которая чаще всего дополняется внешнетекстовыми признаками.

Внешнетекстовый уровень транскультурности художественного произведения

Национальная и культурная самоидентификация автора в тексте

М.В. Тлостанова называет проблему «инаковости» основной в транскulturации: «Инаковость и ее снятие или его принципиальная невозможность являются одним из основных метасюжетов постсовременного транскультурного искусства, демонстрируя постоянное взаимодействие и переплетение множества голосов, дискурсов и локалов, которые в принципе неразрешимы в утопической идее син-

теза» [1. С. 12]. Павел Васильев, оказавшись в 1929 году в Москве среди литературной элиты, особенно остро осознает свою «инаковость», свою непохожесть на коллег по литературному цеху. Он заявляет об этом устами лирического героя:

Ну-ка спой, Василий, друг сердечный,
Разожги мне на сердце костры.
Мы народ не робкий и не здешний,
По степям далеким безутешный,
Мы, башкиры, скулами остры.

(Другу-поэту, 1934)¹

Лирический герой, говоря о своей «нездешности», имеет в виду не только то, что он не столичный житель, а выходец из провинции, но и то, что он иной по национальности, по культурным корням, называя себя башкиром, киргизом, т.е. казахом²:

Я по душе киргиз с раскосыми глазами.

(Прощай, Владивосток, 1926)

Вот почему под небом низким
Пью в честь широких глаз твоих
Кумыс из чашек круговых
В краю родимом и киргизском,
На кошмах сидя расписных!

(Послание к Наталье, 1934)

Лирический герой, ощущая свою «инаковость», проявляя гибкость в своей культурной идентичности, причисляет себя к степным, кочевым тюркским народам — башкирам, казахам, киргизам, ему близка их культура, ментальность. Не случайно поэт в качестве псевдонима берет казахское имя — Мухан Башметов. Себя он считает сыном степи, она — *родительница степь*, его муза, вдохновляющая на творчество:

Родительница степь, прими мою,
Окрашенную сердца жаркой кровью,
Степную песнь! Склонившись к изголовью
Всех трав твоих, одну тебя пою!
К певучему я обращаюсь звуку,
Его не потускнеет серебро,
Так вкладывай, о степь, в сыновью руку
Кривое ястребиное перо.

(Родительница степь, прими мою... 6 апреля 1935)

¹ Стихотворения П. Васильева цитируются по [10].

² В официально-деловом стиле царской администрации и, соответственно, в казачьей среде казахов было принято называть киргизами, чтобы избежать путаницы с близким по звучанию словом «казак». Таким образом, самоназвание «казак» не имело распространения в русскоязычной среде.

В то же время поэт четко осознает свою национальную идентичность, принадлежность к русской культуре, говоря о любви к ней и родстве с ней: *Я, детеныш пшениц и ржи...* (Одна ночь, 1933). В своих произведениях он воссоздает поэтическую картину мира, в которой несомненными концептуальными доминантами выступают образы русской поэтики и эстетики, продолжая, вслед за С. Есениным, Н. Клюевым традиции русской лирической поэзии [11; 12]. Многие ученые сходятся во мнении о том, что национальная и культурно-языковая идентичности не тождественны, их нельзя приравнивать [13; 14; 4]. Этническая идентичность отличается стабильностью, а культурно-языковая — гибкостью, подвижностью [13. С. 110]. Васильев проявляет в своем творчестве гибкую культурную идентичность, перманентно сохраняя этническую.

Следуя художественной правде, Васильев рисует националистические настроения в казачьей среде, используя распространенные среди них собирательные негативно-оценочные экспрессивные номинации: *кыргизня, кыргизье, каргызье*, перифразы: *степной хам и вор*:

Небо шашками дразня,
Сотни вышли в поле:
Одолеет кыргизня,
Только дай ей волю.

(Песня о гибели казачьего войска, 1930)

Ты скажи-ка, паря, мне, по какому праву
Окаянно кыргизье косит наши травы?

(Песня о гибели казачьего войска, 1930)

Казаки —
Зашшитники
От каргызья,
От степного
Хама
И вора!

(Свадьба, 1933)

Внутреннее самоощущение родственности обеим культурам, понимание и принятие ценностей, образа жизни казахов позволило поэту, выросшему в среде, в которой существовало пренебрежительное отношение к казахам и их культуре, заявлять о своей бикультурной идентичности, отражать ее в своем творчестве, что было своеобразным нравственным подвигом.

Тематика транскультурной литературы

Транскультурность творческой личности поэта проявляется и в тематике его стихотворений, которые посвящены казахским традициям, быту, героям: «Охота с беркутами», «Верблюд», «Я, Мухан Башметов, выпиваю чашку кумыса...», «Песня о Серке», «Родительница степь, прими...» и др.

Несомненно, это внешние проявления транскультурности, которые обусловлены длительными тесными контактами с иной культурой, когда творческая личность формируется «внутри» и «рядом» с ней. Заметим, речь не идет о транскультурности, как, например, в цикле стихотворений Сергея Есенина «Персидские мотивы», написанных в результате поездки на Кавказ, поскольку в этом случае другая культура становится объектом поэтического осмысления и источником вдохновения для поэта, находящегося «извне», вызывая интерес своей необычностью, экзотичностью; другая культура не становится при этом частью внутреннего духовного бытия автора. В своем онтологическом существовании поэт рационально или интуитивно осознает себя чужим по отношению к другой культуре, не представляя и не делая ее частью своего внутреннего мира, а собственное Я — ее частью.

Васильеву казахская культура не кажется иной, экзотичной, вызывающей интерес только в силу несхожести с русской, он скорее чувствует себя чужим в московской городской среде. Казахская степная культура есть часть его внутреннего мира, сформировавшегося в условиях «пограничья», она обогатила его духовность и раскрасила дополнительными красками и образами его видение и восприятие окружающего мира.

Иноязычные вкрапления в художественном тексте

К внешнему уровню проявления транскультурности в лирике Павла Васильева относятся иностранные вкрапления: экзотизмы (юрта, аркан, касэ, джигит, урман, кумыс, бурдюк, малахай, пайпаки) и иноязычные вставки:

Прислушайся! Как мерно сердце бьется
Степной страны, раскинувшейся тут,
Как облака тяжелые плывут
Над пестрою юртою у колодца.

(Затерян след в степи солончаковой..., 1929)

Как пастуший аркан — длина твоя.

(Как тень купальщицы — длина твоя...,
18 ноября 1934. Москва)

Пьет джигит из касэ, — вина! —
Азиатскую супит бровь.

(Ярмарка в Куяндах, 1930)

К Серке приблизилась
И потерялась дикая кошка
О пайпаки мордой розовой,
Промяукав: «Кош, ай-налайн»¹.

(Песня о Серке, 1931)

¹ Прощай, мой милый (каз.).

Вот секретарь аульного Совета, —
Он мудр, украшен орденом и стар,
Он тоже песни сочиняет: «Где ты
Так долго задержался, джалдастар?¹».

(Расставанье, 1932)

Традиционно иноязычным вкраплениям приписывают стилистическую функцию воссоздания колорита, быта и атмосферы другой культуры. Сегодня исследователи говорят об их роли в создании особого пространства, в котором отражается идентичность автора. М.А. Дубовицкая характеризует функцию иностранных вкраплений в тексте с точки зрения психологии и имагологии как самоидентификацию и транслирование своего образа (авторепрезентацию): «Самоидентификация и авторепрезентация особенно актуальны в мультикультурном дискурсе, так как понимание себя и желание облечь это в знаковую форму рождается при столкновении с “иным”» [15. С. 90]. Говоря другими словами, поэт, используя экзотизмы и иноязычные вкрапления, транслирует свой автообраз в попытке самоидентифицироваться в условиях «пограничья», находясь внутри двух близких ему культур.

Внутритекстовый художественно-эстетический уровень транскультурности

Гибридность текстов в транскультурной литературе

В транскультурной литературе автор порождает собственный неповторимый художественный мир из культурно разнородных элементов, используя разные эстетические приемы и средства, доступные ему в обеих культурах и освоенные им, т.е. создает «гибридные» в культурно-языковом отношении тексты. В гибридных текстах транскультурность проявляется не столь явно, не бросается в глаза, ее менее очевидные эстетические признаки искусно вплетены в ткань поэтики текста, отражая «пограничное мышление» автора.

Дм. Новохатский подчеркивал имплицитный характер транскультурной эстетики «литературы пограничья» и литературы современной эмиграции, отличающий их от русской литературы собственно России [6. С. 78]. «Проживание» в двух культурах увеличивает степень художественной свободы автора в выборе красок, использовании палитры обеих культур в новых необычных сочетаниях, тем самым открывая дополнительные креативные возможности для создания новой эстетики литературного творчества. «...Транскультурные авторы создают в своих художественных практиках своеобразную гибридную структуру, в которой подвергаются синтезу “чужие” для чужого языка культурные коды, способы мышления, психологические особенности, личностная идентификация. Этот процесс выражается не в простой механике соединения разных культурных голосов, но в сложном формировании новой формы видения мира, художественным продуктом которой является феномен транскультурной литературы» [16].

¹ Друг, товарищ (каз.).

Словесные образы

К имплицитным проявлениям транскультурной поэтики можно отнести словесные образы — метафоры, сравнения, эпитеты, созданные на основе инокультурных способов мировидения и мироощущения, отличных от привычных культурных кодов. Лирические тексты Павла Васильева предоставляют в этом отношении множество примеров:

Пело струнное кобылье молоко,
Пахло полынью и сладким снегом.

(Конь, 1932)

Необычный акустический образ создается в этих строках с помощью визуально-акустической метафоры (*струнное молоко*) и олицетворения (*пело кобылье молоко*). Для Васильева, поэтический дар которого сформировался на границе и внутри двух культур, типично принятие и понимание семиотических доминант обеих культур: кумыса — кобыльего молока, важнейшего продукта кочевников; полыни — символа родных степей.

В стихотворении «Азиат» поэт создает целостный поэтический образ зари, построенный на ряде словесных мини-образов: метафор (*пестрая кошма степи, бубен алый*), олицетворений (*заря поднимет*), эпитетов (*пестрая*), симбиотически сливающихся в неповторимую художественную картину, которая возникает как единый эстетический порыв поэта, живущего в стихии двух миров: *Над пестрою кошмой степей Заря поднимет бубен алый* («Азиат», 1934).

Так смотрите, беркуты наши, зорко —
Над полынями кружит коршун.
Вы не будьте ему подобны:
Не охотник он, а разбойник;
Лысый хан прожорливых сусликов
Беркутам нашим не товарищ!
И летит молодой беркутенок
Малахаем, сброшенным с неба.

(Охота с беркутами, 1931)

Упала в иртышскую зыбь и стынет
Верблюжья тень твоего моста.
И той же шерстью, верблюжьей, грубой,
Вьется трава у конских копыт.

(Семипалатинск, 1931)

Метафорическая перифраза *лысый хан прожорливых сусликов* (о коршуне), сравнение молодого беркутенка с *малахаем, сброшенным с неба*, эпитет *верблюжья тень моста*, метафора *вьется верблюжьей шерстью трава* порождены транскультурной эстетикой художественного мировоззрения поэта, создающего своеобразную семиотику двух граничащих в авторском сознании культур.

Гибридизация культурных канонов

Примечательным является совмещение двух в корне различающихся эстетических канонов внешней красоты человека во внутреннем мире поэта — русского и казахского. И они оказываются, вопреки логике, не противоборствующими, враждебными, а мирно сосуществующими в авторском сознании. «Вместо одного статичного культурного образа, в основном этнического, основанного на внутренней принадлежности и внешнем разграничении, появляется динамичный, симбиотический и постоянно меняющийся в культурных контекстах» [17. С. 123]. Вопреки сложившемуся в профанном сознании русского обывателя негативному отношению к внешнему облику азиата — казаха: скуластого, с косыми, узкими глазами, смуглолицего¹, поэту эти черты кажутся красивыми, отвечающими его транскультурному гибриднему канону внешней красоты:

Теки, Иртыш! Любуюсь, не дыша,
Одним тобой, красавец остроскулый.

(«Иртыш», 1934)

Описывая свою внешность, он подчеркивает в ней эти же азиатские черты: скуластость, смуглость, раскосость глаз, которые кажутся экзотическими другим, особенно москвичкам:

Здесь горожанки эти узкогруды,
Им нравится, что я скуласт и желт.

(Каменотес, 25—26 января 1936)

Мы, башкиры, скулами остры.

(Другу-поэту, 1934)

Я по душе киргиз с раскосыми глазами.

(Прощай, Владивосток, 1926)

О симбиозе и естественности типично казахских канонов красоты в духовно-эстетическом мире поэта говорит то, что эпитеты *скуластый*, *остроскулый*, *раскосый* часто употребляются им для характеристики различных неодушевленных объектов: природных (реки, месяца), сакральных, христианских (икон, лика богородицы):

Не смущайся месяцем раскосым,
Пусть глядит через оконный лед.

(Анастасия, 1933)

Чтоб в окно, скуласт и смел,
В иглах сосен вместо стрел,
Волчий месяц, как татарин,
Губы вытянув, смотрел.

(Песня, 1932)

¹ См., например, этнонимы казахов с негативно-оценочной коннотацией в русском языке: *косоглазый*, *узкоглазый*, *скуластый* и проч.

К скуластым от тоски иконам
Поводырем ведет тропа,
И чаши сходятся со звоном —
То черепа о черепа.

(На посещение Новодевичьего монастыря, 1932)

Сохранился твой народец,
Но теперь уж ты вовек
У скуластых богородиц
Не поднимешь птичьих век.

(Старая Москва, 1932)

В поэтическом мире Васильева скорее инородной выглядит не азиатская, а московская городская эстетика (*Здесь горожанки эти узкогруды*).

Символы в гибридных текстах

Важным элементом гибридной символики в лирике Васильева предстает полынь (жусан), один из важнейших элементов семиотики казахской степной культуры, означающих родину, отечество [18. С. 42]. Поэт, для которого характерно внимание к естественным чувственным ощущениям и деталям, акцентирование перцептивных образов, передающих полноту и красоту жизни во всех ее природных проявлениях, испытывает повышенное внимание к этому знаку-символу, освоив его и сделав частью семиотики своего транскультурного художественного пространства. В основе семиозиса полыни, внешне невзрачного, невысокого, неприметного растения, у поэта лежит не визуальное, а обонятельное восприятие, как и у казахов; специфический горьковатый запах полыни становится главным ассоциативным признаком перцептивного образа для поэта:

Дорога гулко зазвенит,
Горячий воздух в ноздри хлынет,
Спокойно лягут у копыт
Пахучие поля полыни.

(Азиат, 1934)

Солончаковой степью осужден
Таскать горбы и беспокойных жен,
И впитывать костров полынный запах.

(Верблюд, 1931)

Частотность упоминания полыни в лирических текстах обусловлена не распространенностью ее произрастания в географическом ареале, в котором вырос поэт, а теми ассоциативно-образными смыслами, которые возникают у поэта:

У меня ли на сердце пустая затея,
У меня ли на сердце полынь да песок,
Да охрипшие ветры!

(И имя твое, словно старая песня. Ноябрь 1929)

Горька тоска... Горьки в полях полыни...

(Глафира, 1930)

Горький ветер трясет полынь,
Горький ветер, жги и тумань,
У алтайских предгорий стынь!

(Ярмарка в Куяндах, 1930)

С ветром полынным вровень — лети,
Черное дерево-карагач,
Камень да пыль на твоём пути!

(Песня о гибели казачьего войска, 1930)

Полынь для поэта превращается в процессе культурной гибридации в символ родных казахстанских степей, напоминающий о родине, вызывающий тоску по ней, ассоциирующийся со степными вольными ветрами, кострами, конными скачками.

Образ коня также является гибридным в поэзии Васильева, поскольку он впитал отношение к коню как символу свободы, вольной жизни, укоренившееся в казахской кочевой и казачьей культурах. Конь для поэта — это не пахарь на ниве, не работяга в полях, без которого трудно обойтись в хозяйстве, возможно, поэтому в его стихах нет описания коня на пашне, на борозде, в тяжелом крестьянском труде земледельца. Конь для него, как для казаха-степняка и казака-воина — это друг и боевой товарищ, в нем ценится *зверья стать и зверья прыть*, а не работоспособность в хозяйстве.

Для художественного мира поэта типичен образ коня, летящего по просторам родных степей, в его образе актуализируются визуальные и акустические признаки развевающейся от ветра гривы, дробного стука копыт, полета скакуна:

Вот в зеленых мхах и лугах
Юность мчится во весь опор
На крутых степных лошадях.

(Сестра, 1930)

Просторен бег гнедого иноходца.

(Затерян след в степи солончаковой..., 1929)

А потом в татарской узде,
Вздыбившись под объездчиком сытым,
Захлебнувшись
В голубой небесной воде,
Небо зачерпывал копытом.

(Конь, 1932)

В его глазах костры косые,
В нем зверья стать и зверья прыть,
К такому можно пол-России
Тачанкой гиблой прицепить!

И — деревня сбита,
Пристяжка мечет, а вожак,
Вонзая в быстроту копыта.
Полмира тащит на вожжах!

(Тройка, 1934)

Образ скачущего коня положен поэтом в основу создания многих метафор, эпитетов, сравнений, что говорит о его важности в художественной концептуализации окружающего мира и в поэтической эстетике Васильева:

И дождь на травах обожженных
Копытами затанцевал

(Лубянка. Внутренняя тюрьма, 1932)

По гривам ветреных песков
Пройдут на север караваны.

(Азиат, 1934)

Полтысячи острых, крутых копыт
Взлетают, преграды сбив,
Пронесут кони твоих солдат
Косматые птицы грив.

(К портрету Р., 1931)

Заключение

Исследовав лирику Павла Васильева, русского поэта, пишущего на русском языке, творческая личность которого формировалась в бикультурной среде, на стыке русской и казахской культур, можно сделать вывод о транскультурности языковой личности поэта, о том, что казахская культура оказала сильное влияние на его творчество, стала частью его художественно-эстетического мира. Методология транскультурной литературы позволяет более точно и доказательно в процессе анализа определить характер поэзии Васильева как транскультурный и отнести ее к «литературе пограничья», поскольку характеристика ее как евразийской, часто встречающаяся в литературоведческих работах о творчестве Васильева, представляется в определенной степени декларативной.

Транскультурность поэта проявляется в гибкости культурной идентичности авторского Я, идентифицирующего себя как часть русской и казахской культур, перманентно сохраняющего при этом свою этническую идентичность. Транскультурность находит выражение на внешнетекстовом уровне художественных произведений: в тематике, в иноязычных вкраплениях и вставках. Что гораздо важнее, транскультурная сущность авторского сознания создает гибридные тексты, содержащие симбиотическую семиотику словесных образов, демонстрирующие гибридные каноны и символы, в которых соединяются элементы казахских и русских культурных стереотипов и кодов, непротиворечиво сосуществующих в художественном мире Васильева. В результате создается специфическая в семиотико-эстетическом плане поэтическая картина мира, обогащенная парадигмами двух различающихся культур, которая является уникальным вкладом в русскую литературу и культуру.

Список литературы

1. *Тлостанова М.В.* Транскультурация как новая эпистема эпохи глобализации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2006. № 2. С. 5—16.
2. *Тлостанова М.В.* Транскультурные исследования. Демаркация новой дисциплинарной области и будущее гуманитарного знания // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2012. № 1. С. 91—102.
3. *Бахтикереева У.М.* Творческая билингвальная личность (особенности русского текста автора тюркского происхождения). Астана: Изд-во «ЦБОиМИ», 2009.
4. *Dagnino A.* Global Mobility, Transcultural Literature, and Multiple Modes of Modernity // Transcultural Studies. 2013. No 2. Pp. 45—73.
5. *Бурицева Ж.В.* Транскультурная модель якутской русскоязычной литературы: художественно-эстетические особенности: дисс. ... канд. филол. наук. Якутск, 2008.
6. *Новохатский Дм.* Транскультурный текст и тенденции русского литературного мейнстрима: «Ташкентский роман» Сухбата Афлатуни // Mundo Eslavo. 2019. № 18. С. 74—91.
7. Дальний Восток: URL: <https://dv.land/people/russkii-aziat-iz-krasnogo-molodnyaka> (дата обращения: 20.10.2020).
8. *Эпштейн М.* На границах культур: российское — американское — советское. Нью-Йорк: Слово/Word, 1995.
9. *Кривошапова Т.В.* Транскультурная поэтика стихотворения Павла Васильева «Азиат» // Наследие Павла Васильева в его ретро- и перспективном окружении. Алматы: Нурай Принт-Сервис, 2009. С. 12—23.
10. *Васильев П.Н.* Стихи. URL: https://45parallel.net/pavel_vasilev/stihi/ (дата обращения: 11.08.2020).
11. *Куняев С.* Ему дано восстать и победить / Павел Васильев. Сочинения. Письма. URL: <http://libatriam.net/read/812606/> (дата обращения: 12.10.2020).
12. *Ковынева И.А., Рубцова Е.В.* Две лиры — одна судьба (сравнительный анализ поэзии П. Васильева и С. Есенина) // Innova. 2015. № 4 (1). С. 35—38.
13. *Прошина З.Г.* Контактная вариантология английского языка: проблемы теории. World Englishes Paradigm. М.: Флинта, 2017.
14. *Norton B., Toohey K.* Identity, language learning, and social change // Language Teaching 44.4. 2011. Pp. 412—446. doi:10.1017/S0261444811000309.
15. *Дубовицкая М.А.* Иноязычные вкрапления в художественном тексте как способ самоидентификации и авторепрезентации (на примере романа Амина Ар-Рейхани «Книга Халида») // Литературоведение и лингвокультурология. 2019. № 17(1). С. 89—96. DOI: 10.24833/210-242-2019-1-17-89-96.
16. *Женис Н., Кышова Ж.К.* Транскультурный подход в рамках изучения национальной литературы // Вестник КазНУ им. Аль-Фараби. Серия филологическая. 2018. URL: <https://articlekz.com/article/23746> (дата обращения: 21.09.2020).
17. *Протасова Н.А.* Транскультурность — новое понятие в мире глобализации // На перекрестке культур: единство языка, литературы и образования. Могилев: МГУ имени А.А. Кулешова, 2019. С. 123—125.
18. *Темиргазина З.К.* Современные теории в отечественной и зарубежной лингвистике. Павлодар, 2009.
19. Рудный Алтай. URL: <https://rudnyi-altai.kz/serdce-narashev/> (дата обращения: 23.09.2020).

References

1. Tlostanova, M.V. 2006. "Transculturation as a New Episteme of Globalization Epoch". Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series Philosophy 2 (12): 5—16. Print. (In Russ.).
2. Tlostanova, M.V. 2012. "Transcultural studies. Demarcation of the New Disciplinary Area and the Future of the Humanities". Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series Philosophy 1: 91—102. Print. (In Russ.).

3. Bakhtikereeva, U.M. 2009. *Tvorcheskaja bilingval'naja lichnost' (osobnosti russkogo teksta avtora tjurkskogo proishozhdenija)*. Astana: Izd-vo «CBOiMI». Print. (In Russ.).
4. Dagnino, A. 2013. "Global Mobility, Transcultural Literature, and Multiple Modes of Modernity". *Transcultural Studies* 2: 45—73. Print.
5. Burtseva, Zh.V. 2008. "Transkul'turnaja model' jakutskoj russkojazyčnoj literatury: hudozhestvenno-jesteticheskie osobennosti". Dissertation ... of a candidate of philological sciences. Yakutsk. Print. (In Russ.).
6. Novokhatskiy, D. 2018. "Transkul'turnyj tekst i tendencii russkogo literaturnogo mejnstrima: «Tashkentskiy roman» Suhbata Aflatuni". *Mundo Eslavo* 18: 74—91. Print. (In Russ.).
7. Far East. Web. URL: <https://dv.land/people/russkii-aziat-iz-krasnogo-molodnyaka>. Date of access 12.10.2020). Print. (In Russ.).
8. Epshtein, M. 1995. *Na granicah kul'tur: rossijskoe — amerikanskoe — sovetskoe*. New York: Slovo. Print. (In Russ.).
9. Krivoshchapova, T.V. 2009. "Transkul'turnaja poetika stihotvorenija Pavla Vasil'eva "Aziat". In *Nasledie Pavla Vasil'eva v ego retro- i perspektivnom okruzenii*. Almaty: Nuraj Print-Servis. Pp. 12—23. Print. (In Russ.).
10. Vasiliev, P.N. Poems. Web. URL: https://45parallel.net/pavel_vasilev/stihi/ Date of access 11.08.2020. (In Russ.).
11. Kunjaev, C. "He was let to rise up and win". Pavel Vasiliev. Writings. Letters. Web. URL: <http://libatriam.net/read/812606/> (Date of access 12.09.2020).
12. Kovyneva, I.A., and Ye.V. Rubtsova. 2015. "Dve liry — odna sud'ba (sravnitel'nyj analiz poezii P. Vasil'eva i S. Esenina)". *Innova* 4 (1): 35—38. (In Russ.).
13. Proshina, Z.G. 2017. *Kontaktная variantologija anglijskogo jazyka: problemy teorii*. World Englishes Paradigm. Moscow: Flinta. (In Russ.).
14. Norton, B., and K. Toohey. 2011. "Identity, language learning, and social change". *Language Teaching* 44 (4): 412—446. Print. doi:10.1017/S0261444811000309.
15. Dubovitskaya, M.A. 2019. "Inojazychnye vkraplenija v hudozhestvennom tekste kak sposob samoidentifikacii i avtoreprezentacii (na primere romana Amina Ar-Rejhani «Kniga Halida»)». *Literaturovedenie i lingvokul'turologija* 17(1): 89—96. Print. DOI: 10.24833/210-242-2019-1-17-89-96 (In Russ.).
16. Zhenis, N., and Zh.K. Kiynova. 2018. "Transkul'turnyj podhod v ramkah izuchenija nacional'noj literatury". *Vestnik KazNU im. Al'-Farabi. Seriya filologicheskaya* 17 (1): 89—96. Print. DOI: 10.24833 / 210-242-2019-1-17-89-96 (In Russ.).
17. Protasova, N.A. 2019. "Transkul'turnost' — novoe ponjatie v mire globalizacii". In *Na perekrestke kul'tur: edinstvo jazyka, literatury i obrazovanija*. Mogilev: MGU imeni A.A. Kuleshova. Pp. 123—125. Print. (In Russ.).
18. Temirgazina, Z.K. 2009. *Sovremennye teorii v otechestvennoj i zarubezhnoj lingvistike*. Pavlodar. Print. (In Russ.).
19. Rudnyj Altaj. Web. URL: <https://rudnyi-altai.kz/serdce-naraspev/> (Date of access 23.10.2020).

Сведения об авторе:

Темиргазина Зифа Какбаевна — доктор филологических наук, профессор Высшей школы гуманитарных наук Павлодарского педагогического университета. E-mail: zifakakbaevna@mail.ru

Bio Note:

Zifa K. Temirgazina is a Doctor of Philology, Professor of the Higher School of Humanities at Pavlodar Pedagogical University. E-mail: zifakakbaevna@mail.ru

DOI 10.22363/2618-897X-2021-18-1-44-59

Научная статья

Среднеазиатские социальные типы как паттерн ориентализма в прозе Леонида Соловьёва

Э.Ф. Шафранская, Т.В. Волохова

Московский городской педагогический университет
Российская Федерация, 129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4, к. 1

Аннотация. Творчество русского писателя Леонида Васильевича Соловьёва (1906—1962) было широко известно в советский период XX века — но только романной дилогией о Ходже Насреддине. Прочие его рассказы и очерки не входили ни в репертуар читателей, ни в фокус исследователей. Одна из причин — писатель попал под репрессивный каток сталинского режима за якобы антисоветскую деятельность. В свете современных посториенталистских штудий проза Соловьёва приобретает свою актуальность как один из фрагментов русского ориентализма в целом, в частности его советского извода. Цикл «Восточных рассказов», ставший материалом статьи, никогда прежде не был объектом научного исследования. Авторы статьи в широком плане заняты выявлением особенностей ориентальной поэтики Соловьёва, в узком — некоторыми паттернами среднеазиатской картины мира, в частности, в статье представлены портреты социальных и профессиональных типов Средней Азии, которых Соловьёв встретил в 1920—1930 годы. Одни из них канули в историю, других можно встретить и сегодня, в XXI веке. В междисциплинарном контексте статьи использованы сравнительный, типологический и культурологический методы.

Ключевые слова: очерк, Леонид Соловьёв, беданобоз, таиб, целитель, ташишка, масхарабоз, уйинчи, учитель, басмачи

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 03.10.2020

Дата принятия к печати: 14.12.2020

Модератор: У.М. Бахтикиреева

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Шафранская Э.Ф., Волохова Т.В. Среднеазиатские социальные типы как паттерн ориентализма в прозе Леонида Соловьёва // Полилингвильность и транскультурные практики. 2021. Т. 18. № 1. С. 44—59. DOI 10.22363/2618-897X-2021-18-1-44-59

© Шафранская Э.Ф., Волохова Т.В., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Central Asian Social Types as an Orientalism Pattern in Leonid Solovyov's Prose

E.F. Shafranskaya, T.V. Volokhova

Moscow City University
4, building 1, 2nd Agricultural passage, Moscow, 129226, Russian Federation

Abstract. The literary work of the Russian writer Leonid Solovyov (1906–1962) was widely known in the Soviet period of the twentieth century — but only by means of the novel dilogy about Khoja Nasreddin. His other stories and essays were not included in the readers' repertoire or the research focus. One of the reasons for this is that the writer was repressed by Stalinist regime due to his allegedly anti-Soviet activities. In the light of modern post-Orientalist studies, Solovyov's prose is relevant as a subcomponent of Russian Orientalism both in general sense and as its Soviet version. The “Oriental stories” series, which is the subject of this article, has never been the object of scientific research before. The authors of the article are engaged, in a broad sense, in identifying the features of Solovyov's Oriental poetics, and, narrowly, in revealing some patterns of the Central Asian picture of the world. In particular, the portraits of social and professional types, met by Solovyov there in 1920–1930, are presented. Some of them have sunk into oblivion, others can be found today, in the XXI century. Comparative, typological and cultural methods are used in the interdisciplinary context of the article.

Key words: feature story, Leonid Solovyov, bedanaboz, tabib, healer, tahsihska (carrier), maskharaboz, uyinchi, teacher, basmach

Article history:

Received: 03.10.2020

Accepted: 14.12.2020

Moderator: U.M. Bakhtikireeva

Conflict of interests: none

For citation:

Shafranskaya, E.F., and T.V. Volokhova. 2021. “Central Asian Social Types as an Orientalism Pattern in Leonid Solovyov's Prose”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 18 (1), 44–59. DOI 10.22363/2618-897X-2021-18-1-44-59

Введение

В ряде рассказов Л.В. Соловьёва (опубликованных в его Собрании сочинений в виде цикла под заглавием «Восточные рассказы» [1]) читатель встречается с социальными типажамии среднеазиатской жизни, представшими взору русского писателя, который попытался осмыслить их с точки зрения бытовой, повседневной и историко-культурной. По некоторым приметам и признакам, по перво-публикациям в газете мы отнесем эти «Восточные рассказы» все же к очерковому циклу.

В теории литературы не существует единого и окончательного наполнения понятия и термина «очерк». «Французы и англичане говорят преимущественно об “эссе”, немцы — о “скитце” или “большом репортаже”... Скитце — набросок, зарисовка впечатлений, фрагментарный рассказ, возникший в результате переноса импрессионизма на почву литературы. Кроме указанных терминов, на Западе пользуются и такими терминами, как “путевые заметки”, “портреты”, “картины”... Однако надо заметить, что русский очерк ближе к другим эпическим жанрам, составляет более органическую часть художественной литературы, чем его западный собрат» [2. С. 256]. Автор статьи об очерке в литературоведческом словаре приходит к окончательному выводу: очерк — жанр художественной литературы [2. С. 253]. Однако его коллеги-теоретики не склонны к такой однозначной трактовке: «Очерк может относиться и к литературе, и к публицистике» [3. С. 263]; очерк — промежуточный жанр, «на стыке художественной литературы и публицистики» [4. С. 707].

Для очерка более всего характерна организующая роль субъекта повествования и менее всего — какие-либо канонические жанровые приемы. В очерке может соединяться множество жанровых подвидов: сюжетный рассказ, сценка, статистика, публицистический дискурс, поучение. В истории литературы существуют очерковые разновидности: очерк-мемуар, очерк-биография, лирико-философский очерк [4. С. 707—708], документальный очерк (многие только такой и считают собственно очерком [3. С. 263]), все очерки несут познавательную функцию.

Рассуждая о присутствии факта во внехудожественной прозе, Л.Я. Гинзбург говорит, что этот элемент является неким трамплином для автора, чтобы «раскрыть... латентную энергию исторических, философских, психологических обобщений, тем самым превращая их в знаки этих обобщений. Он прокладывает дорогу от факта к его значению. И в факте тогда пробуждается эстетическая жизнь; он становится формой, образом, представителем идеи» [5. С. 11].

Все эти признаки очерка и роль факта в структуре очерка находят свое выражение и подтверждение в рассматриваемом нами цикле «Восточных рассказов». Авторское Я в них ярко выражено, автор не скрывается за маской рассказчика или безличного повествователя — это Леонид Соловьёв, к нему обращается один из жителей Средней Азии: «Солобьян» — так удобнее и понятнее человеку иной языковой фонетической системы:

...Джурабай, наклонившись ко мне, тихо спросил:
— Солобьян! (Джурабай не мог выговорить «Соловьёв» и звал меня «Солобьян».)
Солобьян! Ты смотрел на глаза этого бабая... [1. С. 460].

Автор — газетчик, именно так его принимают те, кто становятся персонажами очерков Соловьёва:

Райисполком расположен в углу базара. Вхожу. Спрашиваю Надырова... Узнав, что я из газеты, очень обрадовался [1. С. 432].

В рамках «Восточных рассказов» Соловьёва мы остановимся на портретах, которые воссоздал автор, — портретах чаще безымянных людей, однако отражающих характерные черты их профессий, социальной ниши, а также их социальной рецепции.

Само заглавие цикла несет аллюзию на иную культуру, задает вектор ориентализма: писатель говорит о *другом* мире, *других* людях, реализуя просветительскую функцию очеркового дискурса.

Обсуждение Беданабоз

Один из ярких ориентальных портретов — это любитель и хозяин перепелок, или *беданабоз* (бедана — перепелка, бози — игра, с тадж.) Фигура беданабоза и его подопечных, перепелок, привлекает внимание русских литераторов еще первой волны колонизации, прибывших в Среднюю Азию в 1860–1870-х годах. Так, художник Василий Верещагин пишет о перепелках:

...Здесь их очень много и... ловят их и выкармливают для драк, причем, разумеется, держатся заклады. Немало гордится владетель перепела, когда говорят, что питомец его победил столько-то соперников. Туземцы страстно любят эту забаву и в состоянии целые дни проводить за нею. Хорошо выдрессированная птица стоит очень дорого» [6. С. 148].

Военный востоковед Нил Лыкошин, проживший в Средней Азии более полувека, составил подробную этнографическую справку, назвав ее «Перепелиный спорт». Лыкошин подробно расписывает хронотоп перепелиного действия: первые дни августа, по пятницам — Ходжент, а также другие города Ферганской области, куда прибывали беданабозы, «от безусых юношей до седобородых старцев», со всей округи.

Тысячи птичек попадают в руки туземных ловцов и тотчас же тщательно сортируются на съедобных и боевых. Глупые и флегматичные экземпляры идут в пищу и ценятся по 2–3 к. за штуку, годные же для боя оцениваются в необученном состоянии от 20 к. до 1 рубля. Продавцы перепелов поджидают на Ходжентском вокзале едущих с вечерним поездом из Черняева скупщиков и на дебаркадере завязывается оживленный торг. Мелкие продавцы сбывают свой товар скупщикам, большинство же продавцов лично возит перепелов в Коканд, и наполненные птицами корзинки вносятся в товарные вагоны. В одном поезде везут иногда более 5000 перепелов, и все они находят себе сбыт на Кокандском базаре, где выдающиеся по своим спортивным качествам экземпляры ценятся неизмеримо дорого: хороший перепел-боец стоит 10, 15 и 40 рублей [7. С. 353].

Любитель-перепелятник дразнит своих перепелок, «заставляет драться, чтобы развить в них боевые наклонности» [7. С. 353]. Далее любители перепелиных боев уединяются в закрытое пространство под сенью ближайшего сада, где разыгрываются значительные ставки.

После относительно бесстрастной этнографической зарисовки Лыкошин дает эмоционально-социальную оценку беданабоза:

На лице перепелятника сильная страсть оставляет особую печать: бледность и утомление от бессонных ночей, проводимых в чайхане за любимым занятием, азарт и волнение — все это точно написано на лице «биданабаза»¹. В среде туземцев поклонники

¹ Начиная с XIX века в русских текстах это слово пишется по-разному, в современном написании — беданабоз (от «бедана» — перепелка).

перепелиного спорта так же, как игроки в кости или карты, не пользуются доверием, и действительно трудно положиться на такого «мученика охоты», который готов заложить душу свою за хорошего боевого перепела [7. С. 353].

И русский астрофизик В.В. Стратонов останавливается на этом экзотическом увлечении азиатов:

Очень любили сарты устраивать бои петухов и перепелов. Последних сарты часто выращивали у себя на груди, под халатом, не расставаясь с ним целый день. Перепела при таких условиях привыкают к своим хозяевам. В чайханах посетители выпускают перепелов на взаимный бой и увлекаются этим спортом [8. С. 212].

Соловьёв же, повествуя о беданабозе, прибегает к морализаторству, сюжет своего очерка он заключает в подобие притчи: в одном кишлаке жил бедный Икрам, получивший в наследство от отца небольшой, заросший бурьяном клочок земли. Но, вопреки своей лени, начал трудиться и через некоторое время стал зажиточным крестьянином, которого всем в округе ставили в пример. В том же кишлаке можно было заметить нищего доходягу Хашима, валяющегося под забором. Не так давно он получил в наследство от отца изрядное состояние, но промотал его на перепелок, дрессируя их для азартных боев.

Пожалел Икрам Хашима: сначала приютил, накормил, а потом и подружился с ним. Постепенно и незаметно Хашим отравил Икрама своей перепелиной страстью. В финале повествования под забором, нищими и отверженными, валялись уже два человека — Хашим и Икрам (см. рассказ «Беданабоз» [1. С. 493—499]).

К ним старики подводят детей и говорят:

— Вот бедана-баши Хашим и Икрам... Икрам раньше был большой хозяин, но его смутил проклятый Хашим, и Икрам все проиграл.

Нищие, слыша это, стонут, воют, рвут волосы, надеясь получить лишний пятак [1. С. 499].

Увлечение «перепелиным спортом» Соловьёв помещает в идеологический советский метатекст, с его интенцией борьбы со старыми пережитками.

А вот современник Соловьёва, художник А.В. Николаев (Усто Мумин), оказавшийся в тех же краях, придает увлечению перепелками иные смыслы. Так, перепелка, присутствующая во многих работах художника, «читается как призыв к освобождению от стереотипов и предписаний повседневности» [9. С. 67], перепелка «становится символом любви, метафорой любви, эвфемизмом любовного признания» [9. С. 69], также она выполняет «роль медиатора между двумя мирами — земным и божественным» [9. С. 68], то есть никакого морализаторства, а прочитывание мифологических и суфийских смыслов, связанных с перепелкой.

В стихах русских поэтов, связавших свою жизнь со Средней Азией, перепелка, бедана (именно в этом написании) становится атрибутом быта и развлечений [9. С. 61—71].

Авторов XIX—XX веков, обратившихся в литературе и искусстве к беданабозу, немало, однако только у Соловьёва эта фигура подана в аналитическом контексте — антропологическом, психологическом, социальном.

Табиб

Табиб — лекарь из народа, знахарь. Начиная с XIX века в русской литературе о Средней Азии «туземный» лекарь изображается негативно, как явление «дикой», «нецивилизованной» жизни. Табибу противопоставляется цивилизованная медицина, привнесенная в край завоевателями. Одним из первых описал этот институт среднеазиатской жизни Николай Каразин, посвятив проблеме народного целительства повесть с характерным заглавием — «Тьма непроглядная».

Фабула повести такова: в мусульманской семье сборщика податей назревает конфликт: с одной стороны, две жены и старшая теща, оставшаяся от умершей первой жены, с другой — молодая третья жена, родившая долгожданного первого мальчика. Предмет для зависти не только родившийся сын, но и красота юной Эстер. Мальчик заболевает — на радость завистницам, которые считают, что на то воля Аллаха. В мусульманском быту, этой «тьме непроглядной», по мысли Каразина, испробовали все способы народного лекарства:

Старуха все домашние средства в ход пустила: бараньим салом от рыжего барана больного вымазали сплошь, мулла порошок принес зеленый ранки присыпать, священный настой какой-то насильно в горлышко вливали, над костром дымом окуривали, вороного жеребца приводили, чтоб страждущего обнюхал, в ноздрях щекотали лошадь, чтобы она фыркала при этом... ничего не помогает!.. Все хуже и хуже [10. С. 6].

И уж если местный табиб Салтык не поможет, то на то воля Аллаха, а Салтык велел удавить барана:

...удавить, — слышишь? — Удавить, а не зарезать барана. Чтобы отыскать барана белого, с головою сплошь черною... а потом эту голову сварить и завернуть в твою рубаху, только не мытую, а ношеную... непременно твою, материнскую, не чью другую, — и положить эту рубаху в самую полночь к ребенку в люльку и держать до самого утра... И будет тогда так: если к утру мать заболеет, значит, болезнь эта оставила ребенка и перешла к матери, а если ты здорова будешь, значит, ребенок помрет непременно... [10. С. 13].

Так, с сарказмом и иронией, показывается народное знахарство, ему, конечно, противостоит цивилизованная медицина в лице русского доктора Ольги Николаевны, которая спасает мальчика («отходила, отколдовала» [10. С. 59]). Она же берется спасти и его затравленную мать, для чего был разработан целый план: вывезти ее с ребенком из дома и поселить в русской части города, под присмотр русского врача. Но теща сборщика податей, домашний тиран и блюститель мусульманских основ, не может допустить такого «позора» («Гибель и позор нашему честному дому!» [10. С. 25]). Русская докторша не по слухам, а даже наяву воспринимается как нечистая сила. Одна из жен-завистниц успела «заметить» у нее из-под подола змеиный хвостик: «Длинный такой, на конце огонь красный... крутит и шипит, как сало на тагане!» [10. С. 25]. Все процедуры лечения комментируются гаремными жительницами как ритуальные действия ведьмы: воду вскипятить — «мальчика варить будут», «у самого сердца зубами грызет, кровь выса-

сывает» [10. С. 25], «Была вся в черном платье, как приехала, а теперь белая стала» [10. С. 26]. Конфликт между фанатично соблюдаемыми традициями и привнесённой цивилизацией заканчивается трагически.

Персонажам-резонерам, представителям среднеазиатской интеллигенции, доверено произнести в сюжете «Тьмы непроглядной» морализаторские слова. Так, заезжий образованный мулла Асфанджаров, авторитет для обеих сторон конфликта, говорит, что

никакого греха нет лечить жену у русского врача, что сам султан в Стамбуле своих жен у чужих докторов лечит, что даже на разные воды целебные их посылает, что великий святой пророк никакого запрета на такие дела не накладывал, и в Коране, и в Шарияте, и во всех святых книгах ничего про это не обозначено... [10. С. 85].

Парадигма, выстроенная Каразиным, — сугубо ориентальная, в последующих русских текстах приобретает черты канона, от которого уже никто не отступает в течение XX века. (Несмотря на то, что в собственно русском историческом контексте она также работает в виде паттерна «внутренней колонизации»: «глубинный» русский народ не менее, чем среднеазиаты, больше доверял знахарям, ведьмам, колдунам, чем докторам, которые подчас принимались за шарлатанов, см. о таком отношении в русском фольклоре [11. С. 262].) В другом рассказе Каразина, «Тюркмен Сяркей», изображен народный лекарь, однако уже без сарказма русского ориенталиста, с пиететом к таланту из народа:

Он (Сяркей — Э.Ш., Т.В.) был посвящен и в некоторые тайны природы: он знал много целебных трав и средств, удачно лечил людей, детей преимущественно, а также овец, лошадей и верблюдов. Для тех и других аптеки его и методы лечения были совершенно одинаковы. За это к его уже имеющимся двум почетным титулам добавлялся третий: «хаким» (мудрец) [12. С. 158].

Вот пример тиражирования этой ориентальной парадигмы в литературе XX века: ленинградская писательница Энна Аленник в полудокументальной-полуавтобиографической повести, посвященной врачу Е.В. Корчицу, воссоздает по воспоминаниям коллег-медиков среднеазиатскую практику врача. Один из пациентов наблюдает, как к русскому доктору под прикрытием ночи идет лечить мулла, который среди бела дня призывал:

Молите бога — он пошлет вам здоровье. Но идете ли вы в мечеть молить бога, когда вы больны? Нам известно, куда вы идете. Вы идете к Хирурику! А вы знаете, зачем он приехал в Самарканд? О правоверные, он приехал выпустить из вас кровь. Этот Хирурик — шайтан! [13. С. 47].

Мало того, что «шайтан», местные жители воспринимают его как богача, с которого можно сорвать куш. Доктор получает записку такого содержания:

дарагой догхтор Хирурик
Догхторы богачи
ПРИКАЗ
Палажи один тыща рубль пад камень [13. С. 144].

Встреча доктора с вымогателями становится одной из острых сцен повести Аленник «Напоминание».

В «Восточных рассказах» Л. Соловьёва фигура народного лекаря встречается не раз. Несмотря на конкретные локусы и имена табибов, знахарь у Соловьёва приобретает черты обобщенного типажа — это шарлатан. Сатирические ноты в изображении табиба — первостепенные. Так, выдавая себя за ученого человека, он оформляет свое рабочее место книгами: «...опять раскроет книгу, посмотрит, скажет, какую молитву надо читать, и отпустит больного». Если заметить, пишет Соловьёв, то книга открывается всегда на одном месте, и написано там не о лечении, «а о том, как поссорились между собой две молодые жены, колотили в темноте старого мужа, думая, что колотят друг друга. Потому-то так старательно прикрывает книгу ладонью Сайдулла» [1. С. 440–441]. Тех, кто начинает сомневаться, не пойти ли к русским врачам, табиб напутствует: «Пусть напустят на тебя кяфиры пейсь (проказу). Пусть накормят тебя печенью от мертвеца, жаренной на свином сале» [1. С. 441] или предостерегает: «Русские доктора в Москве учатся, а что они знают? Только людей морят. Они режут мертвых, вынимают печень и делают свои лекарства» [1. С. 439]. Таким образом, перед нами распространенный оксиденталистский миф (или ориентализм «наоборот»), транслирующий восприятие западного мира в образах нечестивцев (что мы наблюдаем и в русском фольклорном дискурсе в отношении докторов, которые чаще всего изображаются иностранцами).

Саркастически перечисляет Соловьёв аптечный ассортимент табиба:

В одну баночку насыпает алебастр и растертый кардамон. В другую — кирпич с кардамоном. В третью — смесь кирпича и алебастра без кардамона. В четвертую — с кардамоном [1. С. 440].

Если тексты, условно входящие в корпус «русского ориентализма» (то есть до-советского периода), допускали нейтральное изображение табиба (пример с Сяркеем выше), то тексты, входящие в корпус «советского ориентализма», категоричны и однозначны: табиб — явление отсталое и мракобесное, подлежит «выкорчевыванию».

Целитель

Особняком в прозе Соловьёва изображены целители. От табибов они отличаются своим бродячим образом жизни, у них нет «аптеки» и «лечебно-молельных» книг, они ходят по базарам и предлагают свои услуги. Целитель «снует по базару взад и вперед, ловит за халаты проходящих простодушных дехкан и говорит им торопливо и серьезно: “Давай полечу, болеть не будешь”» [1. С. 551–552].

Чаще всего описывается целитель, с раннего утра обходящий базарные прилавки со своей емкостью с ручкой (кастрюлей или сковородой), в которой лежит подожженная и дымящаяся трава исрык, ею целитель «окуривает» товары от сглаза, после требуя плату. (Такие «целители» до сих пор ходят по базарам Средней Азии, их называют каландарами, считают в какой-то степени святыми людьми, сродни дервишам.)

Однако Соловьёв противопоставляет целителя табибу: «Табиб — лекарь, целитель — знахарь... Целитель помочь ничем не может, а заражает он многих...» [1. С. 553] и помещает его, как и табиба, в парадигму «раньше и теперь».

Одно хорошо — что дехкане теперь, если и не осмеливаются еще пока вашей гнать от себя целителей (боится глаза, плохого слова), то хоть бегут от них. *А раньше* дехкане сами шли к ним, надеясь избавиться от всяких болезней. *Теперь* по старому городу понастроили амбулаторий (касаль-хана) — и пришел целителям «великий пост» [1. С. 552—553] (курсив наш. — Э.Ш., Т.В.).

С одной стороны, Соловьёв транслирует ориенталистскую модель, с другой — советскую пропагандистскую идеологию.

Тащишка

Слово «тащишка» довольно часто встречается в русских ориентальных текстах второй половины XIX — первой половины XX века. Опрошенные нами российские респонденты никогда этого слова не слышали и не знают, что оно обозначает. Зато оно хорошо известно респондентам, связанным со Средней Азией и заставшим время середины XX века. Тащишка — это носильщик, как на базарах, так и на вокзалах.

Писатель В.В. Крестовский, сравнивая сайгонских носильщиков с «нашими», пишет:

Этот тип — совершенно то же, что наши ташкентские «тащишки», сартовские мальчуганы, вечно торчащие на базаре и предлагающие русским свои услуги донести до дому их покупки, с тою только разницей, что у сартенков вместо корзины служат полы их собственного халата, заворачиваемые сзади на плечи. Как эти по-французски, так и те болтают все по-русски и даже обогатили наш лексикон словом «тащишки» (от глагола тащить) их собственного изобретения [14. С. 149].

Писатель-путешественник Б. Тагеев считает слово «тащишка» изобретением «русских пришельцев» [15. С. 123]. В.В. Стратонов в своих воспоминаниях пишет:

На базаре существовал особый институт тащишек, от слова «тащить». Этой профессией занимались мальчишки, но иногда и бородатые сарты. Они неустанно приставали к закупающим продукты кухаркам:

— Барына! Панэсу! Барына, тащишка панэсу!

Кухарка возвращалась «барыней», сопровождаемая тащишкой с корзиной, и гонорар тащишки был баснословно дешев. Тащишки применялись на базаре и для мелких поручений: навести где-либо нужную справку, позвать извозчика и т.п. [8. С. 208].

Морфологически слово «тащишка» воспринимается как русское, от глагола «тащить» (нести). Однако в его происхождении задействован узбекский глагол «ташимоқ» (носить, переносить, таскать, перетаскивать, транспортировать) и русский суффикс -к-. Таким образом, слово вошло в корпус эндемической русской лексики Средней Азии (подобных примеров немало: малайка, опушка, кызма, бабайка, джалябка и др.).

Социальный статус тащишки свидетельствует о крайней маргинализации человека (рядом с ним стоит еще одна роль, бытующая в обществе до сих пор, — мардикер, поденный разнорабочий). Так, в начале XX века пишет Борис Тагеев:

Началось тяжелое время для арбакеша. Нанимался он в работники к разным хозяевам, бегал тащишкой на базаре. Одно время служил носильщиком на железнодорожной станции [15. С. 50].

Ему под стать пишет Соловьёв в 1920-х годах: обедневший дехканин, семью которого сгубили голод и басмачи, приходит в город.

В городе не лучше было. Бегай каждый день с вокзала на базар, оттуда опять к поезду, кричи до сипоты: «Бор тащишка!» (Есть тащишка. — Э.Ш., Т.В.)... Подгибаются колени, дрожат. Пот катит, в глазах темнеет, а тащи, если не хочешь завтра голодным быть [1. С. 447].

В другом очерке Соловьёва читаем: «Много киалинцев отправились в город работать тащишками» [1. С. 488]. Тащишка — это носильщик, но более низкой ступени по всем параметрам: публика предпочитает тащишкам носильщиков, так как тащишки вне закона, с одной стороны, и украсть могут, с другой — их можно избить, но защиты им искать негде.

Помимо частого упоминания тащишки в цикле «Восточные рассказы», Соловьёв посвящает ему еще и отдельный текст, озаглавленный «Тащишка». Это социально-антропологический очерк, где фигура тащишки подвергнута разностороннему анализу. Соловьёв называет виновного в безысходной судьбе тащишки — это басмачи, лишившие дехканина собственности. Такой вердикт вполне соответствует методу социалистического реализма. Тащишка, по мысли Соловьёва, хоть и остался в советской жизни, но это рудимент, уходящая натура.

Масхарабоз, или уйинчи

По версии А.Н. Веселовского, русское слово «скоморох» происходит от арабского *масхара* — «смешной человек, шут, паяц» (см.: [16; 11. С. 275]). (*Уйинчи*, с тюрк. — *игрок*.) Таким образом, среднеазиатский масхарабоз и русский скоморох — «братья» по судьбе и профессии. Масхарабозы — яркий паттерн ориентального текста русской литературы, вплоть до современной (см., например, роман Андрея Волоса «Возвращение в Панджруд»). Каким же он предстает у Соловьёва?

Вся пестрая, стремительно бегущая жизнь как в зеркале отражается в творчестве уинчи¹. На пустых подмостках, пользуясь мелом и углем, вместо сложного набора грима, он изобразит и бая, пролезшего в совет, и пьянствующего председателя исполкома любого масштаба, и милиционера, любящего прогуляться кулаком по физиономии арестованного. И каждое слово для виновного — как удар камчи... Это главное в уинчи. А фокусы — как отдых, передышка. Но всякий уинчи — хороший фокусник [1. С. 557].

Хотя по кишлакам и городам Средней Азии, масхарабоз (уйинчи) присматривается, прислушивается к проблемам местных жителей — то попивая чай в чай-

¹ Такое написание у Соловьёва — неверное.

хане, то прогуливаясь по базару. Его цепкий ум выхватывает самое важное — и это становится гвоздем его вечерней программы, куда собираются люди. Так, Соловьёв описывает реальный факт, как некий богач («толстый» — по законам фольклорной поэтики) по фамилии Умаров пытался пролезть руководителем в местный сельсовет, но не получилось. На потеху публики уйинчи вместе со своим ослом Пфаком разыгрывает иносказательно драматическую сценку — публика тотчас же отзывается пониманием, а потому всеобщим смехом: «Вот пришел к совету Пфак, толстый бай...» [1. С. 503]. Такое высмеивание, по словам Соловьёва, «почище любой газеты будет» [1. С. 557], «Это ходячий “Крокодил” кишлачного или городского масштаба» [1. С. 556]. Но, как известно из истории и современности, за газетную публикацию автор порой расплачивается своей жизнью. Так же случилось и с уйинчи Арифом: ночью на выходе из селения его поджидали головорезы, услуживающие Умарову. Арифа убивают, единственный, кто откликнулся на эту гибель, был его соратник Пфак. «Он подошел к Арифу, наклонился, понюхал, храпнул, отпрянул в сторону и вдруг заорал, заревел дрожаще и жутко...» [1. С. 505].

Однако реакция на драматические экспромты масхаробозов могла быть и иной. Соловьёв рассказывает о реальном факте: однажды уйинчи Акрам «прохватывал какого-то очень ответственного товарища, замеченного в пьянстве и в держимордовском обращении с дехканами» [1. С. 556]. Все хохотали, а с ними и «очень ответственный товарищ». По окончании драматической сценки он встал, вышел на подмостки с дрожащими коленями и трясущимися губами и поклялся всему честному народу: «И если я сделаю так, как делал, пусть придет любой из вас и плюнет мне в лицо...» [1. С. 557].

Выступления масхаробозов могли быть и жестокими, не только критическими. Так, в романе Андрея Волоса о судьбе поэта Рудаки, которого ослепили в камере пыток бухарского эмира и вышвырнули на тропу к дому, поэту пришлось стать свидетелем выступления масхаробоза, который разыгрывал сцену его ослепления. Слепой Рудаки все понял, однако, будучи скептиком, он без обиды «принимает это карнавальное обыгрывание его личной трагедии» [17. С. 620].

По словам исследователя творчества Соловьёва И.В. Кольцовой, «Образы уйинчи и знаменитого фокусника Арифа — это первые прообразы соловьевского Насреддина, первые его «пробы», наброски, варианты. И уйинчи, и Ариф очень напоминают Ходжу Насреддина. Это народные характеры. Кроме того, у этих героев есть даже внешнее сходство с Насреддином. Примечательно, что непременным спутником Арифа, как и Насреддина в дилогии Л. Соловьёва, был ишак Пфак — «Пузырь», который в репертуаре Арифа всегда усугублял комизм положения» [18. С. 6].

Так, из очерков и бытовых зарисовок, накапливается Соловьёвым материал, легший в основу его знаменитого образа Ходжи Насреддина, впитавшего в себя черты многих реальных и типологических персонажей среднеазиатской жизни.

Учитель

В восточной ментальности (например, иудейской, мусульманской) фигура учителя имеет сакральное значение не только в религиозных практиках, но и в

быту. В Средней Азии к учителю, наставнику в повседневной жизни до сих пор обращаются словами «домла» («домулла»), «устоз», подчеркивая почтительное отношение к его знаниям и положению. Из легендарной биографии поэта-суфия, поэта-дервиша Машраба (XVII—XVIII вв.) известен факт: он отрекся от любящих его родителей во имя своего Учителя, чтобы следовать за ним, чтобы внимать ему. «“О нежная матушка! Прости непослушного твоего сына, Всевышний Бог указал мне этот путь”, и, взяв под мышку свое исподнее платье, отправился к ишану Мулла Базар Ахунду» [19. С. 40], своему учителю.

Многие муллы, используя сложившееся благорасположение народа к учителю, пользовались этим, что наглядно замечает Соловьёв:

...в ожидании лучших времен, взялся учить ребят мулла. Надаёт ребятам книг, усадит в ряд, а сам сядет напротив с длинным прутом. Все хором читают, а Сулейман не слушает. И только случайно, если заметит ошибку, так прутом по голове малыша съездит, что искры из глаз посыплются.

Глогает слезы малыш, но читает Коран или шариат, хотя ничего ровным счетом не понимает, а только складывает из черных козявок-букв слова странные, чужие и непонятные.

Месяца три уже учил ребят Сулейман. Однажды чайханщик Махмудов спросил своего сына, что он знает. Оказалось, что ничего не знает мальчуган. Отвез чайханщик сына в Коканд учиться в советскую школу, а Сулейман шипел:

— Повез... а того не знает, что Амиджана, Раимджанова сына, в советской школе в русскую веру перекрестили [1. С. 445].

В 1920—1930-е годы противопоставление старой школы новой, советской, стало идеологической тенденцией (хотя, разумеется, далеко не все в старом преподавании было ужасно, тому свидетельство — ученые с мировой славой, вышедшие из такой *старой* школы). Эту тенденцию вменялось воплощать в жизнь работникам, которых привлекали для тиражирования пропагандистских сюжетов (художников, писателей). Так, художник А.В. Николаев (Усто Мумин) в 1934 году по заказу Наркомпроса пишет две картины: «Старометодная школа» и «Новая школа». На первой картине

под сводами изображен класс, учитель наказывает ученика, в этом ему помогают другие дети — они привязали ноги лежащего мальчика к палке, учитель поднял над ним руку с плеткой; одни дети смеются, угождая учителю, другие с испугом отшатнулись. В пандан к этой — другая картина «Новая школа (в музее)», на ней изображена сценка в музее: на стене висит устумуниновская картина «Старометодная школа», но в другом ракурсе, к ней подошли дети, пионеры, они в ужасе смотрят на то, как мучают мальчика [9. С. 111].

В такой же парадигме работает и Соловьёв. Когда жители одного кишлака проходили мимо кибитки муллы Ахмада, они слышали

гул и шум многих голосов. Это гудели ребяташки — ученики Ахмада, изучающие все премудрости науки со слов учителя и при помощи его длинного прута... Ахмад издавна считался в кишлаке самым ученым человеком... Но не надо думать, что Ахмад был так равнодушен к своим воспитанникам. Полузакрытые глаза видели все отлично и достаточно было какому-нибудь черномазому Али улыбнуться, как прут, зловеще по-

свистывая, опускался на голову шалуна с силой, зависящей от злостности допущенного проступка [1. С. 457].

Надо отметить, что литературная парадигма «старый — новый учитель» оказалась жизнестойкой — она встречается на сломе эпох, не только досоветском-советском рубеже, но и советском-постсоветском. Так, повесть-притча современного автора Евгения Абдуллаева (Сухбата Афлатуни) «Глиняные буквы, плывущие яблоки» тоже строится на этой антитезе: Старый учитель (так в тексте — с прописной), советской закалки, ходит с палкой (ср.: у Соловьёва — с плеткой или прутом), порой стучит ею по головам нерадивых учеников, плохо понимающих и плохо заучивающих тексты непонятной им русской литературы (хронотоп сюжета — иноэтническая советская окраина, где, тем не менее, говорят на «странном» русском языке). Внезапно приходит Новый учитель, методика преподавания которого нова, непонятна родителям, неизвестны ее цели. Село взволновалось. Родители смотрят в тетради учеников и ничего не понимают. Далее сюжет развивается драматически. Почти такая же реакция в прозе Соловьёва, хотя речь идет о совсем другом времени, это 1920-е годы, когда выкорчевывается все несоветское, а потому дремучее. «...Весь кишлак так и взволновала весть о том, что приехал новый учитель, привез с собой целый мешок книг и будет учить бесплатно» [1. С. 458]. Однако у текстов 1920-х годов и начала XXI века — разные задачи: у Соловьёва реализация советских пропагандистских установок; у Сухбата Афлатуни — постколониальное осмысление билингвальной культуры.

Басмачи

Слово «басмачи»¹ активно входит в русский язык только в XX веке благодаря кинофильмам и остросюжетным литературным текстам. Так стали называть среднеазиатские воинские формирования (или же просто «банды» и «шайки») тех, кто сражался с властью большевиков. (Таких же несогласных с русской властью было немало и во второй половине XIX века, но тогда их называли просто — барангачи, разбойники².) Если в современной исторической науке ряда бывших советских среднеазиатских республик взгляд на басмаческое движение пересматривается (предпочтительнее называть его народно-освободительным движением), то в российской истории за басмачами остается статус врагов и бандитов, английских наймитов. Советский писатель Борис Тагеев сопровождает публикацию (1925) своего рассказа об узбекской жизни глоссарием, где пишет:

Басмач — грабитель-бандит. Когда Октябрьская революция восторжествовала, то часть русских солдат царской армии вместе с белыми офицерами скрылись в горах и

¹ Узбекское слово «басмачи» претерпело в русском языке морфологическую трансформацию: -чи — узбекский суффикс, с помощью которого образуются существительные со значением принадлежности к профессии: писатель — ёзувчи, рабочий — ишчи, учитель — ўкитувчи, историк — тарихчи. «Босма» в переводе на русский — натиск, давление, налет; басмачи — налетчик, басмачилар — налетчики. В русском языке слово «босмачи», существительное в ед. ч., сократилось до «басмач», а слово «босмачи» стало восприниматься как существительное во мн. числе.

² Та же трансформация, что и со словом «басмачи».

степях Туркестана. К ним присоединились потерявшие свои должности туземцы. Они начали вербовать в свои шайки разных бродяг и разбойников и образовывали басмаческие отряды, которые и старались отбить назад власть, отнятую у них народом. Басмачи грабили и мирное население [15. С. 120].

А вот как пишет современник Тагеева и Соколова, но уже с «другого берега», высланный из страны Советов ученый В.В. Стратонов, десять лет находившийся в Туркестанском крае с научными целями, наблюдатель и аналитик:

В общем население было удивительно законопослушное, и управлять им было легко: нельзя сравнить с Кавказом. Басмачество, получившее такое развитие во время большевизма, этим последним и было вызвано к жизни. Оно было по преимуществу борьбу с советской властью [8. С. 212].

Соловьёв встраивает своих персонажей-басмачей однозначно в нишу врагов — все беды среднеазиатской жизни от них. Однако в повести «Кочевье», изданной в 1932 году, показан реальный процесс формирования басмаческих подразделений: люди из одного кишлака от безденежья, голода, разрухи должны были принимать решение — с кем и куда: или к басмачам, или к красным. В каждом отдельном случае все решали обстоятельства, порой братья из одной семьи расходились по разным сторонам. Причем решение принималось неуверенно, некатегорично, все сомневались, потому что хотели спокойной мирной жизни, которой уже не было.

Русский писатель Л. Соловьёв, как и все советские люди XX века, чья жизнь в той или иной степени была связана со Средней Азией, искренне видел все зло современной ему жизни в басмачах: «Пришел голод. Буйствовали басмачи. Половину населения вырезали» [1. С. 422]; «Замолкли в Фергане выстрелы, рассеялись басмаческие шайки. Тихо стало в кишлаках. Спокойно зажил Янги-кишлак. Раньше сильно буйствовали там басмачи. Из соседнего кишлака Тюлемена шли в басмачи молодые дехкане, а из Янги-кишлака — в милицию» [1. С. 437], «Шли годы. Меньше стало басмачей. Потом совсем кончились они» [1. С. 453].

Выводы

Портреты людей разных профессий, зарисовки сцен из среднеазиатской жизни, на которые в большей или меньшей степени обращали внимание русские ориенталисты, получили социологическое обобщение в прозе Соловьёва. Используя возможности очерковой поэтики, как-то: сюжетное повествование, бытовые сценки, статистические данные, публицистические рассуждения, мемуарное повествование, документальные факты, морально-нравственный дискурс и проч., — писателю удалось создать широкоформатную картину жизни Средней Азии эпохи становления в ней нового порядка, советской власти. Все без исключения портреты, представленные Соловьёвым, носят и познавательный характер для тех, кто интересуется историей страны и ее иноэтнокультурным текстом. (Надо отметить, что представленный в статье перечень среднеазиатских социальных ролей можно продолжить не менее интересными портретами, представленными у Соловьёва: это *люли* — среднеазиатские цыгане, *мардикеры*, *бахши* — колдуны и др.)

Список литературы

1. *Соловьев Л.В.* Собр. соч.: в 5 т. М.: Книговек, 2010. Т. 2.
2. *Канторович Вл.* Очерк // Словарь литературоведческих терминов / ред.-сост. Л.И. Тимофеев, С.В. Тураев. М.: Просвещение, 1974.
3. *Поспелов Г.Н.* Очерк // Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева. М.: Сов. энциклопедия, 1987.
4. *Гордеева Е.Ю.* Очерк // Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А.Н. Николюкина; ИНИОН. М.: Интелвак, 2003.
5. *Гинзбург Л.Я.* О психологической прозе. Л.: Худож. литер., 1977.
6. *Верещагин В.В.* Из путешествия по Средней Азии // В.В. Верещагин. Повести. Очерки. Воспоминания. М.: Сов. Россия, 1990.
7. *Лыкошин Н.* Полвека в Туркестане: Очерки быта туземного населения. Петроград: Т-во «В.А. Березовский», 1916.
8. *Стратонов В.В.* По волнам жизни: в 2 т. Т. 1. М.: Новое литературное обозрение, 2019.
9. *Шафранская Э.Ф.* А.В. Николаев — Усто Мумин: судьба в истории и культуре. Реконструкция биографии художника. СПб.: Своё издательство, 2014.
10. *Каразин Н.Н.* Тьма непроглядная // Н.Н. Каразин. Полн. собр. соч.: в 20 т. Т. 6. СПб.: Изд. П.П. Сойкина, 1905.
11. *Шафранская Э.Ф.* Устное народное творчество: учебник и практикум. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2020.
12. *Каразин Н.Н.* Тюркмен Сяркей // Н.Н. Каразин. Полн. собр. соч.: в 20 т. Т. 16. СПб.: Изд. П.П. Сойкина, 1905.
13. *Аленник Э.М.* Напоминание: Повести. Л.: Сов. писатель, 1985.
14. *Крестовский В.В.* В дальних водах и странах // В.В. Крестовский. Собр. соч.: в 8 т. Т. 6. / под ред. Ю.Л. Ельца. СПб.: Изд-во т-ва «Общественная польза», 1899—1900.
15. *Тегеев Б.* Рустам бек. Юнуска арбакеш: Повесть из жизни узбеков с приложением очерка о Туркестане. М.; Л.: Госиздат, 1925.
16. *Белкин А.А.* Русские скоморохи. М.: Наука, 1975. 192 с.
17. *Шафранская Э.Ф.* Роман Андрея Волоса «Возвращение в Панджруд»: реконструкция повседневности Мавераннахра и судьбы поэта Рудаки // Полилингвильность и транскультурные практики. 2018. Т. 15. № 4. С. 618—627.
18. *Кольцова И.В.* По следам Насреддина: Дилогия Л. Соловьева о Ходже Насреддине. Ташкент: Изд-во литер. и иск. им. Гафура Гуляма, 1980.
19. *Лыкошин Н.С.* Дивана-и-Машраб: жизнеописание популярнейшего представителя мистицизма в Туркестан. Самарканд: Самарканд. обл. стат. ком., 1915.

References

1. Solov'ev, L.V. 2010. Collected works: In 5 vol. Vol. 2. Moscow: Knigovek publ. Print. (In Russ.)
2. Kantorovich, Vl. 1974. "Ocherk". In Slovar' literaturovedcheskih terminov. Eds. L.I. Timofeev, S.V. Turayev. Moscow: Prosveshhenie publ. Print. (In Russ.)
3. Pospelov, G.N. 1987. "Ocherk". In Literaturnyj jenciklopedicheskij slovar'. Eds. V.M. Kozhevnikov and P.A. Nikolaev. Moscow: Sovetskaja jenciklopedija publ. Print. (In Russ.)
4. Gordeeva, E.Ju. 2003. "Ocherk". In Literaturnaja jenciklopedija terminov i ponjatij. Ed.by A.N. Nikoljukin; INION. Moscow: Intelvak publ. Print. (In Russ.)
5. Ginzburg, L.Ja. 1977. O psihologicheskoj proze. Leningrad: Hudozhestvennaja literatura publ. Print. (In Russ.)
6. Vereshhagin, V.V. 1990. "Iz puteshestvija po Srednej Azii". In V.V. Vereshhagin. Povesti. Ocherki. Vospominanija. Moscow: Sovetskaja Rossija publ. Print. (In Russ.)
7. Lykoshin, N. 1916. Polveka v Turkeстане: Ocherki byta tuzemnogo naselenija. Petrograd: V.A. Berezovskij publ. Print. (In Russ.)

8. Stratonov, V.V. 2019. Po volnam zhizni: in 2 vol. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie publ. Print. Vol. 1. (In Russ.)
9. Shafranskaja, E.F. 2014. A.V. Nikolaev — Usto Mumin: sud'ba v istorii i kul'ture. Rekonstrukcija biografii hudozhnika. Saint-Petersburg: Svoje izdatel'stvo publ. Print. (In Russ.)
10. Karazin, N.N. 1905. "T'ma neprogljadnaja". In N.N. Karazin. Complete works: In 20 vol. Vol. 6. Saint-Petersburg: P.P. Sojkin publ. Print. (In Russ.)
11. Shafranskaja, E.F. 2020. Ustnoe narodnoe tvorcestvo: textbook and practical work, the 2nd edition processed and added. Moscow: Jurajt publ. Print. (The higher education). (In Russ.)
12. Karazin, N.N. 1905. "Tjurkmen Sjarkej". In N.N. Karazin. Complete works: In 20 vol. Vol. 16. Saint-Petersburg: P.P. Sojkin publ. Print. (In Russ.)
13. Alennik, Je.M. 1985. Napominanie: Povesti. Leningrad: Sovetskij pisatel' publ. Print. (In Russ.)
14. Krestovskij, V.V. 1899—1900. "V dal'nih vodah i stranah". In V.V. Krestovskij. Collected works: in 8 vol. Ed by Yu.L. Elts. Vol. 6. Saint-Petersburg: Obshhestvennaja pol'za publ. Print. (In Russ.)
15. Tageev, B. 1925. Rustam bek. Junuska arbakesh: Povest' iz zhizni uzbekov s prilozheniem ocherka o Turkestane. Moscow, Leningrad: Gosizdat publ. Print. (In Russ.)
16. Belkin, A.A. 1975. Russkie skomorohi. Moscow: Nauka publ. Print. (In Russ.)
17. Shafranskaya, E.F. 2018. «Novel "Return to Panjrud" by Andrei Volos as Reconstruction of Daily Life of Maverannahr and Poet's Rudaki Fate». *Polylinguality and Transcultural Practices* 15 (4): 618-627. Web. doi: 10.22363/2618-897X-2018-15-4-618-627
18. Kol'cova, I.V. 1980. Po sledam Nasreddina: Dilogija L. Solov'eva o Hodzhe Nasreddine. Tashkent: Publishing house of literature and art of Gafur Gulyam publ. Print. (In Russ.)
19. Lykoshin, N.S. 1915. Divana-i-Mashrab: zhizneopisanie populjarnejshego predstavitelja misticizma v Turkestanskom krae. Samarkand: Samarkand regional statistical committee publ. Print. (In Russ.)

Сведения об авторах:

Шафранская Элеонора Федоровна — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской литературы института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета. E-mail: shafranskayaef@mail.ru

Волохова Татьяна Витальевна — аспирант кафедры русской литературы института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета. E-mail: tvvolokhova@gmail.com

Bio Notes:

Eleonora F. Shafranskaya is a Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Russian Literature, Institute of Humanities, Moscow City University. E-mail: shafranskayaef@mail.ru

Tatyana V. Volokhova, graduate student of department of the Russian literature, Institute of Humanities, Moscow City University. E-mail: tvvolokhova@gmail.com

DOI 10.22363/2618-897X-2021-18-1-60-66

Тезисы

Глоссарий по литературе российских немцев

Е.И. Зейферт

Российский государственный гуманитарный университет
Российская Федерация, 125993, Москва, Миусская площадь, д. 6, ГСП-3

Аннотация. В статье представлены материалы к авторскому глоссарию (словарю) по литературе российских немцев (авторские определения литературоведческих понятий, связанных с литературой российских немцев, сделанные на основе ее изучения в докторской диссертации и ряде статей). Писатели — российские немцы — русско-немецкие билингвы, поэтому словарь по литературе российских немцев должен быть представлен в немецко-русском формате (статьи на немецком и русском языках). В самобытной литературе российских немцев есть явления и факты, специфичные именно для этой субкультуры. Словарь по литературе российских немцев, поясняя значения слов, которые могут быть неизвестны, непонятны или частично непонятны читателю, позволяет значительно расширить круг ценителей литературы российских немцев, облегчает восприятие художественного и научного текста.

Ключевые слова: литература российских немцев, словарь, глоссарий, определения, термины

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 18.11.2020

Дата принятия к печати: 19.12.2020

Модератор: У.М. Бахтикиреева

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Зейферт Е.И. Глоссарий по литературе российских немцев // Полилингвильность и транскультурные практики. 2021. Т. 18. № 1. С. 60–66. DOI 10.22363/2618-897X-2021-18-1-60-66

© Зейферт Е.И., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Glossary of Russian-German Literature

E.I. Seifert

Russian State University for the Humanities
6, GSP-3, Miusskaya sq., Moscow, 125993, Russian Federation

Abstract. The article presents a large fragment of the author's glossary (dictionary) on the literature of Russian Germans (the author's definitions of literary concepts related to the literature of Russian Germans, based on its study in a doctoral dissertation and a number of articles). Writers — Russian Germans — Russian-German bilinguals, therefore the dictionary on the literature of Russian Germans should be presented in German-Russian format (articles in German and Russian). In the original literature of Russian Germans, there are phenomena and facts specific to this subculture. The Dictionary of the Literature of Russian Germans, explaining the meanings of words that may be unfamiliar, incomprehensible, or partially incomprehensible to the reader, makes it possible to significantly expand the circle of connoisseurs of the literature of Russian Germans, facilitates the perception of literary and scientific text.

Key words: literature of Russian Germans, dictionary, glossary, definitions, terms

Article history:

Received: 18.11.2020

Accepted: 19.12.2020

Moderator: U.M. Bakhtikireeva

Conflict of interests: none

For citation:

Seifert, E.I. 2021. "Glossary of Russian-German Literature". *Polylinguality and Transcultural Practices*, 18 (1), 60–66. DOI 10.22363/2618-897X-2021-18-1-60-66

Введение

Работа преподавателя и учащихся с глоссарием — важнейшая часть дидактизации литературы российских немцев. Глоссáрий (лат. glossarium собрание глосс; глосса — иноязычное или непонятное слово в тексте книги с толкованием, обычно размещенным на полях или между строк) — словарь узкоспециализированных терминов в какой-либо отрасли знаний с толкованием, иногда переводом на другой язык, комментариями и примерами.

Глоссарий — зачастую двуязычное или полиязычное собрание слов. Как сообщает В. Еолян, «прообраз глоссария появился очень давно (еще в XXV веке до н.э.) в виде написанных на полях древних рукописей значений иностранных и редких слов (глосс). До эпохи книгопечатания рукописные глоссарии быстро

копировались и распространялись, а когда появились первые книги, глоссарии были в их числе. В XX веке для выполнения крупных переводческих заказов один переводчик или группа переводчиков всегда использовали составленные ими глоссарии в бумажной форме. В нашем веке, как правило, глоссарии составляются, хранятся, обновляются и используются в электронной форме» [1. С. 83—85]. Поскольку писатели — российские немцы — русско-немецкие билингвы, словарь по литературе российских немцев должен быть представлен в немецко-русском формате (статьи на немецком и русском языках), а также с переводом словарных статей на английский язык как на лингва франка международного общения. Являясь собранием терминов, глоссарий представляет устоявшиеся в науке определения научных понятий.

Слово, по Хайдеггеру, «страж границы». Термин (слово или словосочетание, являющееся названием научного понятия, точно обозначающее суть понятия) стремится к однозначности, тогда как другие слова, особенно в художественном контексте, — к многозначности. К сожалению, бывают и исключения, когда один и тот же термин (например, мотив) подразумевает разные толкования; в этом случае важно указывать, мнения какой научной школы придерживается исследователь, используя тот или иной термин. А порой у одного научного понятия есть разные синонимичные наименования: к примеру, лингвистика — языкознание — языковедение.

(Термином (лат. *Terminus*) у древних римлян называли божество границ, под покровительством которого состояли пограничные камни и столбы, считавшиеся священными. Введение и упорядочение культа Термина приписывается преданием Титу Тацию, освятившему пограничный камень на Капитолии, и Нуме, учредителю Терминалий, которые праздновались в конце древнеримского года.)

Словарь по литературе российских немцев еще не составлен, в то время как в этой самобытной литературе есть явления и факты, специфичные именно для этой субкультуры.

Обсуждение

Учащимся рекомендуется в электронном файле завести словарь по литературе российских немцев, состоящий из двух частей: 1) термины по истории литературы российских немцев; 2) термины по теории литературы.

Электронный формат позволяет дополнять словарь в алфавитном порядке, редактировать написанное, расширять определения, дополнять словарные статьи новыми примерами.

Определения, обсудив с преподавателем, можно записывать в словарь:

- после обстоятельного изучения научного материала по данному понятию;
- после обнаружения определяемого слова в тексте (в тех случаях, когда в тексте встречаются незнакомые понятия);
- после анализа художественных произведений, напрямую связанных с этим термином.

Учащиеся могут:

- иллюстрировать термины конкретными примерами;

— переводить словарные статьи на немецкий, русский и английский языки, тщательно искать аналоги перевода названий терминов на немецкий, русский и английский языки;

— систематизировать, унифицировать, расширять и дополнять словарные статьи.

Глоссарий эффективно используется при переводе терминов на другой язык, при выборе нужного синонима из гнезда синонимов, ведь подробное истолкование понятия облегчает труд переводчика. Словарь позволяет значительно уменьшить риск неточного перевода.

Мы предлагаем свои (авторские) определения литературоведческих понятий, связанных с литературой российских немцев, на основе ее изучения в докторской диссертации и ряде статей.

Материалы к глоссарию

Жанр — исторически сложившийся, характеризующийся совокупностью жанрообразующих признаков тип художественного произведения, назначение которого состоит в создании образа мира как воплощения через фрагмент бытия, равный целому бытию, определенной эстетической концепции действительности. Примеры жанров: ода, элегия, идиллия, дружеское послание, эпиграмма (лирические жанры); рассказ, новелла, повесть, роман, роман-эпопея (эпические жанры); трагедия, драма, комедия (драматические жанры).

Литература российских немцев — литература, создаваемая российскими немцами, потомками германских эмигрантов в Россию, а также (в редких случаях) германскими эмигрантами в Советский Союз как носителями российско-немецкой идентичности, родная литература для российских немцев.

Модель мира российских немцев в литературе — гибридный, русско-немецкий мирообраз, основным концептом которого является «дорога к родному Дому, родине».

Национальные ключевые понятия российских немцев в их литературе — лингво-специфические для российских немцев слова на немецком и русском языках в их литературе (“das Heim” / “die Heimat” / «(родной) дом» / «Родина», “die Angst” / «страх (из-за уязвимости)», “der Weg” / «путь», “die Verbannung” / «изгнание», “das Recht”, “die Gerechtigkeit” / «право», «справедливость», “die Hoffnung” / «надежда»).

Писатели — российские немцы — писатели — потомки германских эмигрантов в Россию, а также (в редких случаях) в Советский Союз, отличающиеся российско-немецкой идентичностью и создающие российско-немецкую литературу. Имена: Герхард Завацки, Виктор Кляйн, Нора Пфедфер, Гуго Вормсбехер, Роза Пфлюг, Артур Розенштерн, Андреас Петерс, Элеонора Гуммель и др.

Писатели российско-немецкого происхождения — писатели, имеющие российско-немецкие корни, но не всегда относящиеся к литературе российских немцев. Примеры русских писателей российско-немецкого происхождения — Марина Цветаева, Александр Блок, Борис Пильняк, Зинаида Гиппиус, Евгений Евтушенко и др.

Лирическая книга — книга стихов как жанр, признаками которого являются наличие авторской концепции, единой композиции, хронотопа, субъектной структуры, рамочных компонентов (общих для книги эпиграфом, посвящением, оглавлением и др.).

Лирический цикл — цикл лирических произведений среднего и малого объема, отличающийся авторской заданностью композиции, самостоятельностью входящих в цикл произведений, центростремительной композицией, лирическим принципом сцепления стихотворений в цикле (лирическим сюжетом), лирическим принципом изображения.

Российско-немецкий шансон — шансонное песенно-поэтическое направление, возникшее в переселенческой среде на рубеже XX—XXI веков как следствие эмиграции российских немцев в Германию, с особым коллективным субъектом (типом российского немца), стремящимся породниться с отчуждающим его миром (в отличие от культивирующего мир изгоев героя русского «блатного» шансона), т.е. асоциальностью героя, принципиально отличающейся от асоциальности героя русского шансона. Представители: В. Гагин, В. Кузема, С. Янке.

Художественное двуязычие (художественный билингвизм) российских немцев — использование писателями — российскими немцами двух родных языков (русского и немецкого) в творчестве.

Виды использования языка в творчестве российских немцев — российско-немецкое монологичное, полное двуязычие, неполное двуязычие, полиязычие.

Российско-немецкое монологичное — использование писателем — российским немцем одного (немецкого или русского) родного языка в творчестве, обусловленное судьбой писателя. Примеры: Олег Клиг (русский), Элеонора Гуммель (немецкий).

Российско-немецкое полное двуязычие, абсолютный русско-немецкий билингвизм у российских немцев — использование писателем — российским немцем обоих родных языков (немецкого и русского) в творчестве на одинаково высоком уровне. Примеры: Вальдемар Вебер, Константин Эрлих.

Российско-немецкое неполное двуязычие — преимущественное использование писателем — российским немцем одного родного языка (немецкого или русского) в творчестве и частичное использование второго (самый облегченный вариант — в основном в переводах с этого языка). Примеры: Йоганн Варкентин, Роберт Лейнонен, Макс Шатц, Мелитта Рот.

Российско-немецкое полиязычие — использование писателем — российским немцем, помимо двух родных языков (немецкого и русского), других языков в творчестве. Пример: русско-немецко-английское трехязычие Виктора Шнитке.

Шванк — лиро-эпический жанр среднего объема с преобладающей эпической составляющей, отличающийся фабульностью, монособытийностью, сатирической и юмористической тональностями, дидактикой, анекдотичностью, локальностью художественного пространства, суженным художественным временем «недавнее прошлое», прямым обращением рассказчика к читателю, разговорностью речи и использованием диалекта, четырехстопным ямбом, «столбиком» как способом прозаизации стихотворной речи. Шванкисты: Фридрих Больгер, Эдмунд Гюнтер.

Шпрух — малый лирический жанр, характеризующийся дидактизмом, моралистическим императивом, однострофичностью, ямбическим и тоническими размерами, тяготеющий к прямолинейно-буквальному осмыслению мира. Автор шпрухов: Эвальд Катценштайн.

Этническая картина мира российских немцев в их литературе — отраженный в литературе национальный образ мира российских немцев, основными элементами которого являются осознание окруженности своего чужим, бытование внутри другого, стремление к автономности, приоритет статики над динамикой, ощущение «нигде на родине» или «езде на родине», генетический страх перед изгнанием, состояние постоянной уязвимости, страх быть заметнее других, повышенный интерес к растительной символике (слабые растения, растения без корней), обостренное желание законного отношения к родному этносу, стремление подчеркнуть своеобразие родного этноса, стремление к интеграции внутри своего этноса.

Dreizeiler — специфическая для российско-немецкой литературы лирическая жанровая форма, под влиянием и через отрицание хайку приобретающая трехстишность, слоговой объем, близкий к 17 слогам характерно отсутствие рифмы и метра, двойное соположение и связанные с ним разделительные средства, сезонное слово, надстроечные категории хайку моно-но-аварэ, саби, ваби, сибуми, каруми в Dreizeiler при отказе от «эффекта недостроенного моста», наличии прямого наименования чувств, субъектной формы от первого лица, будущего и прошедшего времен глаголов, дидактичности, интонационной и смысловой завершенности. Авторы Dreizeiler: Роза Пфлюг, Нора Пфедфер.

Vierzeiler и Achzeiler — специфические для российско-немецкой литературы лирические жанровые формы, отличающиеся преобладающими в них косвенной передачей лирической ситуации, российско-немецкой тематикой, двуплановостью композиции, притчеобразностью, пуантированностью, аллегоричностью, философизмом, рефлектирующим «я» над заимствованными у шпруха дидактизмом (в небольшой степени), малым объемом, ямбом, однострофичностью. Авторы Vierzeiler и Achzeiler: Фридрих Больгер, Вольдемар Гердт.

Это примеры теоретико-литературных терминов. Историко-литературные понятия предполагают в первую очередь имена писателей.

Ваккер, Нелли — российско-немецкая поэтесса. Родилась в 1919 году в Крыму. В 1939 году в г. Энгельсе получила диплом учителя немецкого языка и литературы. В 1941 году была депортирована в Казахстан. Оставшись после трудармии жить в Павлодаре, Н. Ваккер преподавала немецкий язык и вела активную литературную работу. В 1993 году эмигрировала в Германию, жила в Кёльне. Ушла из жизни в 2006 году.

Вебер, Вальдемар — российско-немецкий поэт, переводчик, прозаик. Родился в 1944 году в Кемеровской области. С 1962 года жил в Москве. Окончил Московский институт иностранных языков. В настоящее время проживает в Германии, в г. Аугсбурге. Член Немецкого Exil-ПЕН-клуба, Всегерманского общества современной поэзии и Союза российских писателей. Занимался переводом классической и современной поэзии, в основном с немецкого языка. С 1992 по 2004 год преподавал, а также участвовал в научных проектах в университетах Граца, Ин-

сбрука, Вены, Маннхайма, Пассау. В 1991—1992 годы руководил семинаром художественного перевода в Литературном институте им. Горького.

В подобных словарных статьях важно указать изданные автором книги (в порядке хронологии) и черты его поэтики. Составлять историко-литературные статьи для словаря продуктивно при изучении творческих биографий писателей.

Заключение

Словарь по литературе российских немцев, поясняя значения слов, которые могут быть незнакомы, непонятны или частично непонятны читателю, позволяет значительно расширить круг ценителей литературы российских немцев, облегчает восприятие художественного и научного текста. По словарю можно ознакомиться с тем или иным понятием или повторить его.

В перспективе необходимы составление и публикация полного глоссария по литературе российских немцев как книги — отдельного научного словарного издания, которое можно назвать «Теоретико- и историко-литературный глоссарий по литературе российских немцев».

Список литературы

1. *Еолян В.Ю.* Глоссарий как инструмент повышения качества перевода // Молодой ученый. 2017. № 31 (165). С. 83—85.

References

1. Eoljan, V.Ju. 2017. "Glossarij kak instrument povyshenija kachestva perevoda". Molodoj uchenyj 31 (165): 83—85. Print. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Зейферт Елена Ивановна — доктор филологических наук, профессор кафедры теоретической и исторической поэтики Российского государственного гуманитарного университета. E-mail: elena_seifert@list.ru

Bio Note:

Elena I. Seifert is a Doctor in Philology, Professor of the Department of Theoretical and Historical Poetics in Russian State University for the Humanities. E-mail: elena_seifert@list.ru

DOI 10.22363/2618-897X-2021-18-1-67-79

Интервью/Interview

**«В поисках собеседника»:
интервью с Бахытом Каирбековым.
Часть первая, или Ипостась главная. Поэт**

О.А. Валикова

Российский университет дружбы народов
Российская Федерация, 117198, Москва, Миклухо-Маклая, 6

Для цитирования:

Валикова О.А. «В поисках собеседника»: интервью с Бахытом Каирбековым. Часть первая, или Ипостась главная. Поэт // Полилингвильность и транскультурные практики. 2021. Т. 18. № 1. С. 67–79. DOI 10.22363/2618-897X-2021-18-1-67-79

**“In search of an Interlocutor”:
Interview with Bakhyt Kairbekov.
Part One, or the Main Hypostasis. The Poet**

O.A. Valikova

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
6, Miklukho-Maklaya Str., Moscow, 117198, Russian Federation

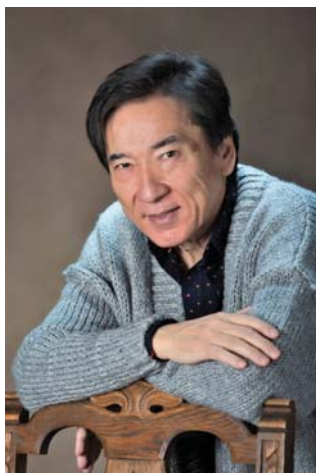
For citation:

Valikova, O.A. 2021. “In search of an Interlocutor”: Interview with Bakhyt Kairbekov. Part One, or the Main Hypostasis. The Poet”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 18 (1), 67–79. DOI 10.22363/2618-897X-2021-18-1-67-79

© Валикова О.А., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Бахыт Каирбеков — талантливый поэт, известный кинорежиссер, тонкий переводчик (Перевозчик, как определено в одном из его стихотворений), вдумчивый ученый. Мы побеседовали с Бахытом Гафуовичем о Поэте и Поэзии, о каждодневном выборе быть собой, об ответственности перед своим Даром, об искусстве «сказать почти то же самое» (У. Эко) — искусстве перевода. Интервью представлено в двух частях, каждая из которых раскрывает одну из творческих ипостасей Бахыта Каирбекова.

ПТП: Бахыт Гафуович, ваша лирика очень адресна; несмотря на то, что адресат зачастую дан в ней имплицитно, стихотворения разных сборников разворачиваются перед читателем как однажды начатый разговор, как «исповедь сердца» в единстве сверхтекста. Отсюда — удивительная интимная тональность, доверительность, открытость, граничащая с эмоциональной обнаженностью. Из всех стратегий кооперации с читателем, известных литературе новейшего времени (от эпатажа до интеллектуальной конфронтации с читателем, от языковой и онтологической деконструкции смыслов до моделирования подчеркнуто «авторской» поэтической картины мира) Вы придерживаетесь, пожалуй, самой честной: повествуете о жизни собственного Духа. Это Логос, растущий из «кровоточащего сердца» («Если сердце твое кровоточит...»). Неслучайно В. Бадиков назвал вашу поэзию «стенограммой души». Скажите, не страшно ли Вам настолько «обнажаться» перед читателем? И каков он — Ваш читатель?

БК: Каков мой читатель? Однозначно, мой давний друг, которому невозможно солгать. Проще тогда уж промолчать. Невозможно требовать и ждать доверия к себе, если сам не поверяешь ему свою боль и радость. Образ моего читателя воплощал собой Виктор Бадиков. Ему первому приносил я свои тексты и зачастую оставлял у него те, что так и «не выросли из штанишек». Я без жалости выбрасывал то, что не выдерживало критики (так и не научился дорабатывать стихи: не мог вернуть первоначального эмоционального запала, а без него стихотворение выглядело инвалидом — то ли безруким, то ли безухим). А он, как опытный литературовед, забирал их у меня (впоследствии я научился у него уважительному отношению к текстам, написанным рукой автора) и ждал новых. Вот это его ожидание моей откровенности и побуждало творить честно.

Представляя перед собой его глаза с прищуром, я избрал формат своего стихописания в далеком 1981 году:

Ранним утром
сесть за стол,
заправить ручку чернилами,
взять стопку бумаги
и, наконец, начать
письмо другу,
который давно его ждет.
Лучше писать без слов
«здравствуй» и «прощай».

Когда поставишь точку,
Не ищи конверта.
Так пишутся стихи.

Еще в 1975 году я написал следующие строки:

Они встречаются мне
каждый день —
и не узнают меня,
мои стихотворения.
Это я один
во всем виноват.

(«Части целого». Том I. «Мои стихи разбрелись по городу», с. 83–84)

Ложь чревата своей плодовитостью. Единожды солгав, испытываешь стародавнее ветхозаветное чувство:

Как гадко мне...
О, как горят
предательски уста!
Как будто это я Вчера
поцеловал Христа.

(«Части целого». Том I. «Мои стихи разбрелись по городу», с. 311)

Вся жизнь твоя —
Мгновение над плахой,
И как не дорожить — последним — им?

(«Части целого». Том II. Стыд. С. 10)

ПТП: Из Ваших «Избранных» (2 тома) известно, что первым «читателем», или, скорее, слушателем первого стихотворения была Ваша Бабушка, которую Вы звали Мамой. Оказала ли Ваша бабушка влияние на ваше становление как поэта?

БК: И да, и нет. Из детских воспоминаний осталось только то, как я хвастанул ей, что сочинил стихи и буквально пропел ритмический рисунок куплета, в котором вместо слов были чередующиеся «та-та-та». И заплакал от обиды, услышав ее вопрос: а где же сами стихи? Но первое стихотворение (стишки, которые сочинялись по любому поводу в школе, не в счет), именно сознательное, как душевное признание, я посвятил именно ей. В нем, конечно же, преобладали

клише из скудного собрания прочтенных книг, но для меня эти строки дороги страшным потрясением потери дорогого мне человека. Я до сих пор считаю ее своим ангелом, витающим надо мной и так же, как и мой друг Виктор, не позволяющим мне случайных и проходных строк (правда, позволяю себе иногда грешить рифмовкой и формой в угоду полнокровной передачи содержания). Ее безграничная любовь ко мне — тот честный камертон, который всегда под рукой. И хотя при жизни она так и не услышала от меня ни строчки, я надеюсь, что она слышит все то, что я пишу. Об этом стихи «Маме» (1994. Том I. с. 22—23), «Все знания мои о многоликом мире...» («Многоточие», с. 66—67. 2017).

ПТП: Поэзия — не только «зов», но и тяжелый выбор. Мандельштам писал: «Путь поэта неизбежно ведет к катастрофе». Цветаева утверждала: «Ибо раз голос тебе, поэт, дан все остальное — взято». В этих тезисах — фактически программная невозможность для Поэта быть «обыкновенно» счастливым: если это счастье есть, то оно — иное (с-частье как соотнесенность Части Целому, порой — через страдание, мучительный поиск, множественное, принципиально незавершенное самоопределение). Вставал ли перед Вами когда-либо выбор — «быть или не быть — Поэтом?», учитывая, что «быть» — значит намеренно оголять «душевный» нерв, осознавать, что простой, понятной, «линейной» жизни в этом случае не бывать?..

БК: Нет. Как ни странно, выбор всегда исходил со стороны. В литинститут я попал благодаря протекции отца, который буквально заставил меня заполнить папку переводами, сделанными на скорую руку, «публикациями» в газете (точнее, информашками типа «Кайрат» в очередной раз проиграл «Пахтакору»). Все это я сдал профессору Л.И. Климовичу, который прибыл в Алма-Ату специально для набора будущих переводчиков — так называемую «казахскую группу». На самом деле нас учили переводить и прозу тоже. В условиях творческой конкуренции мой мастер Лев Озеров опять-таки выбил из меня пару-другую стихов, которые сам же опубликовал в журнале «Простор» вместе со стихами Кайрата Бакбергенова, предварив их кратким пожеланием оправдать его доверие. По-нашему, «батасын берді».

Слово «Поэт» для меня всегда зримо с большой буквы, и я только недавно стал привыкать к нему в отношении себя опять-таки в контексте современных СМИ, где так легко обозвать себя не просто поэтом, но выдающимся, а то и великим.

Я скорее радуюсь тому непередаваемому чувству рождения стиха, как если бы вдруг ты увидел свое нутро, не так как мы видим рентгеновые снимки, но что-то всегда неизвестное, огромное, удивительное уже тем, что оно было несомненно твоим и только твоим. Удивление перед рождением стиха случается неожиданно и почти непредсказуемо. Разве что строчка какая-то западет в сознание и словно заноза величиной в соринку не хочет покидать тебя — и однажды обретает черты еще не оформившихся мыслей, чем и выдает свое будущее рождение. Но бывает и так, что выплескивается вместе с водами готовеньким творением с открытыми глазами и криком. И я согласен с тем, что это божий дар. И это мое счастье — суметь обозначить свои чувства зримо и проникновенно. Для этого совсем не обязательно называться поэтом. Говоря протокольным языком, стих для меня «чистосердечное признание» совершенного поступка. Еще точнее, пережитого «преступления» в смысле «переступившего в себе грань возможного». А это всег-

да сопровождается чувством восторга, гордости собой (в молодые годы), а в целом, чувством исполненного долга перед читателем, который был, есть и будет. Без этой веры и надежды в существование собеседника невозможно никакое творчество.

ПТП: В Ваших стихотворениях не единожды звучит тема смерти и воскрешения. На пути лирического «тысячеликого героя» фазы умирания-обновления закономерно рассматривать как этапы инициации. Однако за «мифическим» субстратом этого процесса зримо проглядывает реальное — физическое — столкновение Вас — со смертью. Как этот опыт повлиял на Вашу жизнь — и Вашу Поэзию?..

БК: Об этом мой недавний сборник стихов «Многоточие». Его предваряет четверостишие «Все о смерти, а значит о жизни...».

Самое первое стихотворение было написано в день умирания моей большой Мамы — бабушки, подарившей мне всю свою любовь. В этом я вижу Жизнь с большой буквы, жизнь, которая дарит нам мгновения счастья.

Как-то на досуге почему-то вдруг стал считать ситуации, когда я был близок к смерти: то меня чудом не сбила машина, то на троллейбус, на который я опоздал, упал мост, то едва не сорвался на машине глубокой ночью в степи в незримую для меня пропасть... а сколько раз я тонул, оказавшись один на один с водной стихией, не умеючи плавать! Короче, почти два десятка раз. Но два случая из них были самыми опасными: когда меня спасли врачи после ножевого ранения, а потом лечили от смертельной болезни. Так что тема смерти у меня, можно сказать, давняя спутница, как постоянное предостережение о хрупкости и скоротечности жизни.

Судите сами: вот хронология стихов, начиная с первых шагов в мир поэзии, в которых звучит эта тема: «Он будет грустен этот вечер» (1971), «Когда в степи моей...» (1976), «Я помню ночь, наполненную болью...» (1979), «Я живу и умираю каждый миг...» (1982), «Не я один цветы живые...» (1985), «Он знает все...» (1985), «Все тоньше нить... И может оборваться...» (1985), «Стоп-кадр» (1986), «Я призываю скорбеть» (1986), «Не счесть опавших листьев...» (1987), «Унесся ветер в даль...» (1993) «Не унести с собой — дрожанье поплавок» (1995), «Нет жизни после, нет и смерти...» (2002), «Время встречи — похороны друга...» (2007), «Однажды» (2007), «Каждый день ты готовишься к смерти...» (2008), «Не царское это дело...» (2008), «Первый снегопад» (2009), «Черный лебедь крылатого танца» (2010), «Утешает, что в мире пошлом...» (2011), «Мавзолей Джучи-хана» (2012), «Впервые чувствую, что я остался в прошлом...» (2013), «24 декабря»/«Смерть его не застала врасплох...» (2014), «До восхода Солнца» (2014), «Даже если умру, то умру с улыбкой...» (2015), «Судьба шутить так любит надо мной...» (2016), «Осенний ноктюрн» (2016), «Раз попавши в клешни “рака”» (2017), «Над свежей глиной свечки зажжены...» (2017).

Понятно, что это далеко не полный перечень.

Я могу сказать словами моего лирического героя, что знаю теперь уже сиюминутно: «смерть всегда близка». Я борюсь с ней, не старой каргой, но соблазнительной красоткой («Модельерам», 2020), так или иначе в каждом своем стихотворении:

«Терзай же беспощадней откровение! Что устоит упрямо — буду я!»,

«Я люблю эту смертную жизнь! («Я люблю, упрugое, звонкое...»,

«Вы знаете, чем пахнет смерть? Жизнью»,
«То взлечу, то припадаю к жизни той, что прекраснее сна»,
«Я танцую, я живу!».
И продолжаю:

Пить жизнь — божественную брагу,
Рукою смерти поднесенной — пусть глоток! (2019)

Вот почти программное стихотворение 1982 года:

Есть в этой жизни Смерть.
Ее лица
мне не забыть.
Она меня искала.
Есть в этой жизни Жизнь,
которой нет конца...
И я ищу
Ее начало.

ПТП: Ваша поэзия многослойна, нелинейна, ассоциативна; погружаясь в творимое Вами Слово, оказываешься в Космосе, где все времена и пространства — реально географические или те, что давно остались за пределами Ойкумены современного «цивилизованного человека» — существуют единовременно, вытекают друг из друга, образуя в полном смысле метафизическую континуальность нового типа: жизнь города, зарисовка «акведука над рекой» — и вдруг вращение стихии Жер-Су, летопись жизни Великой Степи, отзвуки шаманского камлания... Поразительно то, что Вы не пытаетесь разъять осмысляемое на части, но, напротив, стремитесь к синтезу, к синергетическому слиянию сущего в поэтическом Слове. Как Вы пришли к этому мировидению?..

БК: Не сразу понял, что такое «синергетическое» — пришлось заглянуть в Гугл. Никогда об этом не задумывался. Но ответить надо...

Почему-то вспомнилось то, как Робинзон, оказавшись на острове, обустроивает свою новую жизнь... в особенности те моменты, когда океан подкидывает ему «подарки», выбрасывая на берег самые невообразимые вещи, а он из них мастерит что-то пригодное для своего быта. Это я сейчас так вспоминаю, возможно, где-то утрируя. Потом вспоминается «Жизнь в лесу» Генри Торо. Это я, так сказать, навскидку. Его поэтичный взгляд на природу. Потом вспоминаю самую любимую книгу — «Маленький принц» Экзюпери. Еще в школе завел привычку записывать афоризмы и песни в записную книжку, благо, мне вручали их каждый раз вместе с авторучкой на математических олимпиадах (вообще-то я любил математику и собирался поступать на физмат). Вот, к примеру, запись начала 70-х, которую я обнаружил на днях, роясь в своем архиве: «Не ходи никуда без сердца своего». Откуда взято — неизвестно.

А в 1982 году сокурсник Владимир Гоголев подарил мне собственноручно сшитую толстенную книгу-тетрадь и фактически смотивировал завести дневник, за что я благодарен ему до сих пор.

Не знаю, ответил ли... Задумался. Скорей всего — все же начитанность помогла понять неразъятость природы, в которой нет ничего лишнего, бездействующего, ибо она изначально живой организм, в котором все живет, питаясь друг другом и питая друг друга. И двухтомник мой «Части целого» тоже об этом: что я сам по себе не только пишущий стихи автор, но и человек, все мечты и проблемы которого не обозначить только лишь стихами и дневниковыми записями. Многого остается за кадром. Казахи, искусно расчлняя тушу барана, выделяют в ней 12 частей, и столько же психических состояний видят в человеке. И измеряют жизнь мушелями, временными отрезками, равными 12 годам. Это подобно измерениям Велемира Хлебникова, который не просто верил в математическую сущность времени и пространства, изучив закономерность чередований двоек и троек, но и предсказал 1917 год и 1941-й. Это я пишу сейчас опять-таки навскидку. Давненько не вспоминал подобные факты.

Как пишет Александр Генис, «школа должна научить не тому, что читать, а тому — как». Читал я много, ибо любил это дело, плюс поневоле научился «цитировать» авторов, по-своему пересказывая содержание книг сверстникам, которым не то что было не до чтения, а попросту не было такой возможности (в Тастаке — почти бандитском в те времена районе — наверняка не было домашних библиотек, а в школьную было ходить не с руки). Помню, классе в 7-м я оказался с отцом в Коктебеле и буквально утонул в волошинской библиотеке, проглотив за короткий период романы Фенимора Купера и Майн Рида, Вальтера Скотта, Джека Лондона, фантастику Герберта Уэллса (аж 12 томов!) и, конечно же, всего Жюль Верна вкупе с Александром Беляевым. Главное, что прочитал их вовремя, то есть именно в том возрасте, когда это все проглатывается с восторгом и полным доверием к авторам. То есть мир для меня открылся как в плане географическом, так и романтическом и даже фантастическом. Слиянно. Возможно, впоследствии я потому и вычлнял из него себя и других, но именно как важную и необходимую микрочастицу гармонично созданного мира. Слава Создателю!

ПТП: У Вас особые требования ко времени — и к себе внутри этого времени. Как говорится, «ни дня без строчки». Откуда такая беспощадная требовательность к своему поэтическому дару?

БК: Скорее, к самому себе. Стихи для меня дневник, который пишет душа или то, что сидит во мне, как и в каждом из нас, и мне хочется как можно больше узнать о нем — другом. И чем честнее я буду в стихах, тем ближе сойду с ним. Ведь наука и искусство все века исследуют всего лишь одну тайну — человека, которого наука не может родить (повторить в виде клона), а искусство — постичь. Человек — тайна, дарованная свыше. Постичь его равно что постичь Бога. Но пока это икона, лик — и наркоман, маньяк, зверь. Красавица и чудовище в одной ипостаси. Ангел и сатана в контексте любой религии. Тут не до лжи. Преувеличение и недооценка — да, чуть ли не на каждом шагу. Но эти недостатки со временем легко обнаруживаются и стираются, как карандаш на полях оригинала. Стихи — именно силки, сачок, капкан — уловка, чтобы уловить себя, свое скрытое Я. Божий дар для постижения смысла своего появления на свет. И более глубоко — быть зеркалом божьих творений. Богу тоже нужна аудитория, читатель,

зритель, собеседник. Кто бы мог не оценить (масштаб не тот), но хотя бы испытать восторг от мощи сотворенного Им.

Дневник — петля, аркан, курук —
Поймать неповторимость жизни,
Лассо набросить на скаку
На шею дикой и капризной!

Остановить незримый бег
Минут неукротимых!..
И заарканенный твой век
Свое узнает имя.

ПТП: Отчасти ответы мы нашли в «Частях целого. Избранное в 2 томах» (Алматы, 1998). Народный поэт Казахстана Гафу Каирбеков был и остается по сию пору катализатором Вашего творчества?

БК: Я бы назвал его скорее мерилom нравственности, доброты и любви к людям. Творчество его та высокая планка, которую мне никогда не достичь, но могу равняться на высоту вдохновения, которой достиг мой отец. Это все равно что знать высоту неба, сияющих звезд. Она не принижает тебя, просто призывает не забывать о нем, почаще запрокидывать голову, любоваться необъятной глубиной Космоса, наполняться чувством счастья, что знаешь о наличии непознанного и удивительного.

Образ отца, его имя, его дух проявляют себя в самый неожиданный момент, и я вижу в этих проявлениях не только его одобрение и помощь, но добрую примету, что задуманное мной обязательно свершится в самом лучшем виде.

ПТП: В одном из стихотворений Вы задаетесь вопросом: «Почему я по-русски пою? / Почему на домбре не играю?» Вы мечтаете «обогреться у очага родной культуры» и будто бы упрекаете себя в оторванности от родимой степи (вспомним, например, стихотворение «Степь — многотравный простор»). Вы пишете на русском, и в стихии русского слова создаете необыкновенную по размаху, панорамности, глубине оттенков картину мира, которая по объему своему превосходит сугубо «этноспецифическую». Но в поставленных выше вопросах — отзвук мучительного внутреннего разлада. Отчего это так?..

БК: Пожалуй, сейчас я близок к разрешению этого конфликта, а именно комплекса неполноценного знания родного языка (опять же сопоставляя с богатой образной лексикой отца!). Мне и сегодня не хватает собеседника, каким мог бы стать мой отец. Но он ушел так рано, именно тогда, когда наметилось, наконец, встречное желание поговорить о главном. Я никак не предполагал, что он уйдет так стремительно. Мы даже не успели попрощаться. У моих казахоязычных друзей тоже есть своеобразный комплекс, из-за которого они переходят в разговоре со мной на русский и почти никогда не говорят о потаенном, считая меня все же русским, городским, московским, иначе говоря, все-таки чужим. Пусть даже в самом хорошем смысле. Я вижу в этом не только некоторое пренебрежение и ленность, но и опасение выдать свою литературную неосведомленность, дать маху в чем-то, что я наверняка знаю лучше и глубже. А о каком тогда диалоге может быть

речь? Сейчас я могу рассказать моим коллегам, пишущим на казахском языке, немало интересного из нашего прошлого, о чем они могут не знать, и удивить их своими изысканиями о традициях нашего народа, уходящих в глубокую древность. Я выравниваю весы общения с ними, но пока не нашел-таки достойного собеседника. И теперь уже не ищу. Просто строю гипотезы, в надежде и уверенности, что они, будучи не раз сверенными, т.е. по-настоящему ценными в плане культурной информации, подвигнут следующих любопытных и настойчивых развить и углубить эти поиски, а значит, смогут очистить от сора еще живые источники народной поэзии, как когда-то наши предки по весне открывали очи родников, дабы чистая вода пробилась на свет божий и питала все живое вокруг.

ПТП: Не ошибаемся ли, когда думаем, что наряду с известным «Когда в степи моей умолкнут кузнечики / Я умру» одним из программных поэтических произведений в Вашем творчестве является стихотворение, посвященное великому Абаю? Наследие Абая относится к ядру казахской культуры. Одну из статей (8 апреля 2012) Вы предварили эпиграфом из Абая: «Люблю ли я свой народ или ненавижу?» Не могли бы Вы поделиться своим видением жизни и творчества Абая Кунанбаева? Ваши раздумья о нем — раздумья собеседника, несмотря на разницу физического пребывания в земной жизни — так полагает Улданай Максутовна Бахтикиреева. Ведь не случайно один из ваших документально-художественных фильмов (особый жанр документального кино — каирбековский) называется «В поисках собеседника»?

БК: Абай — тот самый родник, к которому не устает припадать, чтобы испить поэзию хрустальной чистоты, насыщенную минеральной мощью самых глубоких напластований земли. Я имею в виду его талант ученичества, впитывания, вбирания в себя наследия персидской, арабской, русской, а через нее европейской литературной традиции и философской мысли. Всю жизнь он постигал «чуждую» с точки зрения нынешних всезнаек мировую культуру, чтобы ограничить ее инструментарием алмазную чистоту и драгоценную суть родного языка, его уникальную способность озарять своими гранями всю красоту мира. Его драма как поэта в том, что он не обрел достойного собеседника, он возвышается над своими современниками и одновременно теряется в пространстве своего времени, ибо это «глас вопиющего в пустыне», не услышанный на своем веку и неудобный в своей честности и откровенности в сегодняшнем дне. Его судьба — судьба гения, «пророка в своем отечестве». Мы вместо того, чтобы гордиться им (т.е. читать и знать всю его исповедальную прозу и суфийскую лирику), большей частью поем славу гранитному монументу, отшлифованному давно и не нами, идолу, тотему, истинное предназначение которого на самом деле совсем в другом. Абаеведение сегодня — некая религиозная община, застрявшая в устаревших канонах, бесплодных повторениях догматов, которые не в силах пробудить истинного постижения Пути Абая. Отдельная тема — переводы творений Абая на русский язык. В свете юбилейного года чуть ли не каждый ник в фейсбуке открыл в себе талант переводчика уровня Абая и в поте лица «трудится» денно и нощно, чтобы исправить катастрофическую безграмотность своих предшественников. Надо бы радоваться такому чистосердечному и благородному порыву новоиспеченных литераторов,

но... как-то не получается... Меня, как говорил известный киноперсонаж, «терзают смутные сомнения» в наличии литературного дара самозванных переводчиков.

ПТП: В статье «Два крыла Пегаса» Вы писали, что двуязычие подобно двум крыльям Пегаса (потрясающий образ!): в единстве крыльев (языков) осуществляется истинный поэтический полет. И эта позиция по-своему уникальна, ведь многие авторы убеждены в том, что создавать произведения на «материнском» языке — единственно дозволенный способ поэтического овеществления. Как Вам удалось преодолеть подобные догматы?

БК: Когда меня спрашивают, почему я не пишу на родном языке, я обычно отшучиваюсь, мол, на казахском мне не выйти из тени отца, а на русском — я свободен от его таланта и языковой мощи. Что касается русского языка, то, признаюсь, мне пришлось немало потрудиться, чтобы не просто увеличить свой словарный запас, но главное — полюбить образную систему русской поэзии, а через нее глубже узнать стихию родной речи. Поначалу в этом состояла моя учеба как переводчика, от которой я бессовестно убежал в свое творчество. И это продолжается до сих пор. И могу сказать, что я нашел золотую середину, эдакую пограничную ситуацию:

быть казахом и русским,
как древний Урал —
быть на стыке границ
и рекой,
и грядую,
называться на разных,
чужих языках,
но
питать и водою,
и горной рудой,
и границы смывать
на крутых берегах!

(из поэмы «Открытое письмо», 1981)

Быть послом и парламентаром, мостом и толмачем, искусным посредником, гидом в русскую и казахскую культуры. Это и почетная миссия и, как ни странно, опасная, ибо есть те, кто из-за слепоты своей не видят будущего в общении и обмене истинными ценностями между народами.

ПТП: Помимо языка поэтического Вы владеете языком визуальным и языком нарратива — как режиссер, Вы создаете зрительные образы и рассказываете истории. Все эти «языки» для Вас тоже «части целого» — или для Вас они принципиально различны?

И еще: помогает ли Вам музыка? Нам известно, что Вы автор текстов песен, любите музыку, играете на гитаре и поете. Музыкальный слух обостряет восприятие? Возможно, кинематографичность ваших текстов очевидна благодаря музыкальному языку, которым Вы владеете?

БК: Для меня кино — скорее хобби. По просьбе Олжаса Сулейменова в бытность его моим шефом — Председателем Госкино КазССР я четыре года писал

сценарий эпоса «Козы Корпеш и Баян Сулу». И не найдя на тот момент кандидатуры режиссера, пошел учиться на курсы, чтобы самому реализовать этот проект. К сожалению, пока я учился, фильм был снят на нашей киностудии. Я вернулся к работе над переводами, как «вдруг» — опять же по просьбе друзей — предпринял попытку реконструкции домусульманских обрядов казахов и увлекся настолько, что до недавнего времени постоянно возвращался к этой неиссякаемой теме в так называемом «документальном» кино. С точки зрения моей основной профессии переводчика этот выкрутас в моей биографии можно обозначить как попытку художественного перевода фольклорного наследия на язык кино. То же самое можно сказать и о моих «набегах» в сферу мюзикла и балета в качестве либреттиста. И даже моя несостоявшаяся диссертация на тему «Поэтическая этимология Олжаса Сулейменова» изначально затрагивала попытку вольного перевода поэтики Махамбета на русский язык, ставшей в конечном счете опорной точкой для создания «переводчиком» своего поэтического языка и ритма.

Я думаю, нет особой похвальбы для полиглота в знании нескольких языков, и то, что он продолжает увеличивать свой лексический багаж, естественно. Так и со мной. Я — любопытен и легко поддаюсь творческой «авантюре» — овладеть языком кино — художественного и документального, языком музыки, чтобы написать текст к мелодии, языком рисунка, языком балета, языком научной статьи, пространного эссе, потому как для меня это всегда еще один переводческий опыт. Главное, знать и чувствовать поэтический образ, который присутствует во всем. Если он тебе понятен, то остальное дело техники, которой может овладеть каждый. И признаюсь, сколько бы я ни был чиновником и какие бы высокие посты ни занимал, я так и не научился канцелярскому языку. Там нет поэзии, а значит, я там бессилён что-либо создать.

Мой друг Виктор Бадиков мог стать пианистом и иногда баловал нас игрой на фортепиано. И как-то написал обо мне — также несостоявшемся музыканте:

Вспоминая творческую биографию моего неугомонного талантливой друга и брата, думаю о том, что еще Бахыт — поэт с гитарой, со своим неповторимым голосом и устоявшимся уже в нашем кругу песенным репертуаром. Он не сочиняет музыку, но голос его и его песни — это особое искусство поэтических медитаций. А если уж начистоту, он для меня еще и актер, артист, и пока что никто, кажется, не догадался попробовать его в этой творческой ипостаси. Когда я вижу его на экране, пока что документальном («Зажги свое сердце» режиссера Г. Касымжановой), я люблю артистичностью моего друга.

Собственно, она растворена в его человеческом и творческом облике, как, наверно, в подлинном художнике. Быть может, он нечастое исключение из пушкинского правила о том, что поэт вне поэзии — «ничтожной» всех «детей ничтожных мира. Нет, скажу я вам, и это проверено многолетней дружбой, равной родству. К Бахыту это не относится. Кто-то заметил, что Блок в самой густой толпе смотрелся отдельно... И здесь я спохватываюсь, потому что главное сказано, «дальнейшее, — как говорил Гамлет, — молчание», или погружение в художественный мир Бахыта.

Конечно же, музыкальное образование (семилетка в школе им. Амре Кашаубаева) оттачивает в человеке чувство ритма и композиции. Есть такая фишка у киношников: смонтируй фрагмент и положи на него мелодию, если твой монтаж

совпал с началом и концом музыкальной фразы, значит, ты владеешь ритмом киноповествования.

Что касается песен, я был удивлен открытием, что отец мой писал текст под музыку, мурлыча ее себе под нос. Вот и я пишу слова уже под сочиненную мелодию. Но всегда с одним условием: если она мне по душе.

ПТП: Ваш последний сборник — «Год мыши» — пожалуй, один из Ваших самых пронзительных, исполненных горечью произведений. Его лейтмотивы — утрата и плач по этой утрате; но в то же время — стремление обессмертить каждого из адресатов, оставить их здесь, «под пальцами» (М. Цветаева). И в метатекстовом комплексе заголовка — «Год мыши» — огромное поле для смысловых приращений. Год мыши — данность. 2020-й, год мировых потрясений, утрат, столкновения с новой реальностью. Год отдаления людей друг от друга, физического дистанцирования, попыток найти «убежище». В Вашем сборнике все точно наоборот: близость, физическая и духовная спаянность, стремление собрать всех! — на страницах единого Дома, Дома-книги. И в то же время Мышь — в мировой и русской литературе символ мысли. И тогда Мышь становится символом осмысления нового мира — мира, способного многое дать и многое отнять. Не эта ли мышь «точит жизни тоненькое дно»? (О. Мандельштам).

БК: Для меня мышь — скорее символ обыденности, как говорил Пушкин, «жизни мышья беготня», суетливая, проворная, житейски мудрая, практичная. В стихотворении «Стучится дождь по жести крыш...» («Части целого». Том II. С. 125) для меня мышь — образ утери творческого запала, упадок сил, в результате которого мышь не боится меня как охотника. Она занята привычной заботой о дне насущном: «скребется мышь к зерну — жизнь коротка!». И в популярной сказке о Золотом Яйце мышь легко «разрешает» проблему стариков: всего-то «хвостиком махнула», и все труды закончились прахом. И утешительный финал сказки — возвращение к реализму жизни, в которой нам достаточно простого яйца, которым можно утолить ежечасный голод, и нечего гнаться за Жар-птицей и Золотым Яйцом. А что делать с верой в чудесное, в поэтический мир Курочки Рябы? Ведь она не простая, а рябая, пятнистая, пестрая. А этот окрас несет в себе сакральное начало. Как известно, в жертву приносили животных, имеющих пеструю окраску — белого барана с черной отметиной, выделяли жеребенка со звездой во лбу, встретить пеструю кошку считалось добрым предзнаменованием. По-казахски пестрота — *ала* — образ полноты мира, радуги жизни. Казахи не зря называют себя народом Алаш. В этом же ряду, к примеру, Алатау — священная гора, *ала жип* — пестрая веревка, которой перевязывают ножки малыша в обряде *тусаукесу* (перерезания пут). Священная пестрота — у удода, кукушки, совы. Пестрого цвета священный бык и конь, на котором ездит бог Тенгри (Ульгень).

Ала — сплав, соединение несоединяемого, в нашем случае символ Творчества, которое всегда не предсказуемо.

И то, что Золотое Яйцо, олицетворяющее собой счастье, дарованное нам в начале жизни, разбито, для меня говорит о хрупкости чуда, которое мы не ценим, пока случай не разобьет его. Меня в свое время поразила мысль о том, что мы узнаем о ценности вещи только тогда, когда ее потеряем. Случай в образе мыши всегда рядом и легко может разрушить наше счастье, которое мы фактически

каждодневно уничтожаем (как с примером нашего здоровья — «бьем» его передаванием, никотином, водкой, а потом хотим в одночасье вернуть его — волшебным исцелиться, но, увы, поздно).

В сказке о встрече Нового года первой видит восход солнца Мышь, которая обхитрила всех, ловко взобравшись на горб верблюда. И потому восточный зодиак открывается годом Мыши. Он у казахов считается прибыльным, ибо Мышь — запасливое существо.

Но для меня 2020 год — год потерь. Конечно, кто-то может толковать этот год коронавируса как времяпровождение каждого в своей норе, а «кто не спрятался», того Год лишил припасов, сократив «лишние рты», ибо на всех уже не хватает природных запасов — воды, хлеба, топлива... Согласно концепции Мальтуса, которая обрела второе дыхание, к началу XXI века по всему миру должны царствовать голод, мор, войны и смерть — библейские всадники Апокалипсиса (см. выступление генсека ООН А. Гуттериша в январе этого года).

И стихи этого года продиктованы оглушительными потерями родных и близких, с которыми я даже не смог по-человечески проститься. И да, память невольно собрала их в один пантеон Печали — такая робкая попытка собрать их вместе, проститься и попросить у них прощения за то, что так мало было встреч и разговоров по душам, именно потому, что все застила «мышьяная возня» в погоне за наполнением своей норы, в которой теперь сижу наедине с осиротевшей душой.

27.12.2020

Сведения об авторе:

Валикова Ольга Александровна — PhD в области филологии, доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации Российского университета дружбы народов. E-mail: leka.valikova@mail.ru

Bio Note:

Olga A. Valikova is a PhD in Philology, Ass. Professor of the Department of Russian Language and Intercultural Communication, RUDN University. E-mail: leka.valikova@mail.ru

DOI 10.22363/2618-897X-2021-18-1-80-90

Интервью/Interview

**«В поисках собеседника»:
интервью с Бахытом Каирбековым.
Часть вторая, или Ипостась другая. Переводчик**

Б.Е. Шагимгереева

Российский университет дружбы народов
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Для цитирования:

Шагимгереева Б.Е. «В поисках собеседника»: интервью с Бахытом Каирбековым. Часть вторая, или Ипостась другая. Переводчик // Полилингвильность и транскультурные практики. 2021. Т. 18. № 1. С. 80–90. DOI 10.22363/2618-897X-2021-18-1-80-90

**In search of an Interlocutor:
Interview with Bakhyt Kairbekov.
Part Two, or the Other Hypostasis. The Interpreter**

B.E. Shagimgereeva

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
6, Miklukho-Maklaya Str., Moscow, 117198, Russian Federation

For citation:

Shagimgereeva, B.E. 2021. "In search of an Interlocutor": Interview with Bakhyt Kairbekov. Part Two, or the Other Hypostasis. The Interpreter". *Polylinguality and Transcultural Practices*, 18 (1), 80–90. DOI 10.22363/2618-897X-2021-18-1-80-90

© Шагимгереева Б.Е., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Переводчик поэта должен быть сам поэтом,
а кроме того, внимательным исследователем и проникновенным критиком,
который, выбирая наиболее характерное для каждого автора,
позволяет себе, в случае необходимости, жертвовать остальным.
И он должен забыть свою личность, думая только о личности автора.
Николай Гумилёв

БШ: Бахыт Гафуович, Ваше поэтическое творчество — это Ваша жизнь, ежедневная, ежеминутная. Но Ваша творческая деятельность многогранна и созидательна, об этом свидетельствуют Ваши труды. Вы известны не только как поэт и сценарист, режиссер и фотограф, пронзительный прозаик и автор текстов музыкально-сценических произведений (либретто балетов и молодежных мюзиклов), публицист и исследователь, но и как автор публицистических и научных статей об особенностях поэтического слога Олжаса О. Сулейменова и критических статей о переводе с казахского на русский язык.

Думается, что не случайно у казахов родилась пословица: «Ер туса ел когереди, Жауын жауса жер когереди» («Дождь пройдет — земля цветет, Мужчина родится — народ расцветет»). Точнее многих казахских пословиц Ваше творчество характеризует пословица: «Сегіз қырлы, бір сырлы», которую на русский язык сложно перевести эквивалентно, но, как полагаем, адекватным будет сравнение Ваших талантов с восьмигранным алмазным кристаллом. Ваше исследование творческого новаторства О. Сулейменова, которое в свое время высоко оценили многие русские поэты (Л. Мартынов, А. Вознесенский, К. Симонов, Р. Рождественский, Рубь Тамарина и др.) и даже российские ученые-физики из Дубны (Евгений Федюнькин, «Склока о Полку Игореве»), отличается тонким пониманием особого слова поэта, создававшего свою уникальную поэзию (например, в «Глиняной книге») — постмодернистскую — как назвали бы ее сегодня. Вы — поэты-собеседники.

На страницах ПТП довольно часто публикуются статьи, посвященные теории и практике перевода. Представляется, что многим читателям журнала, исследователям нюансов перевода с одного языка на другой будет интересна ипостась личности Бахыта Каирбекова — переводчика. Тем более, что в лингвистической науке последних лет часто поднимается вопрос о недостаточной изученности частных теорий перевода, в том числе казахстанской.

БК: Ваши комплименты, Бахытгуль, погрузили меня в забытое состояние, которое я испытывал в детстве, когда, желая выглядеть хоть чуточку выше ростом, вставал на цыпочки, чтобы уцепиться за сережку-петлю в трамвае (или троллейбусе?). Вот и сейчас готов привстать, но, увы, не удержусь — нет на ногах пуантов, которые, по слухам, так ярко подчеркнули крылатость эльфов в знаменитой постановке «Сильфиды».

БШ: Наш первый блок вопросов, Бахыт Гафуович: Вы — профессиональный переводчик. Где Вы учились? Почему было принято решение непременно обучиться этому ремеслу-искусству? Ведь Вы владеете казахским и русским, и многие, не имея специального диплома, становятся переводчиками. Кто были Ваши учителя?

БК: Биография моя как переводчика началась в 1970 году. Я закончил 10-й класс и сдавал выпускные экзамены, намереваясь поступать на физмат Политеха (любил математику и не раз участвовал в математических олимпиадах), как неожиданно для меня отец (его как-то пригласили в школу за мою чуть ли не антисоветскую деятельность — тогда так боялись любой самостоятельности в печатном виде, а мы с соклассником всего-то-навсего выпустили стенгазету: он нарисовал, а я подписал, но главное, что никого не спрося, даже еще с шаржами на своих учителей!), видимо, вспомнив мои стихотворные памфлеты, на которые, надо сказать, отреагировал неожиданно: даже словом не заикнулся об услышанном в директорском кабинете, попросил (именно, попросил) собрать какие еще есть у меня стишки в отдельную папочку, которую и вручил мне, видимо, захватив с работы. Он много лет возглавлял популярный в то время толстый журнал «Жулдыз» в качестве замглавредактора. Главных назначал Центральный комитет партии, они сменяли друг друга, и потому авторы прямиком шли в кабинет отца, и он с ними выстраивал истинное лицо казахской литературы. Тираж журнала зашкаливал, он действительно был читаем и любим.

И вот решил заодно позаботиться и обо мне как авторе. Потом он зачем-то заставил наклеить на чистые листы бумаги вырезанные информашки из газет на казахском и русском языках, сообщавших новости типа: «Кайрат» с «Пахтакором» сыграл вничью; лучшим на айтысе признан такой-то аксакал и т.п. Как я потом позже понял, отец напряг своих коллег-журналистов, и те выдали на гора эти вымученные новости на предмет необходимых для поступления, к примеру, на журфак, публикаций в СМИ. Еще отец попросил меня перевести пару стихотворений из казахских классиков (при этом сделал для меня подстрочник).

Авторитет отца для меня был непререкаем, я все сделал скоренько, потому как несколько не сомневался в несостоятельности непонятной мне затеи. Я был слишком увлечен сдачей экзаменов, которая отнимала у меня все светлое время: с моим однопартником, немцем Вилли Гаалем, а я жил у него на чердаке, мы, питаясь подогретыми на плитке консервами, уж точно отгрызли немалый кусок науки, а к вечеру вместе с солнцем скатывались с верхотуры, прихватив с собой гитары, и шли с еще одним одноклассником, тоже гитаристом, пугать и злить дворовых собак своим неустанным пеньем. Сейчас бы сказали, что мы мечтали о девочках, т.е. поклонницах, — вовсе нет, нам просто нравилось горланить во все горло, подражая нашим кумирам — биттлам. Так мы сбрасывали с себя дневной стресс от полученных знаний, правда, с риском потерять их вовсе.

И вдруг отец сообщает мне, что папочку мою приняли и я полечу в Москву. И вот тогда только я осмелился спросить у отца, а с чего это возникла такая затея? Оказалось, в Алма-Ату прибыл профессор Люциан Ипполитович Климович, явился в Союз писателей и объявил, что в Литературном институте им. А.М. Горького впервые в истории его существования объявлен набор профессиональных переводчиков для перевода шедевров национальной литературы народов СССР на русский язык. Миссию по набору национальных кадров поручили ему как специалисту по литературе народов Востока.

Желающих принять участие в конкурсе оказалось немало, но из 300 представленных работ повезло пятерым, в число которых попал и я (не зря так отец старался). Вывод: переводчиком я стал поневоле, без всякого на то желания.

Но самым удивительным было то, что родители меня отпустили легко. Сейчас я это могу объяснить тем, что мы к тому времени лишились дома (назвать это продажей будет не совсем правильно, мы буквально сбежали от покупателей, которые попросились пожить с нами, пока родственники соберут деньги, не предупредив отца, что въедут к нам с взрослыми детьми, только что выписанными из психушки — сыном-эксгибиционистом и дочерью-шизофреничкой). А решили продать дом после смерти моей большой Мамы — бабушки, которая, по нашей традиции, забрала меня — первенца у родителей. Выяснилось, что дом держался на ней, а без нее осиротел, оставшись без бывшего гостеприимства. К нам на бабушкин бесбармак и баурсаки приходил весь тастакский бомонд (на этой полу-бандитской окраине снимали себе угол будущие классики казахской литературы).

Уже прибыв в Москву и сдав вступительные экзамены, мы попали сразу на два семинара (проще говоря, мастерские) по переводу художественной литературы — прозы и поэзии. Прозу у нас вела Галия Закировна Хантемирова, поэзию — Лев Адольфович Озеров.

Всего нас в казахской группе было шесть человек. Девочки — Баян Булгакбаева, Жадыра Дарибаева. Мальчики — Ерлан Сатыбалдиев, Кайрат Бакбергенев и я. Чуть позже к нам присоединилась местная девушка — Ольга Вронская. Мы к тому времени (я имею в виду мальчиков), в отличие от девушек, успели подзабыть родной язык и были удивлены желанием москвички овладеть казахским, чтобы стать профессиональным переводчиком, т.е. не просто говорить на нем, но понимать все тонкости литературного языка. Но к диплому она пришла, можно сказать, наравне с нами, опять же мальчиками. И успешно защитилась своими переводами казахской прозы. Она прекрасно владела английским и сама нашла ключик к нашему языку именно через английский. Жаль, что мы тогда не поинтересовались ее методикой, сейчас бы она была как нельзя кстати.

Надо признать, все мы получили отличное образование. Я говорю это спустя столько лет, потому как знания, полученные тогда, служат мне до сих пор, то есть прошли проверку временем. Мастера учили нас вникать в тонкости перевода, обращая внимание главным образом на адекватность восприятия художественного перевода в сравнении с восприятием оригинала носителями его языка.

На семинаре Льва Озерова мы слушали стихи на белорусском, грузинском, азербайджанском, узбекском языках, затем вникали в подстрочники стихов и только потом знакомились с их переводами. Нас учили переводить с языка оригинала, минуя подстрочник, который делали только для обсуждения на семинаре. Но мне больше всего запомнился наш мастер Лев Адольфович, когда он остроносим грачем врвался в аудиторию и, поблескивая линзами очков, делился с нами восторгом от строчек поэтов самого разного калибра. Делился так, словно открыл их для себя только что — на улице, в троллейбусе или в метро. До сих пор не знаю, как это удавалось ему: поразиться авторской удаче — точно найденному слову, образу, интонации сиюминутно и тут же заразить нас своим открытием. После таких озарений мы уходили с кафедры с жадой сотворить нечто подобное. Вот чем отличались наши обсуждения стихов от других семинаров и лекций.

У нас бывали совместные семинары с другими группами, которые вели, примеру, крупнейший языковед Эрванд Владимирович Севортян, автор многотом-

ного Этимологического словаря тюркских языков; писатель Фазиль Искандер; иранист, тюрколог Халык Гусейнович Короглы, он был оппонентом на защите моей дипломной работы. Уроки казахского языка у нас вел профессор Кенисбай Мусаевич Мусаев, в разные годы преподававший в Литературном институте киргизский, туркменский, каракалпакский, татарский, алтайский, хакасский языки.

Помню лекции Валентины Александровны Дынник по старофранцузской литературе, известной переводами стихов Бодлера, Верлена, Верхарна, поэзии трубадуров, романа «Остров пингвинов» Анатоля Франса. Зарубежную литературу вел у нас и Станислав Бемович Джимбинов, составитель антологии Американская поэзия XIX—XX вв. в русских переводах. Они читали стихи на языке оригинала, затем тут же переводили их, и только потом зачитывали переводы и, конечно же, указывали на вольности, которыми грешили поэты, набрасывая на текст оригинала свою одаренную тень, которая на самом деле, несмотря на хороший вкус и талант, все же не могла уже считаться достижением с позиций автора. Нельзя было переводить плохо, но и переводить слишком хорошо тоже противоречило канонам художественного перевода. То есть любое приукрашивание оригинала, по сути отсебятина, являлось нарушением авторских прав. Чего не скажешь о современных подходах к изданиям казахской литературы последних лет на русском языке.

«Учителями» в моей профессии я бы назвал книги Ефима Эткинда «Поэзия и перевод», Корнея Чуковского «Высокое искусство». Сейчас уже всех не упомнишь. Кстати, у Чуковского пример приукрашательства переводом приводится на опыте такого крупного поэта, как Константин Бальмонт:

У Шелли написано: *лютня*, Бальмонт переводит: *рокот лютни-чаровницы*.

У Шелли написано: *сон*, он переводит: *роскошная нега*.

У Шелли написано: *лепестки*, он переводит: *пышные букеты*.

Получилось новое лицо, полу-Шелли, полу-Бальмонт — некий, я сказал бы, Шельмонт.

Помню до сих пор пример из этой книги — как можно загубить стих одним неточно переведенным словом. Так, стихотворение «Черная Мария» поэта из Африки свелось к образу чернокожей красавицы, с которой автор почему-то не хочет встречаться. Но дело в том, что в оригинале «Черная Мария» вовсе не девушка, а, как сказали бы у нас, «черный воронок» — полицейская машина!..

После окончания института я, полюбив журнал «Иностранная литература», не только продолжил с ним читательскую дружбу, но и переписывал инфо из рубрики «Новинки», чтобы не пропустить их в будущем переведенными на русский язык. И, как выяснится позже, я полюбил американскую литературу именно благодаря новой плеяде талантливых переводчиков — «кашкинцев», как назовет их и себя Нора Галь (Гальперина). «Они — основатели той переводческой школы, что верна духу, а не букве подлинника. Любая книга, переведенная ими в содружестве — это единое, целостное явление культуры» (Н. Галь. Слово живое и мертвое. М., 2017, с. 214—215).

Сам Хемингуэй высоко ценил работу Кашкина и в письме Константину Симонову 20 июня 1946 года писал: «Есть в Советском Союзе молодой (теперь, должно быть, старый) человек по имени Кашкин. Говорят, рыжеволосый (теперь, долж-

но быть, седой). Он лучший из всех критиков и переводчиков, какие мною когда-либо занимались». Фамилию своего переводчика Хемингуэй даже дал одному из героев романа «По ком звонит колокол». В «могучую кучку» мастеров перевода входили Вера Максимовна Топер, Ольга Петровна Холмская, Евгения Давыдовна Калашникова, Наталья Альбертовна Волжина, Нина Леонидовна Дарузес, Мария Фёдоровна Лорие, Мария Павловна Богословская. К переводчикам младшего поколения, воспитанным «кашкинцами», относится Нора Галь.

Любопытно признание Александра Гениса о том, как прочитав в оригинале того же Хемингуэя и других американских авторов, оказавшись в Нью-Йорке, он был озадачен, именно памятуя свой восторг при первом знакомстве с ними на русском языке. Оригинал проигрывал переводу!

В этом плане язык перевода авторами журнала «Иностранная литература», его влияние на прозу советских писателей — отдельная тема для научного исследования.

БШ: Среди большого числа переводов встречаются труды Вашего отца — национального писателя и известного переводчика произведений С. Есенина, М. Лермонтова и других русских поэтов и писателей на казахский язык — Гафу Каирбекова. Пожалуйста, охарактеризуйте переводческие стратегии Вашего отца.

БК: О стратегиях отца как переводчика не знаю ничего, потому как вовсе не интересовался его переводами, хватало оригинала его собственного. Но помню, как он шуточно ругался, переводя Гомера: «Вот Маяковского переводят и переводчику платят по рублю за каждую строку в лесенке, а мне каково — одна строка гекзаметра Гомера — целая поэма!»

Перед своим уходом в мир иной он создал в переводе целый том стихов Байрона. И честно признался, что работа эта вымотала его вконец, забрав у него все силы и весь его поэтический словарь. В предисловии к изданию он написал: «Бар мүмкіндігінше өлеңнің түрін, өлшемін, ырғағын, әсіресе бейнелі сөздерін айнытпай сақтау онай емес. Одан соң аса биік рухын, күш-қуатын, ой тереңін, қиял-сиқырын сақтау одан да қиын. Әрине, нағыз керегі соңғысы ғой. Мен екі жағын да алып жүруге күш салдым.

Әйтпесе қазаққа Байроннан не пайда? Қаншама жиган сөз қорым кетті десеңші!» (Гафу Қайырбеков. Көп томдық шығармалар жинағы. Алматы. Қазығұрт № 2012. 8 том. 6 бет). [«Суметь сохранить в переводе форму, размер, ритм оригинала, и в точности передать образный ряд стиха при всем желании нелегко. Еще труднее сохранить дух, мощь, глубину мысли, таинство творения. Конечно, самое важное здесь — последнее. Не потерять гармоничную слиянность этих двух начал и стало моей главной целью.

А иначе, какая польза казахам от Байрона? Сколько слов моих — весь драгоценный запас истратил я, что ни говори!» (Гафу Каирбеков. Собрание сочинений. Алматы. Казығұрт. 2012. Т. 8, с. 6) [перевод — Б.К.].

БШ: Начиная с 1972 года в знаменитом в советские времена казахстанском журнале «Простор» публиковались Ваши переводы с казахского на русский язык рассказов и стихотворений. Библиографической редкостью является Ваш перевод «Родословной тюрков, киргизов, казахов и ханских династий» Шакарима Кудайберды-улы. Планируете ли Вы переиздание этой работы?

БК: Как я недавно узнал от одного казахстанского историка, перевод этот не раз публиковался и издавался в научных кругах, видимо, партизански, раз не удосужились меня хотя бы уведомить. А вот Роллан Сейсембаев попросил разрешения переиздать его, но без выплаты гонорара, ввиду того, что он ограничен в средствах, и издал в серии своего альманаха. На настоящий момент в продаже имеется том произведений Шакарима «Мое время», вышедший в издательстве «Аударма» в серии «Библиотека Казахской литературы» в 2010 году. И там мой перевод «Шежире». Также безгонорарный. Не повезло мне в плане денежном с этим переводом. Я не получил за него ни копейки. Правда, книжицу, впервые увидевшую свет в 1990 году, мне «оплатили» малой частью огромного тиража, который я должен был реализовывать сам, но, во-первых, книгой завалили все возможные прилавки уже до моих попыток куда-либо пристроить свои экземпляры, во-вторых, это были годы безденежья и безработицы, так что практически бóльшая часть их так и сгнила в сарае. Но кое-что осталось, могу поделиться. Хотя, конечно, издание 2012 года куда как роскошнее моей книжицы, да еще в суперобложке, тем более что там помимо моего перевода есть и другая проза и стихи Шакарима.

БШ: Вы переводили на русский язык повести (А. Джаксыбаева, А. Сейдимбека, Г. Каирбекова и др.), отдельные стихи и целые циклы стихотворений, а также большие полотна — романы («Земная колыбель» Т. Журтпаева, А. Мина и Р. Петрова и др.).

В процессе работы над переводами выработались ли у Вас особые приемы? Каков используемый инструментарий у переводчика Бахыта Каирбекова?

БК: В переводах, в особенности прозы, я, как и уже упомянутые «кашкинцы» — верен духу, а не букве оригинала. В стихах соблюдаю формальные рамки (к примеру, казахский 11-сложник, рифмовка ааба, анафора начальных строк, характерная для Махамбета) — это обязательно. Но в случае необходимости, бывает, добавляю от себя уточнения, но именно в контексте всего творчества поэта и его словаря. К сожалению, большей частью к переводам обращаешься по необходимости, а не по желанию. Я имею в виду заказы издательств — плановые авторы, обычно к юбилейной дате. В идеале стараюсь работать с текстом, который мне близок по духу. Так, к примеру, перевод стихотворения Абая «Сенбе жұртқа, тұрса да қанша мақтап» («Не верь речам желанным и приятным...») стал для меня программным, столбовым. И потому я перевел его так, как если бы написал его сам, т.е. на языке понятном и близком моему современнику.

В целом, я вижу совершенный перевод графически: как две выпуклые линзы, кривизна которых стремится друг к другу, и в точке золотого сечения они максимально близки и даже соприкасаются, но тут же расходятся в стороны. Таким образом, я отрицаю полную адекватность перевода оригиналу, которой всегда будет мешать: специфика языка оригинала, иная образная система восприятия мира, синтаксис языка и многое другое. Как видите, я понимаю, что любые формальные стороны перевода на самом деле не главная преграда для профессионального переводчика. Переводить того же Абая трудно уже потому, что многие понятия, типичные для кочевого образа жизни, не только требуют пояснений и

разного рода сносок, но ушли также из обиходной речи в силу исторических перемен в жизни казахского народа.

Это как с Шекспиром, которого переводят с английского языка на современный английский чуть ли не каждый год (помнится, лет 30 назад специалисты насчитывали уже тогда более 300 подобных адаптаций великих текстов). Кочевой образ жизни канул в прошлое, но основные образы (к примеру, сравнения девичьей стати и красы с походкой коня, глазом верблюжонка, с холмами в степи и т.п.) требуют бережной, а значит отточенной передачи нюансов эпического повествования, которые легко обретают ложную дидактичность и выпренный пафос в случае небрежности переводчика.

БШ: Как мы уже говорили, у каждого значительного переводчика есть свои особые инструменты. Перевод разнотипных языков всегда сопряжен с лексическими и грамматическими трансформациями. Могли бы Вы привести примеры таких трансформаций?

БК: Я не лингвист. И никогда не задумывался о том, как выдраться из грамматических свойств языка оригинала. Полагаю, что перевод должен не только соответствовать законам языка, на который переводишь, но, главным образом, должен подпитываться всем богатством, в моем случае, русского языка. И находить, именно — находить, то есть быть в постоянном поиске максимальной точности передачи образа, созданного автором. Но, возможно, больше подходит ответом на Ваш вопрос пример перевода стихотворения Мукагали Макатаева, который я привел в двухтомнике «Части целого» (том II, с. 200). Я обратил внимание на то, что оно глагольное. К тому, что написано было раньше, могу сегодня добавить, что «кочевой» характер казахской лирики чаще всего выражается глагольно, характерна попытка уловить и передать именно Движение — как главную суть образа жизни кочевника. А здесь оно обретает форму шаманского заклинания. Любопытно проследить древнюю форму заклинания, к примеру, в слове «айналайын», которое давно обрело вид имени существительного. Констатация движения характерна для философских стихов эпохи жырау, подхваченная поэтами военного поколения. Это можно проследить в моих переводах (Бухаржырау и Абдоллы Жумагалиева). Типична также жанровая характеристика построения стиха в форме диалога с самим собой: вопрос-ответ, к примеру, «Что назову несчастьем?» у Асана Кайгы. Синтаксические зачины, к примеру, у Махамбета («если» не делал того-то, то...):

Ерулі атқа ер салмай,
Егеулі найза қолға алмай,
Еңку-еңку жер шалмай,
Қоңыр салқын төске алмай.

БШ: Уникальный русский ученый Г.П. Мельников выделил внутренние и внешние детерминанты четырех морфологических типов языков, предугаданные В. фон Гумбольдтом, И.А. Бодуэном де Куртенэ, Э. Кондильяком. Внутренняя форма языков агглютинативного типа, к которому относится и казахский, характеризуется в концепции Г.П. Мельникова как качественно-признаковая. А внутренняя форма языков флективного типа, в том числе русского — как событийная.

Не сталкивались ли с Вы с трудностями или, возможно, Вы выявили некоторые закономерности перевода с казахского на русский язык?

БК: Честно говоря, я не готов ответить на этот вопрос, потому как никогда не задумывался над этим. Быть может, Вы сможете сами что-то извлечь из моих эссе, что могло бы хоть как-то соответствовать Вашему вопросу. Тем более, что в последние десять лет я переводил от случая к случаю и не могу сейчас выявить какие-то закономерности, кроме тех основополагающих, что известны всем. К тому же я изначально не верю в адекватность художественного перевода, как и Максим Горький, и Валерий Брюсов. Для меня перевод все-таки остался каторжным трудом, требующим от переводчика владения всем богатством языка, на который ты переводишь, в моем случае русского. И определенной жертвенности (отец признавался, что он «подарил» переводу Байрона всего себя, весь арсенал своих поэтических средств). Он сильно помог мне, заставляя беспрерывно искать и находить выражения, «обладающие» не просто запахом и цветом, но тысячами оттенков и нюансами психологического характера, и в этом плане я благодарен этому призванию, этому мощному стимулу оттачивания собственного опыта стихотворца.

Могу разве что отметить для себя, что казахская лирика тяготеет к философско-созерцательному содержанию. Я объясняю это не столько восточной традицией (хотя влияние рубаи Хафиза, Хайяма, несомненно, присутствует), сколько ментальностью кочевого образа жизни казахов, когда собеседником поэта чаще всего выступает суровая природа степи и необъятный космос неба — книга созвездий, которую вынужден уметь читать странник, путешествуя по океану степи, не имея никаких ориентиров в виде деревьев и даже холмов, не говоря уже о горах и реках, т.е. пространственным восприятием времени. И может, этим объяснима и некоторая «бедность» в выборе средств языка и монотонность изложения размышлений, берущая свое начало в поэзии первого казахского письменника Абая.

БШ: Ваши статьи, посвященные вопросам перевода («Искусство перевоплощения. О художественном переводе», «Ориентиры творческого поиска. К проблеме художественного перевода», «Энергетическое поле поэзии (о книге переводов К. Бакбергенова “Отраженные пространства”, “Переводы с казахского на русский язык” (“Из опыта работы над текстами”))» и др. также являются библиографической редкостью. Не возникало ли у Вас желания собрать ваши размышления о переводческом процессе в единый сборник? Думается, что это стало бы значительной подмогой для студентов переводческих отделений, тем более, что частная теория перевода (казахский-русский) отчетливо не представлена ни в казахстанской науке, ни в российской.

БК: Готовлю книгу эссе, куда планирую включить перечисленные статьи именно как размышления о сути и судьбе художественного перевода казахских поэтов и писателей на русский язык.

БШ: Как бы Вы охарактеризовали состояние переводческой деятельности в Казахстане?

БК: В конце 80-х годов по инициативе Акселеу Сейдимбекова был создан альманах «Әлем», главной целью которого было объединить усилия переводчиков с казахского на русский и с русского на казахский и выявить проблемы в этой прак-

тически бесхозной отрасли. Инициатива была замечательная, а главное, наименее обходимейшая. Но, к сожалению, просуществовал альманах недолго.

Потом, мне помнится, была идея у нашего классика Абдижамила Нурпеисова совместно с Чингисом Айтматовым создать Ассоциацию переводчиков со своим издательством, штатом переводчиков. То есть опять же давняя мечта литераторов Казахстана создать творческую лабораторию специалистов. Но и эта идея благополучно захла уже на самой первой стадии.

Поэтому переводческое дело и сегодня остается делом стихийным, практически необсуждаемым и бесконтрольным. Что думает по этому поводу Союз писателей, я не в курсе. Финансирования нет, а значит, и инициативы никакой. Единственным очагом, поддерживающим тлеющее пламя переводческих потуг, было издательство «Аударма» в Астане, открывшееся в 2002 году. Но оно, похоже, закрылось (а может, еще живо? Надо бы уточнить!). Изредка переводы заказывают опять же издательства «Жазушы» и «Жалын», но я не в курсе — сохранились ли редакции, курирующие именно переводные издания. Не хочу обижать новоявленных переводчиков, но выделить чьи-либо успехи не могу, потому как таковых давно не вижу, а что было мной замечено, зафиксировано в редких на эту тему статьях и отзывах на презентацию книг переводчиков.

БШ: И неизменный вопрос переводчику: искусство или наука — переводоведение?

БК: Об этом много уже сказано, и продолжаются дискуссии на страницах книг в серии «Мастерство перевода» и на одноименном сайте.

Я вижу научный подход в начальной стадии перевода, когда истинный переводчик фактически занимается исследовательской работой всего творчества поэта, сравнивая варианты уже осуществленных переводов, углубляется в дневники и переписку автора, выводит из всего обнаруженного систему образов, характерных для этого поэта. Но далее — сам перевод уже творчество, которое, конечно же, является формой поэтического искусства. Так что перевод требует от переводчика не только двуязычия, но главное — быть своим, как в родном, так и в языке иноязычного автора. Он не может быть бедным, средненьким или хорошим толмачом чужой речи. Он должен быть поэтом изначально (это касается и прозы), а именно человеком высокой культуры, гражданином мира, которому дорог мир Слова, того самого, что отделило его в начале Жизни на земле от всего животного мира.

В своих статьях о роли переводчика я говорил о том, что труд этот и благодарный, и в то же время незаметный, к тому же малооплачиваемый (в лучшем случае 60% от авторского гонорара). Мало кто знает, кому обязан читатель возможностью восторгаться романами Фицджеральда или Хемингуэя, Джером Джерома и Моэма... Список трудов переводчиков необъятен, но имена их большей частью известны только тем, кто сам попробовал себя на ниве перевода. Еще в конце XIX века великий Гоголь в письме Жуковскому по поводу его перевода «Одиссеи» писал: «... если даже и хвалить картины, то похвалы все достанутся Гомеру, а не тебе. Переводчик поступил так, что его не видишь: он превратился в такое прозрачное стекло, что кажется, как бы нет стекла».

Высшая похвала переводчику в то же время «обидная»: чем ты талантливее и блистательней сотворишь чудо, тем более шансов так и остаться в тени автора. Но сравнение со стеклом идеализирует работу переводчика, в художественном тексте все же переводчик активен в силу своего таланта, и потому читатель поневоле выступает арбитром стилистического состязания каждого нового переводчика в попытке воссоздать творение автора как можно ближе к оригиналу. И здесь уместно процитировать размышление по этому поводу самого переводчика, в нашем случае родоначальника школы переводчиков — И.А. Кашкина.

В идеале и должно быть так, и к простейшим переводам текстов общего характера (научных и т.п.) это применимо почти без всяких оговорок. Там действительно словно и нет переводчика, а есть факты, термины и их нейтральная по стилю словесная связка. Но как только обращаешься к тексту художественной литературы, как только в тексте ясно вырисовывается лицо автора, его индивидуальный стиль, так почти неминуемо возникает рядом и лицо переводчика. Сразу выясняется, что нам только казалось, что нет стекла, оно есть, и, более того, стекло это легко теряет свою прозрачность. При переводе яркого и трудного художественного текста на этом стекле становятся особенно заметными всякие царапины, пузырьки, пыль и прочие изъяны. Все это неприметно или явно изменяет подлинник. Но дело не ограничивается и этим. Если продолжить начатое сравнение, то видишь, что, чем своеобразнее трактовка подлинника переводчиком, тем явственнее видит читатель на стекле перевода отражение лица переводчика рядом с лицом автора. Следовательно, задача переводчика состоит и в том, чтобы это отражение не мешало (или мешало как можно меньше) восприятию подлинника. При оценке художественного перевода приходится учитывать не только степень прозрачности стекла, но и угол, под которым переводчик рассматривал оригинал, а переводчик советской школы смотрит на оригинал под реалистическим углом зрения.

Уместно процитировать в этом ключе и выражение французского лингвиста Жоржа Мунена: «подобно медицине, перевод остается искусством, но искусством, основанным на науке».

В применении к своему методу (если он, конечно, есть — вам виднее), я как выпускник Литературного института им. Алексея Максимовича Горького (стоявшего у истоков создания теории художественного перевода) верен его принципу: стремлюсь «передать лишь один или в лучшем случае два (большей частью образы и размер), изменив другие (стиль, движение стиха, рифмы, звуки слов)». Если могу больше, то это уже победа, которой можно гордиться.

05.01.2021

Сведения об авторе:

Шагимгереева Бакытгуль Ерсайиновна — аспирант кафедры общего и русского языкознания филологического факультета Российского университета дружбы народов. E-mail: t_2004@mail.ru

Bio Note:

Bakytgul Shagimgerayeva is a Postgraduate Student, Department of General and Russian Linguistics, Philological Faculty, Peoples' Friendship University of Russia. E-mail: t_2004@mail.ru

DOI 10.22363/2618-897X-2021-18-1-91-102

Горизонты понимания: к юбилею Элеоноры Дюсеновны Сулейменовой

Н.Ж. Шаймерденова, Д.Б. Аманжолова

КазНУ имени аль-Фараби
Казахстан, 050040, Алматы, пр-т аль-Фараби, 79

Для цитирования:

Шаймерденова Н.Ж., Аманжолова Д.Б. Горизонты понимания: к юбилею Элеоноры Дюсеновны Сулейменовой // Полилингвильность и транскультурные практики. 2021. Т. 18. № 1. С. 91–102. DOI 10.22363/2618-897X-2021-18-1-91-102

Horizons of Understanding: to the Anniversary of Eleonora Dyusenovna Suleimenova

A.Zh. Shaimerdenova, J.B. Amanzholova

Al-Farabi Kazakh National University
79, Al-Farabi Prospect, Almaty, 050040, Kazakhstan

For citation:

Shaimerdenova, N.Zh., and J.B. Amanzholova. 2021. "Horizons of Understanding: to the Anniversary of Eleonora Dyusenovna Suleimenova". *Polylinguality and Transcultural Practices*, 18 (1), 91–102. DOI 10.22363/2618-897X-2021-18-1-91-102

© Шаймерденова Н.Ж., Аманжолова Д.Б., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Введение

Кардинальные изменения научного постсоветского пространства в новых геополитических условиях привели к переосмыслению ключевых понятий лингвистики и ее историографии. Как развивается казахстанская лингвистика в новых условиях и какова консолидирующая сила ученых как важнейший источник ее поступательного движения? Готова ли она принять вызовы XXI века и может ли обеспечить сохранение и прогресс сложившихся традиций казахстанской науки о языке? Ответ на эти вопросы дают не только публикации казахстанских лингвистов, но и конференции, посвященные проблемным вопросам, в том числе связанным с деятельностью того или иного ученого.

В этом отношении каждая юбилейная дата научной и педагогической деятельности профессора КазНУ имени аль-Фараби Э.Д. Сулейменовой становится важным этапом обобщения итогов. По материалам конференций были опубликованы книги: в 2005 году «Жизнь языка и язык в жизни» [1] и «Диалог языков и культур» [2]; в 2015 году — «Лингвистическое наследие и тренды нового времени: язык, литература, культура» [3], «Тренды в филологической науке: школа профессора Э.Д. Сулейменовой» [4] и выпуск казахстанской серии «Жизнь замечательных людей» «Өнегелі өмір. Элеонора Сулейменова» [5]; в 2020 году — «Горизонты современной лингвистики: тренды и научный диалог» [6]. Начиная с 2012 года, командой научно-просветительского проекта «Эпоха и личность» проводится ежегодный рамочный симпозиум, посвященный творчеству Э.Д. Сулейменовой. Материалы симпозиумов также выходят в свет в бумажном или электронном варианте. Более 150 статей, рецензий, очерков, эссе о профессоре Э.Д. Сулейменовой опубликованы в казахстанских и зарубежных изданиях [7. С. 104—119].

Элеонора Дюсеновна Сулейменова принадлежит к числу тех лингвистов, кто создал свое направление в науке о языке, соединив глубокие теоретические изыскания с обширными и востребованными обществом прикладными задачами. Научные интересы Э.Д. Сулейменовой разносторонни, ее вклад в развитие казахстанской лингвистики весьма значителен. Помимо социолингвистики, контрастивной лексикологии и семантики, этнолингвистики, она разрабатывает учебные комплексы и учебники по русскому языку для школ с казахским и русским языками обучения, по казахскому языку для русскоговорящих и англоговорящих, создает многочисленные востребованные словари [8—10].

Огромный багаж знаний и богатый педагогический опыт, языковое чутье и острая научная интуиция, умение полемизировать и находить рациональное решения, высокая требовательность к себе и удивительная работоспособность выдвинули Э.Д. Сулейменову в число известных лингвистов в мире. Ее авторитет признан лингвистами, она член Президиума МАПРЯЛ, Международного комитета славистов, Научно-экспертного совета Ассамблеи народа Казахстана, президент Казахстанского общественного объединения преподавателей русского языка и литературы (КАЗПРЯЛ).

Юбилейные даты — удобный момент оглядеться и оценить масштаб того, что может сделать один человек, осмыслить результаты научной и педагогической

деятельности профессора Э.Д. Сулейменовой на фоне горизонтов современной лингвистики.

Этапы творческой биографии Э.Д. Сулейменовой

Когда-то Ирен Жолио-Кюри сказала: «В любой профессии любовь к ней является одним из условий успеха, и это особенно справедливо для научно-исследовательской работы». Характерной чертой Элеоноры Дюсеновны Сулейменовой как раз является ее отношение к профессии лингвиста и педагога с искренней любовью и высокой мерой ответственности. Этим она вдохновляет всех, кто работает вместе с ней и кто учится у нее любить науку и совершенствоваться в ней.

В течение 50 лет трудовая деятельность профессора Э.Д. Сулейменовой связана с одним вузом — Казахским национальным университетом имени аль-Фараби. Здесь произошло ее профессиональное становление ученого и педагога. Сюда она пришла молодым двадцатичетырехлетним преподавателем после окончания аспирантуры и защиты кандидатской диссертации «Проблема определения языка как объекта лингвистики (историко-аналитическое исследование)» под руководством крупного советского лингвиста — философа и логика — профессора Г.В. Колшанского, пройдя замечательную школу лингвистической подготовки на кафедре общего языкознания у Ю.В. Рождественского, Н.А. Слюсаревой, Ф.М. Березина, А.Я. Шайкевича, Т.А. Амировой, Б.А. Ольховикова, Н.Г. Комлева.

Важной для профессионального формирования Э.Д. Сулейменовой оказалась научно-педагогическая среда филологического факультета — здесь работали талантливые педагоги и известные ученые — Х.Х. Махмудов, Х.М. Сайкиев, М.М. Багизбаева, М.В. Мадзигон, Н.И. Гайнуллина, Р.С. Зуева, Б.М. Джилкибаев, В.М. Никитевич и другие. Кафедра общего языкознания встретила Э.Д. Сулейменову радушно, первым делом определив педагогическую нагрузку — ей сразу предоставилась возможность вести сложнейшие теоретические курсы «Общее языкознание», «Введение в языкознание», «История лингвистических учений» на русском и казахском отделениях филологического факультета. С тех пор Э.Д. Сулейменова не расставалась с общими лингвистическими курсами, расширяя их круг дисциплинами философско-методологического плана и новых направлений языкознания. Так продолжались годы напряженного педагогического труда, сопряженные с научными исследованиями и, главное, с анализом языкового материала и выработкой концепции интерлингвального исследования в области семантики. Эта работа продолжалась в докторантуре на кафедре общего и сравнительного языкознания МГУ имени М.В. Ломоносова и завершилась защитой докторской диссертации «Семантические параметры слова в интерлингвальном исследовании (теоретические и прикладные аспекты контрастивного анализа)».

Только в результате тщательных исследований и обдуманых теоретических обобщений стало возможным формирование сулейменовской школы, для которой характерен особый масштаб идей, разрабатывающихся в трудах Э.Д. Сулейменовой и ее многочисленных учеников. Интенсивно работает лаборатория, в которой проводятся экспериментальные исследования и выполняются между-

народные и республиканские научно-исследовательские проекты. Под ее руководством выполняются диссертации, проводятся международные конференции, показательным становится массовое участие казахстанских ученых в конференциях и конгрессах за рубежом.

Постепенно расширяется круг языков, которые становятся объектом исследований ее учеников — это не только казахский и русский языки, но и английский, немецкий, корейский, китайский, уйгурский, арабский. Формулируемые ею темы исследований и идеи будоражат, порой пугают, но всегда заставляют задуматься и двигаться в русле новых веяний общей лингвистики, побуждают «соответствовать» ожиданиям и строгим требованиям Учителя.

Усваивая опыт предшествующих этапов развития науки о языке, казахстанская лингвистика постепенно вышла на мировой уровень и смогла стать вполне конкурентоспособной. Особенно наглядно это обстоятельство заметно в участии казахстанских лингвистов в конгрессах МАПРЯЛ. Среди ученых Казахстана, которых приглашали в советское время на конгрессы МАПРЯЛ в качестве делегата, была только Герой Социалистического Труда Рафика Бекеновна Нуртазина — учительница русского языка, директор единственной в столице Казахстана казахской школы, впервые внедрившая в стране опыт трехязычного образования. Начиная с 90-х годов, казахстанские лингвисты все активнее участвуют в работе МАПРЯЛ, и вот уже на всех конгрессах вторая по численности делегация — это казахстанцы. Уверенность Э.Д. Сулейменовой в том, что русисты Казахстана — это надежная сила и профессиональная команда, которая справится с нелегкой задачей проведения любого масштабного и значимого мероприятия, была успешно реализована на XIV конгрессе МАПРЯЛ «Русское слово в многоязычном мире», который состоялся весной 2019 года в городе Нур-Султан.

В 90-е годы Э.Д. Сулейменова выдвинула достаточно амбициозный проект открытия в КазНУ им. аль-Фараби докторского диссертационного совета по трем специальностям: 10.02.01 — «Русский язык»; 10.02.19 — «Теория языка»; 10.02.20 — «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» (председатель совета — Э.Д. Сулейменова, заместитель председателя — М.М. Копыленко, ученый секретарь — Н.Ж. Шаймерденова). Самым трудным было открытие совета по специальности 10.02.20, поскольку в тот период лингвистов по данному направлению и с таким шифром практически не было ни в Казахстане, ни в других постсоветских республиках.

Состав диссертационного совета был сильным, предложение Э.Д. Сулейменовой работать в нем приняли выдающиеся ученые республики, они составляли ядро казахстанской лингвистики того периода: К.Ш. Хусаинов, М.К. Исаев, А.Е. Карлинский, М.М. Копыленко, Р. Загидуллин, З.К. Ахметжанова, Л.К. Жаналина, Н.И. Гайнуллина, В.А. Исенгалиева, Б.Х. Хасанов и др. Незабываемой стала первая защита докторской диссертации В.Н. Поповой — уникального специалиста в области топонимики, которая открыла дорогу всем, кто после нее защищал докторские диссертации: Н.Ж. Шаймерденова, К.К. Ахмедьяров, Л.В. Екшембева, А.Е. Агманова, Р.А. Авакова, Б.К. Мурзалина, Ж.А. Нуршаихова, Ш.К. Жаркынбекова, О.Б. Алтынбекова, З.К. Темиргазина, З.К. Сабитова, Е.А. Журавлёва, А.Х. Азаматова, Б.А. Ахатова и многие другие. Молодые ученые,

разлетавшиеся по городам Казахстана, с гордостью говорили, что защищались в совете Э.Д. Сулейменовой. Диссертационный совет на несколько десятилетий стал центром демонстрации научных достижений и формирования научных кадров высшей квалификации.

Научная школа Э.Д. Сулейменовой активно и плодотворно работает, а она сама находится в постоянном научном движении и выдвигает новые перспективные идеи, предлагает интересные решения традиционных лингвистических проблем. Показательно, что ее казахстанскими и зарубежными учениками защищены 19 докторских, 40 кандидатских и 8 диссертаций доктора PhD.

Доклады Э.Д. Сулейменовой украшают международные конгрессы и конференции, ее лекции становятся ярким событием в школах социолингвистики, осенних и весенних школах лингвистики, школах русистики, в казахстанско-российских Программах дополнительного профессионального образования (КазНУ — РУДН), организациях образования и университетах в Казахстане и за рубежом (США, Россия, Кыргызстан).

Э.Д. Сулейменова обладает не только даром Ученого и Педагога, но и чудесной силой воздействия, заложенной от природы. Она влияет на каждого, кто встретился на ее пути, и оказывает воздействие на состояние человека. Слова и идеи Э.Д. Сулейменовой могут менять диапазон мышления и жизненный путь. У нее не бывает состояния бездействия, она быстро схватывает мысль и выдвигает предложения, которые оказываются самыми важными в жизни. Ею с энтузиазмом была поддержана идея ректора МГЛУ, доктора филологических наук, профессора И.И. Халеевой о создании Базовой организации стран — участниц СНГ и изучения языков СНГ — так при МГЛУ был создан и более пятнадцати лет успешно работает Центр казахского языка и культуры. Выпускники Центра, профессионально владеющие казахским языком, работают сегодня в различных посольствах и международных организациях, ведут интересные программы на казахском языке, а казахстанские преподаватели защитили кандидатские и докторские диссертации.

Другим ярким примером ее творческой и созидательной энергии может служить организация и руководство программой ACCELS “LanguageFlagship” в КазНУ имени аль-Фараби: вот уже шесть лет американские студенты изучают русский и казахский языки, знакомятся с казахской культурой и становятся истинными друзьями нашей страны.

Завершая эту часть статьи, хочется вернуться к характеристике юбиляра как ученого элитарного типа и пассионарной личности. Все, что сделано и делается профессором Э.Д. Сулейменовой, — это качественный продукт, созданный ее лингвистическим талантом и волей.

Итоги научно-педагогической деятельности и перспективы развития научных идей Э.Д. Сулейменовой

50-летию научно-педагогической деятельности и 75-летию со дня рождения доктора филологических наук Элеоноры Дюсеновны Сулейменовой были посвящены юбилейные мероприятия, которые прошли в онлайн-формате. Все ме-

роприятия были организованы Казахским национальным университетом имени аль-Фараби и проходили под эгидой МАПРЯЛ при поддержке Ассамблеи народа Казахстана и команды научно-просветительского проекта «Эпоха и личность».

Международная конференция «Горизонты современной лингвистики: тренды и научный диалог» собрала ученых Казахстана, России, Финляндии, Румынии, США, Китая, Кыргызстана, Узбекистана, Болгарии, Вьетнама, Турции, Грузии. Всего в работе конференции приняли участие более 200 человек, выступавших с пленарными и секционными докладами и предложивших к обсуждению свои теоретические исследования и практические наработки. Конференция дала участникам возможность выразить личное отношение к мэтру казахстанской науки, воспитавшей плеяду талантливых учеников. Как бы ни сопротивлялся юбиляр, все единогласно говорили о яркой и самобытной Сулейменовской школе в лингвистике.

На открытии конференции прозвучали приветствия и поздравления, в которых говорилось о заслугах юбиляра как организатора науки в Казахстане и многогранной творческой личности, проявившей себя в сфере общего (общая семантика, теория номинации, онтология и методология лингвистики и др.), сопоставительного языкознания (контрастивный анализ семантики и прагматики казахского и русского языков, лингвистические основы обучения языкам, теория усвоения второго языка и др.), социолингвистики (языковая ситуация, языковое строительство и языковая политика, функционирование и витальность языков и др.), а также теории и практики составления учебников по первому и второму языку.

Выступая с приветствием, первый проректор КазНУ имени аль-Фараби *Мукаш Мырзабаевич Буркитбаев* (Алматы, Республика Казахстан) отметил большое количество фундаментальных исследований профессора и особо подчеркнул важность подготовки учеников и роли Э.Д. Сулейменовой как наставника. Говоря о том, что университет высоко ценит особый вклад профессора в развитие вуза на протяжении пятидесяти лет, проректор вручил юбиляру почетную медаль КазНУ имени аль-Фараби «Ерен еңбегі үшін» и памятный подарок.

Все участники форума тепло и с большим вниманием слушали выступление президента МАПРЯЛ, Советника Президента Российской Федерации по вопросам культуры *Владимира Ильича Толстого* (Москва, Россия). Праправнук Льва Николаевича Толстого, известный российский журналист и писатель-эссеист, заслуженный работник культуры Российской Федерации В.И. Толстой, поздравив юбиляра, сказал:

В названии вашей конференции вынесены слова о научном диалоге. Научный диалог, культурный диалог... В сегодняшнем тревожном мире это очень важно, может быть, важнее всего. Уверен, что мы сможем сохранить единство научного сообщества и мира в целом, если будем слышать друг друга в научном и культурном диалоге.

Сегодня мы чествуем замечательного человека Элеонору Дюсеновну. Особенно знаменательно потому, что она выступает очень важным посредником, участником научного и культурного диалога. Всегда доброжелательным, всегда открытым, всегда готовым на то, чтобы соединять, а не разъединять людей. Без Вас трудно сегодня представить жизнь педагогического сообщества Казахстана. Я думаю, что все ваши коллеги отмечают это совершенно справедливо [6].

Директор Российского центра науки и культуры в г. Нур-Султане *Алексей Анатольевич Коропченко* от имени Посла Российской Федерации в Республике Казахстан и сотрудников Российского центра также выступил с приветствием и поздравлением, отметив:

Ваши монографии, словари, учебные пособия и методические разработки для средней и высшей школы, многочисленные научные публикации вносят бесценный вклад в дело поддержки развития русского языка в Казахстане. А Ваши исследования в области социолингвистики, сопоставительного языкознания, теоретической и прикладной лексикографии способствуют гармонизации межнациональных отношений, утверждения принципов толерантности и общественного согласия. Вы оказываете огромное влияние на воспитание новых поколений русистов, посвятивших свою жизнь сбережению русского языка и культурного наследия в Казахстане. Благодаря Вашей неутомимой энергии, Вашей самоотдаче в прошлом году и был реализован конгресс МАПРЯЛ [6].

От имени заместителя председателя Ассамблеи народа Казахстана выступила руководитель Научно-экспертного совета Ассамблеи народа Казахстана профессор *Айгуль Какимбековна Садвокасова* (Нур-Султан, Республика Казахстан), подчеркнув, что Элеонора Дюсеновна, являясь членом научно-экспертного совета Ассамблеи народа Казахстана, внесла большой вклад в разработку сложнейших вопросов реализации языковой политики и полиязычного образования в стране, социологического и социолингвистического мониторинга в республике, научно обоснованной популяризации деятельности АНК. Деятельность профессора Э.Д. Сулейменовой была неоднократно отмечена медалями и благодарственными письмами от руководства страны и Ассамблеи народа Казахстана.

Конференцию продолжили видеопрезентации книг Э.Д. Сулейменовой, увидевших свет в 2020 году [8; 11], библиографического указателя [7], а также книги-подарка от благодарных учеников [12].

Наиболее важной составляющей научного форума, как известно, являются доклады на пленарном заседании. Эту часть конференции открыла проректор МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор филологических наук, профессор, вице-президент МАПРЯЛ *Татьяна Владимировна Кортава* (Москва, Россия). Она выступила с докладом «Alma-mater: поздравительное слово» от имени коллег всего университета, ведь именно в стенах МГУ имени М.В. Ломоносова в 1992 году Э.Д. Сулейменова защитила свою докторскую диссертацию.

Выступление Татьяны Владимировны включило в себя краткий обзор трудов профессора Э.Д. Сулейменовой. При этом докладчик подчеркнула, что поставленные задачи и разработанные в трудах Э.Д. Сулейменовой проблемы охватывают актуальные направления современной лингвистики — семантика и прагматика, контрастивные исследования, изучение смысла в историолингвистической науке и мн. др.:

Московский университет и кафедра общего и сравнительно-исторического языкознания, ученики Юрия Владимировича Рождественского, его последователи помнят прекрасно докторанта 80-х годов Элеонору Дюсеновну и блестящую защиту ее докторской диссертации, посвященной семантическим параметрам слова в интерлингвальных исследованиях. И очень важно, что эта диссертационная работа Элеоноры Дю-

сеновны во многом опередила время. Дело в том, что Элеонора Дюсеновна рассматривала слово во взаимосвязи социолингвистических, коммуникативных и метакоммуникативных аспектов, порождающих плюрализм языковых картин мира, и отстаивала идею об имплицитных и эксплицитных семантических контрастах при сравнительно-историческом изучении языков и культур.

А недавние фундаментальные работы Элеоноры Дюсеновны о языковой политике и макросоциолингвистике имеют колоссальное значение для исследования современного беспокойного глобального ландшафта языкового [6].

За полтора года, прошедшие со времени проведения XIV Конгресса МАПРЯЛ (Нур-Султан, 2019), русистика и филология в целом значительно углубила и расширила свои исследования. Обобщить достижения и обсудить насущные вопросы в различных отраслях лингвистики — такие задачи также стояли перед участниками конференции. В соответствии с этими задачами на пленарном заседании были заслушаны доклады замечательных представителей лингвистической науки.

Почетный президент Американских советов по международному образованию (ACCELS — American Councils for International Education), вице-президент МАПРЯЛ *Дэн Дэвидсон* (Вашингтон, США) выступил с докладом «Флагман в Казахстане: инновационная программа языкового погружения». Он рассказал о международной программе, которая позволяет раскрыть важность языкового погружения, инновациях в обучении русскому языку американских студентов. Научный и вместе с тем теплый поздравительный характер доклада позволил окунуться в деятельность всей команды программы «Флагман», узнать о роли в реализации данной программы ее академического директора профессора Э.Д. Сулейменовой.

На юбилей положено приносить подарки, как меня научили казахи, я и пришел не с пустыми руками и принес подарок. Сделанный, что символично, нашими и Вашими общими усилиями. Это новый выпуск журнала “Russian Language Journal”, посвященный целиком программе «Флагман» в Казахстане. Центральное место в этом сборнике занимает основополагающая работа юбиляра о языковой ситуации в Казахстане, а именно актуальные исследования современного состояния казахско-русского двуязычия. Представленные здесь результаты принимают новые сферы о статусе русского языка в Казахстане, а также содержат новые данные регионального варианта русского языка. Как убедительно показывает автор статьи, функционирование русского языка в разных сферах, его правовой статус и уровень престижа, а также его стилистическая дифференциация обеспечивает благоприятную среду для обучения с погружением в Казахстане. Ротация флагманской модели в мультикультурной среде Казахстана стала одним из главных приоритетов флагманской программы с первых дней ее существования, наряду с преподаванием базового курса казахского языка. В академической концепции Казахского национального университета имени аль-Фараби обучение ведется на русском и на казахском языках. Внедрение испытанной модели в учебную программу русского флагмана нашла внимание и поддержку. По одобрению руководства университета профессор Сулейменова привлекла к участию в программе своих учеников и коллег-русистов, талант и экспертизы которых нашли яркое выражение в статьях этого сборника [2].

Профессор Хельсинкского университета, главный научный сотрудник Высшей школы экономики (Москва), почетный профессор МГУ, вице-президент МАПРЯЛ *Арто Мустайоки* (Хельсинки, Финляндия) представил доклад на тему «Концеп-

ты “легкий” и “простой” русский язык». Актуализировав проблему понимания/ непонимания в современном русском языке, ученый обозначил направления развития русского языка и перспективы русистики.

Доктор филологических наук, профессор отделения русской и славянской филологии Бухарестского университета, председатель Румынской ассоциации преподавателей русского языка и литературы, член президиума МАПРЯЛ *Аксиния Красовски* (Бухарест, Румыния) в своем докладе «Особенности говора русских-липован Румынии» осветила важнейшую проблему сохранения языков и говоров. Участники конференции с интересом заслушали ее доклад, поскольку такого плана исследований, в которых предлагается новая интересная траектория изучения говоров, не так много в современном мире науки.

Доктор филологических наук, профессор кафедры греческой и славянской филологии Гранадского университета, член Президиума МАПРЯЛ *Рафаэль Тирадо Гусман* (Гранада, Испания) в докладе на тему «О переводе лексики с культурным компонентом» обратил внимание на «говорящие» имена, которые представляют собой важный компонент исследования культурного кода любого народа.

Доклад доктора филологических наук, профессора, заведующего кафедрой русского языка и межкультурной коммуникации Российского университета дружбы народов *Владимира Павловича Синячкина* (Москва, Россия) «Тюркизмы в русском языке» вызвал особый интерес у участников конференции, работающих в области контактологии. Предложенные вниманию слушателей тексты с экспликацией тюркизмов в русском языке представляют важный материал для изучающих историю русского языка, тюркско-славянские взаимодействия в различные периоды развития языков.

Каждая смена формаций и цивилизаций порождает новых индивидов, которые производили свою интеллектуальную «эврику», а в историю науки впечатывались новые имена ученых, повлиявшие на развитие человеческого общества. Однако, все ли ученые обладают способностью учить? Далеко не всех учителей называют ученым (кстати, само слово ученый возникло примерно в XIX в.). Нередки случаи, когда деятельность ученого ограничивается исследовательской лабораторией или кабинетом, что вызывает критику, иронию («лабораторный червь» или «кабинетный ученый»). Применение к такой «изолированной» интеллектуальной деятельности звания — учитель невозможно в бытовом смысле этого слова.

Подобный скепсис едва ли будет оправдан, если мы обращаемся к личности Ученого Э.Д. Сулейменовой, труды которой в своей совокупности объели множество общих проблем науки о языке, аспектов и уровней языка. *Объект, предмет и методы лингвистики; язык и общество; функция языка в обществе; язык — сознание — действительность; универсальное, специфичное / частное и отдельное в языке; межъязыковые различия (контрастивная лингвистика) и др.* — все, что подвергает осмыслению и описанию Э.Д. Сулейменова представляет собой не известные истины, а продуцирование нового знания, скорректированного в соответствии с новыми обстоятельствами жизни человеческого общества и, в частности — казахстанского социума.

Более 400 научных и методических работ, большое количество учеников (более 100 дипломников — выпускников-специалистов и магистров, 40 кандидатов, 19 докторов наук, 8 докторов PhD) являются не только свидетельством успешной состоятельности Э.Д. Сулейменова как Учителя, но и сулейменовской школы лингвистики [6].

Доктор филологических наук, профессор Российского университета дружбы народов *Улданай Максutowна Бахтикиреева* (Москва, Россия) в своем пленарном докладе «Воля к формированию новых смыслов» представила репрезентативный материал, в котором дается наиболее полное представление о научной, педагогической и организаторской деятельности юбиляра. Также У.М. Бахтикиреева представила детальную характеристику свойств личности Э.Д. Сулейменовой как человека, продолжающего научные традиции предшествующих поколений ученых, наполняя свои исследования новыми смыслами и выявляя актуальные проблемы для современного языкознания. В докладе профессора У.М. Бахтикиреевой представлен комплексный анализ научных трудов профессора Э.Д. Сулейменовой, указана роль казахстанского ученого в мировом масштабе в свете важнейших парадигм современной казахстанской лингвистики. Профессор Бахтикиреева смогла не просто обобщить и выявить важную исследовательскую парадигму юбиляра, но и подчеркнула важность научных достижений и необходимость переиздания отдельных трудов юбиляра.

Доктор филологических наук, профессор Казахского национального университета имени Абая *Манат Шаяхметовна Мусатаева* (Алматы, Республика Казахстан) в докладе на тему «Терминографическая ипостась юбиляра», осветив проблему современной лексикографии, обратила внимание на основополагающие работы юбиляра по терминологии, в частности, на такое актуальное для Казахстана направление, как составление двуязычных словарей. Она продемонстрировала историю терминологии в Казахстане от первых словарей команды ее учеников, подчеркнув важность и актуальность проводимой работы.

На высоком уровне прошла работа двух секций, а ее модераторы — профессор А.Е. Агманова (Павлодар, Казахстан) и доцент С.К. Сансызбаева (Алматы, Республика Казахстан) — смогли в сжатые сроки обобщить все материалы докладчиков, представив на заключительном заседании конференции содержательные отчеты.

Широкий диапазон научных исследований участников конференции был представлен в следующих направлениях: «Языковая личность, языковые процессы и языковая политика в регионах мира»; «Книжные тексты vs. дисплейные тексты. Сетевое общение: новые формы и возможности. Ответы лингвистики на вызовы техногенной эпохи»; «Контрастивная лингвистика и лингводидактика: теория и практические решения. Язык в условиях би- и полилингвизма: описание, методика, тестирование»; «Онтология и методология языкознания: от презумпций о сущности Языка к новым парадигмам; Язык в координатах психолингвистики, корпусной лингвистики, политической медиалингвистики, теории перевода, дискуртологии.

На заключительном пленарном заседании были подведены итоги работы секций, отмечен интегративный характер представленных докладов, отражавших актуальные проблемы современной лингвистики и лингводидактики; перспективность научных исследований, их научная и практическая значимость. Также прозвучало выступление одного из основных организаторов форума — доктора PhD, заведующей кафедрой иностранной филологии и переводческого дела Казахского национального университета имени аль-Фараби, Генерального секре-

таря КАЗПРЯЛ *Малики Муратовны Аймагамбетовой* (Алматы, Республика Казахстан), которая рассказала о дальнейших перспективах деятельности КАЗПРЯЛ.

Отмечая высокую научный уровень конференции, участники в чатах и сообщениях выражали благодарность всем организаторам, поздравляли юбиляра и единодушно завершили классическим *Vivat Academia! Vivant professores!*

Список литературы

1. Жизнь языка и язык в жизни. Festschrift in honor of professor E.D. Suleimenova: сб. статей / под общ. ред. Н.Ж. Шаймерденовой. Алматы, 2005.
2. Диалог языков и культур: материалы Межд. научной конф. КазНУ им. аль-Фараби. Алматы, 2005.
3. Лингвистическое наследие и тренды нового времени: язык, литература, культура. Материалы межд. научного форума, посвященного 70-летию со дня рождения и 45-летию научно-педагогической деятельности профессора Э.Д. Сулейменовой. Алматы, 2015.
4. Тренды в филологической науке: школа профессора Э.Д. Сулейменовой: сб. статей / сост.: О.Б. Алтынбекова, Н.Ж. Жаркынбекова, Б.К. Мурзалина. Алматы, 2015.
5. Өнегелі өмір. Элеонора Сулейменова / под ред. Г.М. Мутанова. Алматы, 2015.
6. Горизонты современной лингвистики: тренды и научный диалог: материалы международной научной конференции, посвященной 50-летию педагогической деятельности профессора Э.Д. Сулейменовой / отв. ред. М.М. Аймагамбетова, О.Б. Алтынбекова. Алматы, 2020.
7. Сулейменова Элеонора Дюсеновна: библиографический указатель / отв. ред. Н.Ж. Шаймерденова. Составители: Л.М. Шайкенова, М.М. Аймагамбетова, Г.И. Искакова. Алматы, 2020.
8. Словарь социолингвистических терминов / Н. Шаймерденова, Ж. Смагулова, Д. Аканова / отв. ред. Э.Д. Сулейменова, А.М. Алдашева. На казахском и русском языках. 2-е изд., перераб. Алматы, 2020.
9. Этнополитический словарь. Термины и понятия казахстанской политики и практики в сфере общественного согласия и межэтнической толерантности / Н. Шаймерденова, А. Садуакасова и др.; отв. ред. Ж.К. Туймебаев. Нур-Султан, 2020.
10. Языки народов Казахстана. Социолингвистический справочник / Н.Ж. Шаймерденова, Д.Х. Аханова / отв. ред. Э.Д. Сулейменова. Алматы, 2007; Алматы, 2008.
11. *Сулейменова Э.Д.* Очерки о лингвистах. Алматы, 2020.
12. Учитель и ученики: горизонты исследований и радость общения / отв. ред. Н. Шаймерденова, М. Аймагамбетова, Т. Пшенина, М. Акберди, Д. Карагойшиева. Алматы, 2020.

References

1. Shaimerdenova, N.Zh. (Ed.). 2005. Zhizn' jazyka i jazyk v zhizni. Festschrift in honor of professor E.D. Suleimenova. Collection of abstracts. Almaty. Print. (In Russ.)
2. Dialog jazykov i kul'tur. 2005. Al-Farabi University International Scientific Conference Proceedings. Almaty. Print. (In Russ.)
3. Lingvisticshoesnasledie i trendy novogo vremeni: jazyk, literatura, kul'tura. 2015. International Scientific Forum Proceedings: to the Anniversary of E.D. Suleimenova. Almaty. Print. (In Russ.)
4. Trendy v filologicheskoy nauke: shkola professora Je.D. Sulejmenovoj. 2015. Collection of abstracts. Eds. O.B. Altynbekova, N.Zh. Zharkynbekova, B.K. Murzalina. Almaty. Print. (In Russ.)
5. Өnegeleli emir. Jeleonora Sulejmenova. 2015. Ed. by G.M. Mutanov. Almaty. Print. (In Kaz.)
6. Gorizonty sovremennoj lingvistiki: trendy i nauchnyj dialog. 2020. Eds. M.M. Ajmagambetova, O.B. Altynbekova. Al-Farabi University International Scientific Conference Proceedings. Almaty. Print. (In Russ.)

7. Sulejmenova Jeleonora Djusenovna: biobibliograficheskij ukazatel'. 2020. Ed.by N.Zh. Shajmerdenova. Co-editors: L.M. Shajkenova, M.M. Ajmagambetova, G.I. Iskakova. Almaty. Print. (In Rus.)
8. Shaimerdenova, N.Zh., Zh. Smagulova, and D. Akanova. 2020. Slovar' sociolingvisticeskikh terminov. Almaty. Print. (In Russ., in Kaz.)
9. Shaimerdenova, N.Zh. et al. 2020. Jetnopoliticheskij slovar'. Terminy i ponjatija kazahstanskoj politiki i praktiki v sfere obshhestvennogo soglasija i mezhjetnicheskoj. Nur-Sultan. Print. (In Rus.)
10. Jazyki narodov Kazahstana. Sociolingvisticeskij spravochnik. 2008. Ed.by E.D. Suleimenova. Almaty. Print. (In Russ.)
11. Sulejmenova, E.D. 2020. Oчерki o lingvistah. Almaty. Print. (In Russ.)
12. Uchitel' i ucheniki: gorizonty issledovanij i radost' obshhenija. 2020. Eds. N. Shajmerdenova, M. Ajmagambetova, T. Pshenina, M. Akberdi, D. Karagojshieva. Almaty. Print. (In Russ.)

Сведения об авторах:

Шаймерденова Нурсулу Жамалбековна — доктор филологических наук, профессор Казахского национального университета имени аль-Фараби. E-mail:shaimerdenova.altair@gmail.com

Аманжолова Джемма Болатовна — кандидат филологических наук, доцент Казахского национального университета имени аль-Фараби. E-mail:jemma.aman@gmail.com

Bio Notes:

Nursulu Zh. Shaimerdenova is a Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian Philology and World Languages at Al-Farabi Kazakh National University. E-mail:shaimerdenova.altair@gmail.com

Jemma B. Amanzholova is a Candidate of Philological Sciences, Department of Russian Philology and World Languages at Al-Farabi Kazakh National University. E-mail: jemma.aman@gmail.com

DOI 10.22363/2618-897X-2021-18-1-103-117

Рецензия

«Код слова» О.О. Сулейменова в электронно-рукописном и полиграфически изданном вариантах

М. Джусупов

Узбекский государственный университет мировых языков
Узбекистан, Ташкент, 100138, ул. Кичик халка йули, Г9а, дом 21А

Аннотация. В рецензии осуществлен сравнительный анализ электронной рукописи и полиграфически изданной книги О.О. Сулейменова «Код слова. Введение в Универсальный этимологический словарь “1001 слово”». Рассмотрены сходства и различия в семантико-стилистических выдвиганиях заглавий и параграфов в электронно-рукописном и полиграфически изданном оригинале. Выявлены и проанализированы структурные и качественные различия в содержании новых вариантов заглавий книги, особенности смыслового выдвигания в них, вбирающих в себя краткое отражение содержания соответствующего раздела исследования. Осуществлен анализ и тезисное описание новых параграфов, которые были введены автором после работы над электронной рукописью книги. Главным концептуальным подходом О.О. Сулейменова к изысканию древнего первоисточника слова (этимона) и письма как в рукописи, так и в оригинале книги является рассмотрение в единстве, в тесной взаимосвязи основных пяти аспектов научной проблемы: образное изображение (рисунок, иероглиф), понятие, слово, значение, произношение языковой единицы в языках, наречиях, диалектах, говорах в древности и в настоящее время, их смысловые и звуковые сходства и различия в разных регионах земли. Эволюция формулировок заглавий и семантико-стилистического выдвигания в них существенная, что связано или с незначительным лексическим изменением формулировки названия параграфа, или с введением другого (обновленного) заглавия, или с введением в структуру книги нового параграфа. Эти нововведения автора способствовали совершенствованию структурной и логико-содержательной значимости книги.

Ключевые слова: код слова, универсальный этимологический словарь, структура, заглавие, выдвигание, иероглиф, этимон, сравнительный, рукопись, оригинал

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 27.08.2020

Дата принятия к печати: 29.12.2020

Модератор: У.М. Бахтикиреева

Конфликт интересов: отсутствует

© Джусупов М., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Для цитирования:

Джусупов М. «Код слова» О.О. Сулейменова в электронно-рукописном и полиграфически изданном вариантах // Полилингвильность и транскультурные практики. 2021. Т. 18. № 1. С. 103—117. DOI 10.22363/2618-897X-2021-18-1-103-117

Review

“Word Code” by O.O. Suleimenov in Electronic-handwritten and Printed Versions

M. Dzhusupov

Uzbek State University of World Languages
21-a, G-9A block, Kichik Halka Str., Tashkent, 100138, Uzbekistan

Abstract. The article provides a comparative analysis of an electronic manuscript and a printed book by O.O. Suleimenov “Word code. Introduction to the Universal Etymological Dictionary ‘1001 Words’”. The similarities and differences in semantic and stylistic nominations of titles and paragraphs in the manuscript and in the printed original are considered. Structural and qualitative differences in the content of the new titles of the book, the peculiarities of the semantic advancement in them, which include a brief reflection of the content of the corresponding section of the study, are revealed and analyzed. The analysis and thesis description of new paragraphs, which were introduced by the author after working on the electronic manuscript of the book, are carried out. The main conceptual approach of O.O. Suleimenov to the search for the ancient primary source of the word (etymon) and writing both in the manuscript and in the original of the book, is to consider in unity, in close interconnection, the main five aspects of a scientific problem: figurative image (drawing, hieroglyph), concept, word, meaning, pronunciation linguistic unit in languages, adverbs, dialects, dialects in antiquity and now, their semantic and sound similarities and differences in different regions of the earth. The evolution of the wording of the titles and the semantic and stylistic advancement in them is significant, which is associated either with a slight lexical change in the wording of the title of the paragraph, or with the introduction of a different (updated) title, or with the introduction of a new paragraph into the structure of the book. These innovations of the author contributed to the improvement of the structural and logical-content significance of the book.

Key words: word code, universal etymological dictionary, structure, title, nomination, hieroglyph, etymon, comparative, manuscript, original

Article history:

Received: 27.08.2020

Accepted: 29.12.2020

Moderator: U.M. Bakhtikireeva

Conflict of interests: none

For citation:

Dzhusupov, M. 2021. “‘Word Code’ by O.O. Suleimenov in Electronic-handwritten and Printed Versions”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 18 (1), 103—117. DOI 10.22363/2618-897X-2021-18-1-103-117

Введение

Электронно-рукописный вариант (электронная рукопись) книги О.О. Сулейменова «Код слова. Введение в Универсальный этимологический словарь “1001 слово”» в 2013 году нам переслали по электронной почте от ЮНЕСКО через доктора филологических наук, профессора Российского университета дружбы народов (РУДН) У.М. Бахтикирееву для рецензирования. Были два коротких, но емких сопроводительных письма от организаторов, планирующих издание книги, и от профессора У.М. Бахтикиреевой с просьбой (предложением) написать научную рецензию.

Научные изыскания О.О. Сулейменова в области диахронии языка и в целом науки о языке общеизвестны. Мнения языковедов, литературоведов, историков и др. неоднозначны: одни специалисты полностью разделяют его научную концепцию и результаты исследования; другие специалисты полностью не разделяют его научную концепцию; третья группа специалистов дает нейтральную научную оценку — да, может быть так, да, может и не быть так.

Появлению полярно противоположных оценок исследований О.О. Сулейменова способствовала во многом его нетрадиционная методика ведения научных изысканий, которая и по своим приемам, и по процедуре ведения научного исследования и описания его результатов в научном плане нестандартна, неожиданна, непривычна, с поддержкой, и в то же время с отрицанием, ломкой известных в лингвистике, и в целом в филологии устоявшихся воззрений и процедур анализа диахронического материала языка в целом, и древнего первоисточника слова (этимона), в частности.

Нестандартный индивидуально-авторский научный анализ исторического языкового материала у О.О. Сулейменова наблюдается во всех его книгах, посвященных исследованию истории языка с позиции лингво-поэтико-историко-философского подхода [1–5].

Книга «Код слова. Введение в Универсальный этимологический словарь “1001 слово”» опубликована дважды (в 2013 и в 2014 г. в двух разных издательствах г. Алматы). Мы написали рецензию (1,5 п.л.) на электронную рукопись и отправили по указанному в письме электронному адресу. Рецензию на нее в это же время написали С.Ю. Преображенский (РУДН), Е.С. Ошепкина (РУДН).

В процессе чтения полиграфически изданной книги (изданный вариант) мы увидели существенные корректировки в ней, касающиеся как ее композиции, так и содержательной стороны. Эти корректировки не повлияли на суть книги. Сохранилось то же содержание, которое было в электронной рукописи, но с определенными структурными и содержательными уточнениями, преобразованиями.

Ниже мы остановимся на этих структурных и содержательных эволюциях, присутствующих в изданном варианте работы.

Сравнительный анализ будет проведен на основе текста электронной рукописи и текста издания, осуществленного в 2014 году в Издательском доме «Библиотека Олжаса» под заглавием «Код слова. Введение в Универсальный этимологический словарь “1001 слово”» (Алматы, 2014, 148 с.).

Обсуждение

Рукопись и оригинал: эволюция структуры и смысловых выдвигений в заглавиях

Формат электронной рукописи и изданной книги разный:

1) электронная: объем 60 страниц, на одном листе стандартной бумаги А4 расположены четыре страницы текста;

2) изданная книга: объем 148 страниц; на одном листе стандартной бумаги А4 расположено восемь страниц. Формат книги малый — 70×90 1/32, 5,3 усл. печ. л. Таким образом, объем книги в изданном варианте увеличился незначительно: разница в несколько страниц.

По изданной книге были проведены научные обсуждения в докладах на конференциях и в опубликованных статьях, например, в ноябре 2017 года в работе выездной международной научно-практической конференции в Карловых Варах (Чехия). Материалы конференции были опубликованы с дискуссионными вкраплениями в Вестнике РУДН «Вопросы образования: языки и специальность» [6. С. 128—165], а также в статьях С.Б. Преображенского [7], М. Джусупова [8; 9], в журналах «Полилингвильность и транскультурные практики» и «Филологические науки. НДВШ».

Электронный вариант книги назывался «Несколько слов из 1001. Введение в Универсальный этимологический словарь “1001 слово”».

В изданной книге произошла заметная интерпретация формулировки ее названия.

Из электронной снято основное заглавие «Несколько слов из 1001» так как, во-первых, слово «несколько» снижает книжность формулировки; во-вторых, «Несколько слов из 1001» порождает двусмысленность: из какого 1001? 1001 может встречаться в разных источниках: в художественной литературе, в математике и т.д.; в-третьих, семантико-стилистическое выдвигение в этом названии не обобщающее-конкретное, в нем просматривается некоторая расплывчатость (о теории выдвигения см. [11; 12]); в-четвертых, наблюдается неоправданная тавтология выражения «1001 слово» в основном названии («Несколько слов из 1001») и в поясняющем (уточняющем, дополняющем, вспомогательном) названии «Введение в Универсальный этимологический словарь “1001 слово”»; в-пятых, в основном названии электронного варианта 1001 не взято в кавычки языковая единица «слово» стоит до 1001, а в поясняющем названии выражение «1001 слово» взято в кавычки, а языковая единица слово расположена в позиции финала (после 1001).

Итак, автор произвел серьезные изменения в формулировке названия книги, которые в целом способствовали совершенствованию научного оформления ее заглавия, демонстрированию обобщенного и в то же время конкретизированного семантико-стилистического выдвигения общего содержания работы, которая в изданном варианте опубликована с формулировкой заглавия — «Код слова. Введение в Универсальный этимологический словарь “1001 слово”».

Вместо основного названия книги в электронном варианте («Несколько слов из 1001»), в изданном варианте взято емкое выражение (формулировка) «Код

слова». В этом основном заглавии книги заложено серьезное семантико-стилистическое выдвигание: суть содержания книги выпукло просматривается, формулировка краткая, современизированная, в научном плане «броская», т.е. привлекающая внимание читателя; книжность основного заглавия стала высокой, локализация научной темы — точная, выражающая объект и предмет исследования: нейтрализовалась некоторая расплывчатость в содержании семантико-стилистического выдвигания, имеющего место в формулировке основного заглавия («Несколько слов...») в электронной рукописи.

С изменением основного заглавия книги снята тавтология, которая была в прежнем основном и уточняющем заглавии книги (1001 слово). Это выражение теперь присутствует в поясняющем названии книги. Оно взято в кавычки, что способствовало нейтрализации пунктуационной разнооформленности, имевшей место в электронном варианте.

Поясняющее заглавие книги как в электронном, так и в изданном вариантах книги дано без скобок и не после двоеточия, но после большого полиграфического интервала, следующего за основным заглавием («Код слова»). В поясняющем заглавии слово «универсальный», не начинающее высказывание в обоих случаях написано с прописной буквы («Введение в Универсальный...»). Автор использует прием графического выдвигания с целью обратить внимание читателя на то, что основной идеей, основной целью является создание не просто этимологического словаря, а универсального этимологического словаря, приемлемого для использования носителями многих языков, так как в этом словаре будут представлены этимоны (древние первоисточники) слов человеческого языка, которые, по мнению О.О. Сулейменова, в своем первоизданном виде в одинаковой степени принадлежат всему человечеству, независимо от современных различий в языке, культуре и т.д., так как все национальные языки и культуры в своем древнем первоэлементе, из которого эти языки и культуры выросли, развились и дифференцировались на разных этапах «...великих перемещений человека по Земле» [5. С. 3], едины.

В электронном варианте часть книги «От автора» была объемом в одну страницу и располагалась в конце книги, на странице 58. В изданном варианте эта часть расположена в начале книги на страницах 3—8, а конец ее завершается кратким указанием сведений об авторе: «О. Сулейменов — Посол, Постоянный представитель Казахстана в ЮНЕСКО». Затем представлены данные о его книгах, посвященных исследованию слова, письма с древних времен, опубликованных до выхода настоящей книги — «Код слова. Введение в Универсальный этимологический словарь “1001 слово”»: 1) «Аз и Я»; 2) «Язык письма»; 3) «Тюрки в истории»; 4) «Пересекающиеся параллели».

Содержание части «От автора» серьезно изменилось дополнениями, уточнениями, абстрактно-конкретными суждениями о научных конференциях ЮНЕСКО, посвященных обогащению знаний человека о своей истории, начиная с момента возникновения вида *Homo Sapiens* 100—150 тысяч лет назад в экваториальной зоне Восточной Африки [5. С. 3]. В него внесены научные детали, которых не было в электронном варианте. Авторская речь стала волнообразной — от абстрактно-авторской до личностно-авторской и наоборот. В изданном варианте в

эту часть книги О. Сулейменов на стр. 5 вводит свое одно из основных концептуальных суждений о языке в целом, о слове в частности и зарождении письма — о взаимосвязи графики и названия, то, что дальше в книге рассматривается как графическое художественное изображение (иероглиф), понятие, слово, значение, произношение. Тем самым автор уже в начале изданной книги вводит читателя в область связи названия образного письменного знака с его формой и значением. Теперь содержание этой части книги дает стартовое представление о содержании всей книги, о том, что главное в ее сути, что и как в ней будет исследоваться.

В электронном варианте книги ее часть «От автора» завершалась высокой и глубокой поэтико-научной строфой:

Мы уходим на поиски
древних знаков.
Повстречаем их
на дорогах разных...

(Электронная рукопись, с. 59).

В изданном варианте эти строки из этой части книги сняты и переведены в параграф (§1) с графическим выдвиганием в качестве названия заголовка [5. С. 9]. В электронном варианте эта часть книги была озаглавлена словами: «Повстречаем их на дорогах разных...», т.е. в качестве заглавия была взята вторая часть поэтической строфы.

Новое научно-поэтическое заглавие («Мы уходим на поиски древних знаков. Повстречаем их на дорогах разных») в изданной книге отражает содержание изысканий автора, замысел книги — поиск, нахождение, сравнение, описание первоисточника (этимона) слова через призму анализа древних знаков (иероглиф, понятие, слово, значение, произношение), которые исследователь может встретить в разных частях земного шара, т.е. «на дорогах разных».

Таким образом, часть электронного варианта с названием «От автора» в изданном варианте подверглась изменениям, которые способствовали усилению ее содержания, обоснованию, демонстрации авторской научной позиции в подходе к пониманию научной проблемы, методики исследования кода слова в целях поиска и нахождения древнего первоисточника слова — этимона через призму пяти аспектов: графического изображения, понятия, слова, значения, произношения.

На страницах 15—16 электронной рукописи следующая часть была озаглавлена в «Вол на рогах», в изданном варианте — «Бустрофедонные буквы» [5. С. 42]. Заглавие этой части книги приобрело большую научную значимость, с иным, новым, лингвографическим семантико-стилистическим выдвиганием.

Касаясь содержания этой части книги, С.Ю. Преображенский пишет, что «... парадоксальным образом для О. Сулейменова важнее пучки связей. Отдельные острые соображения, такие как влияние бустрофедона на центральную симметрию древнегреческих графем не кажутся автору достойными долгого нудного рассуждения (профессионал пожалел бы об этом). Но щедрый на догадки О. Сулейменов движется дальше в поисках связей, а детали оставляет на усмотрение читателя» [7. С. 408]. Далее С.Ю. Преображенский пишет, что в научную фило-

логию «...могут экстраполироваться некоторые конкретные соображения, открытия, догадки (например, про бустрофедон и греческую графику, про пространственную ориентированность изображения луны, превращающейся то в лук, то в бычьи рога)» [7. С. 408].

Таким образом, изменение заглавия части книги с новонаправленным высоким семантико-стилистическим смысловым выдвиганием (Бустрофедонные буквы) напрямую научно-логически связало заглавие и содержание текста в отличие от его заглавия («Бык на рогах») в электронной рукописи.

Содержание текста, иллюстративный материал, методика анализа и концептуальность научной позиции автора не изменились, но изменения в семантико-стилистическом выдвигании заглавия параграфа, на наш взгляд, придали тексту новонаправленную научную ориентацию как для автора, так и для читателя.

После этой части электронной рукописи начиналась часть под заглавием «Новеллы (Альфа-иероглиф)» (с. 17). В изданную книгу автор вводит параграф под заглавием «Пятерка!» с восклицательным знаком.

В этой новой части изданной книги О. Сулейменов говорит о дифференциации подходов к этимологии слова как произошедших от названия иероглифа, буквы, и предлагает свой вариант происхождения слова «пять», делая экскурс, как обычно, в историю, сравнивая произношение и написание на латыни, английском, немецком и др. языках. Далее он пишет, что никто из историков письма (Лаукотка, Истрин, Фридрих) не задавался вопросом: «Почему название финикийской буквы *koʔ* при заимствовании алфавита архигреками превратилось в классическом алфавите *fiʔa* с добавлением буквенной флексии *-ta* в *beta*, *delta*, *jota*, *eta*, *zeta*. Фонетическая природа превращения *k >* недоказуема» [5. С. 46]. И заключает, что «любителю» позволено. Слово «любитель» взято в кавычки. Он относит себя к любителям и в то же время не относит себя к любителям, так как слово взято в кавычки. Мы считаем умозаключение О. Сулейменова о себе как о любитель-языковеде, исследователе неприемлемо. О. Сулейменов не любитель в филологии, а профессионал с лингво-поэтико-философским воззрением на происхождение слова, языка, письма (см. [8. С. 438–440]). Далее в этой новой части изданной книги автор рассматривает происхождение таких слов как *to-prakh* — пыль, *tostakan* — чаша, посуда, *togay* — роща, лесок, которые функционировали в древнетюркском языке и функционируют в современных тюркских языках (казахском, узбекском и др.), которые войдя в славянские языки, испытывали перерождение: прах, стакан, гай — роща в древнерусском языке (в совр. украинском) [5. С. 49].

Таким образом, параграф «Пятерка!», которого не было в электронном варианте книги, усилил его изданный вариант в плане выдвигания как доказуемости научной позиции автора, так и степени демонстрации иллюстративного материала.

Формулировка «Новеллы (Альфа-иероглиф)» была представлена в электронной книге (с. 17), в изданном варианте она претерпела изменения в форме «Альфа (новеллы)». Изменения существенны как с позиции семантико-смыслового выдвигания, так и с позиции сокращения количества слов [5. С. 52].

1) на передний план выдвинуто понятие «альфа» как название письменного знака *alpha > *alpa*, от которого, по мнению О. Сулейменова, произошло название одной из горных систем в Европе (Альпийские горы);

2) слово «новеллы» взято в скобки (после «Альфа») как поясняющее название — «Альфа (новеллы)»;

3) слово «иероглиф» снято из заглавия. По всей видимости, альфа как письменный знак может быть рассмотрен и как иероглиф, т.е. знак, обозначающий не только звук, букву, и прежде всего как понятие;

4) осуществленное автором изменение (перестановка слов) в формулировке названия данной части книги глубже вводит читателя в звукобуквенный мир письма, т.е. в область письменного знака, понятия, истории письма и этимологии слова, чем тогда, когда заглавие параграфа начиналось словом «Новеллы...». Оно в той или иной степени «уводило» читателя из языкознания в литературоведение (поэтому лексема «новелла» отнесена в поясняющее заглавие).

Такое оформление заглавия текста О. Сулейменов применил и в статьях «Утро этимологии (Novella)», «Родина богов (Novella)» [12. С. 166—168; 13. С. 472—483]. При этом во всех трех заглавиях основное заглавие оформлено на кириллице, а поясняющее название — на латинице. Опять же последовательно используется метод (или прием) графического выдвигания с целью большего привлечения внимания читателя к предлагаемому ему тексту.

Часть электронной рукописи «Поклон и свобода» (с. 27—28) в изданном варианте книги представлена в другой формулировке заглавия «Мы кочуем навстречу себе, узнаваясь в других» [5. С. 71—72]. Заглавие приобрело в большей степени поэтический характер, так как изменилось семантико-стилистическое выдвигание в его содержании. Формулировка заглавия и семантически, и стилистически, и структурно красивая, привлекающая внимание читателя, но в ней, на наш взгляд, наблюдается некоторая парадоксальность: как можно двигаться навстречу себе и узнаваться в других? Видимо, можно, так как в парадоксе, в отличие от абсурда, есть определенный смысл (о парадоксе см. [14]). Это языковая игра: выход за нормы языка или ее интерпретация. В языкознании это называется девиацией (см. [15]). В творчестве О.О. Сулейменова языковая игра (и сегментная, и суперсегментная) функционирует во многих его произведениях как в их заглавиях, так и во фрагментах текстов (звуковая, лексическая, словообразовательная, морфологическая, синтаксическая, стилистическая). Все виды языковой игры, функционирующие в его произведениях (как в поэтических, так и в публицистических, в научных, научно-популярных), прежде всего выполняют смысловую функцию, работают на обогащение содержания текста с порождением новых смысловых оттенков — неожиданных, нестандартных, но контекстуально оправдываемых, контекстуально уместных, новонаправленных.

Так, в вышеприведенной формулировке названия части изданной книги «Мы кочуем навстречу себе, узнаваясь в других» мы видим языковую игру (парадокс), которая появилась на основе сулейменовского понимания человека и человечества как единого целого, независимо от этнических, языковых, религиозных, культурных и других различий, так как в своем древнем происхождении человек и его язык являются общим для всех народов мира. Именно потому что человечество едино в своем первоисточнике, мы есть в каждом другом человеке, в каждом другом народе, а в нас есть они, поэтому «Мы кочуем навстречу себе...» и каждый раз узнаем себя в других, а другие узнают себя в нас, так как у всего че-

ловечества, у каждого индивидуума в отдельности много общечеловеческого, заложенного в древнем «первоисточнике» и развивающегося по настоящее время.

Итак, такое заглавие («Мы кочуем навстречу себе, узнаваясь в других») в большей степени соответствует содержанию текста этой части книги. Содержание текста, его иллюстративный материал, последовательность анализа языкового материала не изменились. Изменилось начало текста этой части книги: в электронном варианте она начиналась словами «Постоянно говорю о вечности слова...», в изданном варианте начинается словами «Человек рано нашел способ именовать всех представителей животного мира».

На странице 39 электронной рукописи часть книги была озаглавлена «Отношение к поклону», в изданном варианте заглавие изменено и представлено в новой редакции — «Рождение поклона». Содержание текста, иллюстративный материал, ход анализа не изменились. Заглавие в окончательной редакции стало более глубоким, научным, так как речь идет об истоках человеческого поклона, т.е. о его происхождении, связанном, по мнению автора, с историей китайского письменного знака (иероглифа), который имел очертание, похожее на кланяющегося человека, сгибание, что и было перенято китайцами. «Сила письменного знака была такова, что древний китаец, встречая другого, старался телом своим написать, изобразить знак “жень” — сгибался в поясице, держа соединенные ладони перед грудью. Показывая, что он “жень”, т.е. “человек”, “свой” иным словом. Что он не господин встречаемому, но покорен ему...» [5. С. 95]. Заглавие же, представленное в электронной рукописи («Отношение к поклону»), не в полной мере отражало содержание этой части текста. Более того, до чтения текста оно порождало двусмысленность: позитивное отношение к поклону или негативное отношение к поклону? В изданной книге осуществленная редакция заглавия изменила семантико-стилистическое и в целом смысловое выдвигание: теперь речь идет не об отношении к поклону, а о рождении поклона, понятия, возникновения поклона.

Возникает вопрос: а не было ли наоборот: иероглиф был создан как изображение человеческого поклона, т.е. китайцы кланялись друг другу до появления этого иероглифа как письменного знака в древнем Китае? Например, корейское письмо звукобуквенное, «стихийно-научно изобретено в 1444 году. В 1446 году введено в качестве государственного письма. Это так называемая символично-артикуляционная концепция... согласно которой исходные буквы для согласных как бы символизируют положение органов речи (губная □ — образ рта, гортанное ○ — образ горла и т.д.), а буквы для гласных — формы трех первоначал мироздания — Неба (круглая ●), Земли (плоская, горизонтальная —) и Человека (вертикальная |)» [16. С. 241].

Таким образом, возможно, что китайский иероглиф, похожий на поклон человека, возник как изображение уже существовавшего в древности и ставшего неизменной традицией китайского человеческого поклона.

В электронной рукописи книги на стр. 40 была часть «Тюркское прочтение». В изданном варианте заглавие представлено в более полной и конкретной форме — «Тюркское прочтение китайского знака “Человек”» [5. С. 97–98]. В прежнем заглавии была двусмысленность: тюркское прочтение чего: слова, книги, или

текста другого жанра; почему тюркское прочтение? В заглавии, представленном в изданной книге, такая двусмысленность, недоговоренность отсутствует. На передний план выдвинуто семантико-стилистическое и в целом смысловое выдвижение китайского знака «человек» и его прочтение (понятийное и зрительное восприятие и звуковое оформление тюркским языко-речевым мышлением). Появился конкретный предмет, его восприятие (прочтение), его китайское происхождение и его орфоэпическое выражение (гипотетическое) древними тюрками, и его вхождение в древнерусский язык.

В изданной книге значительному изменению подверглось заглавие части электронной рукописи «Уважение» (с. 40). В изданном варианте заглавие приобрело более содержательный характер и представлено в форме вопроса: «Как еще выразить уважение, почитание?» [5. С. 99]. В этой формулировке данное заглавие в содержательно-смысловом плане стало более глубинным, более выразительно-образным. Наряду со словом «уважение» использовано и слово «почитание», которое означает почтение, глубокое уважение. Слово «почитание» имеет особый смысл: уважают многих, а почитают избранных (не только по высокому чину, но и по большим благородным делам).

В этой редакции заглавие («Как еще выразить уважение, почитание?») словосочетание «Как еще выразить...» несет в себе значение уважения, почитания: это предел уважения, почитания, по-другому, сильнее, выше и глубже их выразить нельзя. Вопросительный знак в конце заглавия также является усилителем смысла, заложенного в нем: неужели можно еще сильнее выразить уважение и почитание? Напрашивается один ответ: нельзя, невозможно по-другому, более уважительно и более почитательно выразить свое уважение и почитание.

Итак, изменение формулировки заглавия данной части книги («Как еще выразить уважение, почитание?»), как и в ее других частях, семантически, стилистически и в целом по содержательности выдвигает на передний план текста его внутреннее содержание, в отличие от формулировки заглавия, представленной в электронном варианте («Уважение»).

На странице 41 электронной рукописи ее следующая часть озаглавлена «Святитель и нищий (Шумерская стрела в полете до сих пор)». В изданной книге это заглавие подверглось существенной редакции: «Шумерская стрела в полете до сих пор (о великих и униженных)». То, что было в поясняющем заглавии, выдвинуто в качестве основного заглавия («Шумерская стрела в полете до сих пор»). То, что было в основном заглавии («Святитель и нищий»), снято и заменено словами «о великих и униженных», которые представлены в полиграфически изданной книге в качестве поясняющего заглавия. Автор произвел серьезную научную корректировку. Семантико-стилистическое и в целом смысловое выдвижение на передний план представило понятие шумеров, шумерской стрелы, которая, как утверждает автор, «на излете... попала в буквенные алфавиты -ti (коптское письмо III в. н.э.). -t (готск. IV в. н.э.)» [5. С. 101]. Теперь заглавие этой части не начинается антонимическими словами «святитель» и «нищий», которые в основном заглавии электронной рукописи в смысловом плане доминировали и в большей степени несли в себе несколько сниженный семантико-стилистический оттенок.

Поясняющее заглавие в изданной книге («о великих и нищих») также имеет в себе антонимическое значение, противопоставление, но уже речь идет не о нищих, не о святителе, а о великих и униженных. Униженный и нищий: оба слова в своем значении имеют негативную коннотацию. Но нищий тот, кто ничего не имеет, материально не способный себя прокормить, если не будет попрошайничать, не будет просить милостыню у других, демонстрируя свое нищенство. Униженный же может быть и бедным, а может быть и богатым, необязательно, чтобы он был нищим. Нищий — и униженный, и нищий. Униженный — униженный, но может не быть нищим, поэтому великий и униженный могут быть в материальном плане и равнозначными. Шумерская стрела в полете одинаково настигла как великого, так и униженного, так как она (стрела) в основном заглавии части текста.

Настоящее заглавие, так же как заглавия многих других частей книги, несет в себе синтез образно-поэтических и научно-публицистических стиливых черт.

В электронном варианте следующая часть книги называлась «Срединные и окраинные» (с. 48–51). В изданном варианте это заглавие изменилось и представлено в виде «Срединные и окраинные — хетты и хатты». В обновленной редакции формулировка заглавия приобрела полноструктурный и полносодержательный характер. Она дополнилась лексемами «хетты» и «хатты», которые раскрывают содержание выражения «срединные и окраинные», указывая на то, что срединные — это *henti* (наш народ, мы), а окраинные — это *hanti* «чужой народ, чужие, окружающие нас» [5. С. 115]. Теперь заглавие в полной мере соответствует содержанию текста, научной проблеме, которая в нем рассматривается.

В электронно-рукописном варианте книги заглавие («Срединные и окраинные») порождало двусмысленность: что или кто срединные; Что или кто окраинные?

Заглавие в изданной книге не порождает двусмысленность, так как смысл, заложенный в «срединные и окраинные», раскрывается в поясняющем заглавии — «хетты и хатты». Эта формулировка заглавия в большей степени характеризуется собственно-научным функционально-стилевым маркированием.

Изданный вариант книги автор дополнил частью «Код слова (краткий курс)» [5. С. 135–145]. Она состоит из девяти кратких частей, которых не было в электронном варианте. В ней изложены пять правил анализа языкового материала с целью выявления первоисточника (этимона) слова, они построены на отрицании отрицания. О.О. Сулейменов пишет, что «...код слова — это свод основных правил, по которым творились целые слова, и эти правила закреплялись последующей практикой по мере развития языка. Правила словотворения действовали и активно использовались, пока жрецы толковали священные знаки своих общин. Эти знаки служили гербами-оберегами, от которых зависела судьба рода-племени, их сохраняли долго. Содержания их толковались, если первые значения были утрачены» [5. С. 135]. Итак, в этой части книги автор, как и в других ее частях, развивает свою главную теоретическую позицию: первоисточник слова связан с местонахождением и анализом пяти его аспектов: художественного изображения (знак, иероглиф), понятия, слова, значения, произношения.

Введение в изданную книгу этой новой части «Код слова (краткий курс)» в научно-информативном и научно-поисковом планах обогатило содержание научного исследования. Язык и стиль этой части изданной книги такой же, как и язык и стиль предыдущих ее частей: сочетание образно-художественного с научным, с научно-популярным, с выходом (девиацией) от стандартных языко-речевых моделей, норм собственно-научного подстиля.

В.В. Иванов пишет, что «древнее письмо Передней Азии многими чертами совпадает не только с похожими типами письма на востоке (Китай), но и с особенностями иероглифов майя. Объясняется ли сходство отдаленных друг от друга систем распространением из одного центра? Будущее покажет» [17. С. 4]. О.О. Сулейменов ведет свои изыскания, начиная от «Аз и Я...» до сегодняшнего «Кода слова...» с одной большой целью, чтобы приблизить, а в некоторых вопросах и продемонстрировать их решение уже как настоящее из этого «Будущее покажет». Поэтому О.О. Сулейменов говорит, что «Поэзия науки должна когда-нибудь объединить мир Человека Разумного» [5. С. 145], потому что, согласно значению итальянской поговорки “*Tutto il mondo e' paesa!*” — «Весь мир — одна деревня», или одна страна [5. С. 145].

В электронном варианте книги Оглавление как структурная единица не было отдельно представлено. В изданном варианте книги Оглавление выделено в самостоятельную структурную единицу и состоит из 49 позиций, а с самим Оглавлением структурная композиция книги составляет 50 позиций, т.е. 50 заглавий ее частей [5. С. 146—147].

Логическая связь частей изданной книги последовательная, понятная, доступная. Содержание каждой последующей части исходит из содержания предыдущей части и развивает общую научную проблему в соответствующих понятиях, терминах, с достаточным иллюстративным языковым материалом, в деталях, нюансах. В изданном варианте книги О.О. Сулейменов неоднократно ссылается на содержание Этимологического словаря русского языка М. Фасмера [18], а также обращается к работе В.А. Истрина [19], выражая в чем-то свою научную солидарность с их воззрениями на исследуемую проблему в одних вопросах и не соглашаясь в других вопросах. В книге анализ и описание результатов научных изысканий нередко носит не собственно научный характер, поэтому некоторые вопросы связи слов в разных древних и современных языках с фонологических, лексико-семантических и других позиций выпукло не просматриваются, что фрагментарно наблюдалось и в других (предыдущих) его исследованиях (см. [20. С. 410—421]). Однако это не снижает высокой филолого-поэтико-историко-философской значимости работы О.О. Сулейменова и его книги «Код слова. Введение в Универсальный этимологический словарь “1001 слово”».

Заключение

История возникновения слова, человеческого языка, их взаимосвязь и взаимовлияние и распространение по миру как глобальная научная проблема в открытиях и в загадках занимает умы и силы многих ученых (В.В. Иванов, С.Я. Лурье, Й. Кнудсон, Б. Грозный, В.К. Шилейко и др.)

В эту плеяду ученых входит и О.О. Сулейменов — поэт, философ, дипломат, общественный деятель, филолог, исследователь-языковед.

Книга «Код слова. Введение в Универсальный этимологический словарь “1001 слово”» является его очередной работой, посвященной исследованию этой глобальной области филологической науки.

Осуществленный сравнительный анализ строения и содержания заглавий электронно-рукописного и изданного вариантов книги показал, что динамика лингво-поэтико-историко-философского подхода исследователя к поиску этимона слова во взаимосвязи с графикой, понятием, словом, значением и произношением в пространстве времени и в пространстве страниц книги развивалась и совершенствовалась. Эти пять понятий, выдвинутые О.О. Сулейменовым как ключевые аспекты научно-исследовательской проблемы лежат в основе его научных изысканий, его теоретических воззрений.

Динамика процесса совершенствования электронно-рукописного варианта ввела в изданный вариант книги существенные эволюционные корректировки, изменения.

1. В изданную книгу включены новые тематические части, содержание которых обогатило ее как в структурном плане, так и в научно-содержательном плане.

2. Определенная часть заглавий частей книги подверглась редакционной правке, что существенно изменило внутреннее содержание заглавий, которые в большей степени стали собственно-научными по языко-речевому оформлению. Изменения в формулировках заглавий привели к изменениям в содержании семантико-стилевого, графического и других видов выдвижения, что стало характеризовать заглавия как коротко, так и емко вбирающих в себя содержание ниже расположенного научного текста. В связи с изменением формулировок заглавий семантические, стилистические и в целом смысловые выдвижения в заглавиях обогатились. В изданной книге чаще стал использоваться метод графического выдвижения языковой единицы с целью большего привлечения внимания читателя к идее, мысли, предназначаемой ему автором исследования.

3. Язык и стиль изданной книги в той или иной степени изменились в сторону соблюдения особенностей научного стиля. Но поэтико-образное мышление, поэтико-образные психообразы, понятия, сформированные в сознании автора, нередко присутствуют и в изданном варианте книги.

Это, прежде всего, девиации в научном тексте, выходы за нормы научно-стилевых моделей, стереотипов, введение в текст разговорных, художественно-образных языко-речевых моделей в сочетании со стиливыми особенностями собственно-научного, научно-популярного подстилей. Такой научно-художественный стиль, на наш взгляд, можно маркировать выражением самого О.О. Сулейменова — «поэзия науки».

Список литературы

1. Сулейменов О.О. *Аз и Я*. Алма-Ата: Жазушы, 1975.
2. Сулейменов О.О. *Язык письма: Взгляд в доисторию — о происхождении письменности и языка малого человечества*. Алматы; Рим, 1998.
3. Сулейменов О.О. *Тюрки в доистории*. Алматы, 2002.

4. Сулейменов О.О. Пересекающиеся параллели. Рим; Алматы, 2004.
5. Сулейменов О.О. Код слова. Введение в Универсальный этимологический словарь «1001 слово». Алматы: Библиотека Олжаса, 2014.
6. Сулейменов О.О., Бахтикиреева У.М., Джусупов М., и др. Код слова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2018. Т. 15. № 1. С. 128—165. doi: 10.22363/2312-8011-2018-15-1-128-165
7. Преображенский С.Ю. О «воображаемой филологии» О.О. Сулейменова // Полилингвильность и транскультурные практики. 2018. Т. 15. № 3. С. 406—409.
8. Джусупов М. «Язык письма» или «Письмо — язык в графике» (одинаковое в разном и разное в одинаковом) // Полилингвильность и транскультурные практики. 2018. Т. 15. № 3. С. 422—444.
9. Джусупов М. Этимологический словарь русского языка — достояние русской и мировой лингвистики // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2019. № 3. С. 68—77.
10. Джусупов Н.М. Активные стилистически релевантные процессы как результат выдвижения языковых девиаций (на материале английского и русского языков) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2016. № 11. С. 19—27.
11. Джусупов Н.М. Теория выдвижения в лингвистических исследованиях: истоки, тенденции, вопросы интерпретации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2016. № 2. С. 41—50.
12. Сулейменов О.О. Утро этимологии (Novello) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2018. Т. 15. № 1. С. 166—168.
13. Сулейменов О.О. Родина богов (Novello) // Полилингвильность и транскультурные практики. 2018. Т. 1. № 3. С. 472—481.
14. Узбеков Т.С. Языковая игра: парадокс и абсурд // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2017. Т. 8. № 3. С. 735—745.
15. Джусупов Н.М. Языковая девиация как лингвокреативный процесс в художественном тексте (монолингвильный и транслингвильный аспекты) // Би-, поли-, транслингвизм и языковое образование. Посвящается нашим Учителям: материалы IV Международной научно-практической конференции под эгидой МАПРЯЛ. Москва, РУДН. 7—8 декабря 2018 г. М.: РУДН, 2018. С. 39—43.
16. Канцевич Л.Р. Корейское письмо // Большой энциклопедический словарь. Языкознание. М.: Большая Российская энциклопедия, 2000.
17. Иванов В.В. От буквы и слога к иероглифу: системы письма в пространстве и времени. М.: ЯСК: Языки славянской культуры, 2016.
18. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 томах Т. 4-е изд. стереотипное / пер. с нем. и доп. акад. О.Н. Трубачева. М.: Астрель; Аст, 2007.
19. Истрин В.А. Возникновение и развитие письма. М.: Наука, 1965.
20. Красина Е.А. Невидимые тюркизмы в книге Олжаса Сулейменова «Аз и Я» (филологический этюд) // Полилингвильность и транскультурные практики. 2018. Т. 15. № 3. С. 410—421.

References

1. Sulejmenov, O.O. 1975. Az i Ja. Alma-Ata: Zhazushy, 1975. Print. (In Russ.)
2. Sulejmenov, O.O. 1998. Jazyk pis'ma. Vzglyad v doistoriju — o proishozhdenii pis'mennosti i jazyka malogo chelovechestva. Almaty — Rim. Print. (In Russ.)
3. Sulejmenov, O.O. 2002. Tjurki v doistorii. Almaty. Print. (In Russ.)
4. Sulejmenov, O.O. 2004. Peresekajushhieja paralleli. Rim — Almaty. Print. (In Russ.)
5. Sulejmenov, O.O. 2014. Kod slova. Vvedenie v Universal'nyjetimologicheskij slovar' «1001 slovo». Almaty: Izd-ij dom «Biblioteka Olzhasa». Print. (In Russ.)

6. Sulejmenov, O.O., et al. 2018. «Word code». RUDN Journal of Language Education and Translingual Practices 15 (1): 128-165. Web. doi: 10.22363/2312-8011-2018-15-1-128-165
7. Preobrazhenskij, S.Ju. 2018. “On Imaginary Philology by O.O. Suleimenov”. Polylinguality and Transcultural Practices 15 (3): 406–409.
8. Dzhusupov, M. 2018. ““Language of Writing”, Or “Writing as a Language in a Script””. Polylinguality and Transcultural Practices 15 (3): 422-444. Web. doi: 10.22363/2618-897X-2018-15-3-422-444
9. Dzhusupov, M. 2019. “Ethymological dictionary of the Russian language — heritage of the Russian and world linguistics (pro-Fasmer)”. Filologicheskie nauki. Scientific Essays of Higher Education 3: 68—77. Web. Doi: <https://doi.org/10.20339/PhS.3-19.068>
10. Dzhusupov, N.M. 2016. “Active Stylistically Relevant Processes as a Result of Foregrounding of Linguistic Deviations”. Bulletin of Peoples’ Friendship University of Russia. Series Problems of Education: Languages and Speciality 1: 19—27.
11. Dzhusupov, N.M. 2016. “Foregrounding Theory in Linguistics: Foundations, Trends, Interpretations”. Bulletin of Peoples’ Friendship University of Russia. Series: Theory of Language, Semiotics, Semantics 2: 41—50. Print. (In Russ.)
12. Suleimenov, O.O. 2018. “Utro jetimologii”. RUDN Journal of Language Education and Translingual Practices 15 (1): 166—168. Print. (In Russ.)
13. Sulejmenov, O.O. 2018. “Rodina bogov”. Polylinguality and Transcultural Practices 1 (3): 472—481. Print. (In Russ.)
14. Uzbekov, T.S. 2017. “Language game: paradox and absurd”. RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics 8 (3): 735—745. Print. (In Russ.)
15. Dzhusupov, N.M. 2018. “Jazykovaja deviacija kak lingvokreativnyj process v hudozhestvennom tekste (monolingval’nyj i translingval’nyj aspekty)”. In Bi-, poli-, translingvizm i jazykovee obrazovanie. Posvjashhaetsja nashim Uchiteljam: IV International Scientific Conference Proceedings. Moscow, Peoples’ Friendship University of Russia Proceedings. Dec. 7—8, 20018. Print. (In Russ.)
16. Kancevich, L.R. 2000. “Korejskoe pis’mo”. Bol’shoj jenciklopedicheskij slovar’. Jazykoznanie. Moscow: Nauchnoe izdatel’stvo Bol’shaja Rossijskaja jenciklopedija. Print. (In Russ.)
17. Ivanov, V.V. 2016. Ot bukvy i sloga k ieroglifu: sistemy pis’ma v prostranstve i vremeni. Moscow:, Izd.-kij dom JaSK: Jazyki slavjanskoj kul’tury. Print. (In Russ.)
18. Fasmer, M. 2007. Jetimologicheskij slovar’ russkogo jazyka. In 4 vol. Moscow: Astrel’; Ast. Print. (In Russ.)
19. Istrin, V.A. 1965. Vozniknovenie i razvitie pis’ma. Moscow: Nauka. Print. (In Russ.)
20. Krasina, E.A. 2018. “Invisible Turkisms in the Olzhas Suleimenov’s Book “AZ I YA”: a Philological Essay”. Polylinguality and Transcultural Practices 15 (3): 410-421. Web. doi: 10.22363/2618-897X-2018-15-3-410-421

Сведения об авторе:

Джусупов Маханбет — доктор филологических наук, профессор, профессор Узбекского государственного университета мировых языков. E-mail: mah.dzhusupov@mail.ru

Bio Note:

Mahanbet Dzhusupov is a Doctor in Philology, Professor, Professor of Uzbek State University of World Languages. E-mail: mah.dzhusupov@mail.ru

DOI 10.22363/2618-897X-2021-18-1-118-123

Сообщение

«Пир перевода национальных литератур» — слет в новом формате

И.С. Алексеева

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена
Российская Федерация, 191186, Санкт-Петербург, наб. Реки Мойки, д. 48

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 05.01.2021

Дата принятия к печати: 10.01.2021

Модератор: У.М. Бахтикиреева

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Алексеева И.С. «Пир перевода национальных литератур» — слет в новом формате // Полилингвильность и транскультурные практики. 2021. Т. 18. № 1. С. 118–123. DOI 10.22363/2618-897X-2021-18-1-118-123

Report

“The Feast of Translation of National Literatures” — a Meeting in a New Format

I.S. Alekseeva

Herzen University
48, Moika Embankment, St. Petersburg, 191186, Russian Federation

Article history:

Received: 05.01.2021

Accepted: 10.01.2021

Moderator: U.M. Bakhtikireeva

© Алексеева И.С., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Conflict of interests: none

For citation:

Alekseeva, I.S. 2021. ““The Feast of Translation of National Literatures” — a Meeting in a New Format”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 18 (1), 118—123. DOI 10.22363/2618-897X-2021-18-1-118-123

24 декабря минувшего года с большим успехом и разносторонними результатами прошел онлайн-слет под названием «Пир перевода национальных литератур».

Его формат был порожден не только онлайн-культурой, но целой серией начинаний, связанных с языками народов России.

Во-первых, это фестиваль «Многоязыкая симфония культур», который ежегодно проводился на Международном Санкт-Петербургском культурном форуме (МКФ) по инициативе Российской академии образования и РГПУ им. А.И. Герцена на площадке Герценовского университета, обычно в ноябре. Фестиваль проводился в формате круглого стола по различным проблемам, связанным с переводом, который проходил в очной форме, но с обязательным подключением регионов — и переводческого концерта. В предшествующем, 2019 году, выступления переводчиков со своими новыми переводами длились до ночи, и выступающих оказалось около 50 человек.

Во-вторых, в основу легли также интерактивные модели, разработанные РАО с целью развития межкультурных контактов и языковой среды народов России: модель поддержки языков РФ через перевод на русский язык «Корни крепят корону» (ККК-модель) — в версиях А (внутренняя) и Б (внешняя), и интерлингвокультурологическая модель иноязычного описания культур РФ (ИЛК-модель), тоже с версиями А и Б. Апробация и развитие этих моделей проходили в 2018—2020 годы, и они оказались надежной опорой в сложных условиях ограниченности межрегионального общения.

В данном случае речь идет о ККК-модели преимущественно в варианте А. Она основывается на совместных, солидарных усилиях специалистов из региона и представителей РАО и нацелена на создание стабильной саморазвивающейся системы перевода текстов с коренного языка на русский, механизма подготовки переводческих кадров и в перспективе гармонизирует языковую ситуацию в Российской Федерации. Эта интерактивная модель включает в себя шесть аспектов и четыре этапа реализации.

Первый, аналитический аспект содержит: 1) сбор банка данных о словесных проявлениях культуры региона; 2) создание аналитической справки «Словесная культура языка РФ»; 3) выработку рекомендаций по продвижению словесной культуры в данном регионе.

Второй, научно-методический, предполагает следующие мероприятия: 1) разработку концепции занятий, а также мастер-классов, включающих практический тренинг русского языка; 2) подготовку вышеупомянутых очных мероприятий; 3) разработку и написание модельного интерактивного учебного пособия для данного региона (первая часть будет написана в РАО до семинаров, а вторая — в

регионе после семинаров); 4) написание сопроводительного научного материала к будущей антологии региональной литературы на русском языке.

Третий аспект, организационно-отборочный, включает: 1) поиск оптимального учреждения для проведения очной части модели (университеты, колледжи, библиотеки, культурные центры); 2) формирование активного ядра взаимодействия в регионе; 3) формирование редколлегии, которая отбирает литературные тексты для включения в антологию региональной литературы; 4) формирование группы потенциальных переводчиков; 5) открытие в регионе опорного пункта стратегического центра развитие переводческого образования в России (языки РФ), которому делегируются инициативные функции дальнейшего развития описанной интерактивной модели.

Четвертый аспект, критико-аналитический, требует высокой филологической квалификации специалистов и осуществляется специалистами РАО, которые при необходимости привлекают внешних переводчиков и редакторов. Этот аспект предполагает: 1) оценку художественной, текстонормативной и стилистической специфики оригинала; 2) оценку первой версии перевода; 3) выполнение редакторской правки переводов на всех этапах подготовки их к печати; 4) определение необходимости и объема комментирования переведенных текстов и др. Для оценки некоторых аспектов подлинника привлекаются носители языка.

Пятый аспект, практический, делится на два модуля: очный и дистанционный. Очный реализуется в самом регионе и в зависимости от поставленных задач и успеха их решения может включать один или два трех-пятидневных очных установочных семинара по теории и практике перевода с регионального языка РФ на русский язык в регионе. После этого в течение ближайших двух—шести месяцев проводится дистанционный модуль в виде пяти—шести двух-трехчасовых вебинаров с двумя активными площадками (одна — в РАО, вторая — в регионе), в рамках которых обсуждаются и редактируются до 300 страниц переведенного текста, обсуждаются реалии и вырабатывается единая форма иллюстрированного комментария культурных феноменов.

Шестой аспект — издательский. Он предполагает издательскую подготовку рукописи-билингва, ее издание, а также размещение фрагментов подготовленной книги на странице данного региона на Всероссийском портале образовательных ресурсов в сфере перевода в РАО.

Если оценить реализуемость этой модели в 2020 году, то первые два аспекта — аналитический и научно-методический — выполняются в полной мере, поскольку не предполагают деятельности членов группы РАО в регионах. Третий аспект включает разностороннюю подготовку к очному присутствию, поэтому пункты 3—5 были заменены просветительскими мероприятиями широкого профиля, для которых онлайн-формат допустим. Невыполним оказался также и четвертый аспект, содержащий практическую работу над текстами, а пятый, совмещающий работу офлайн и онлайн, пришлось полностью переформатировать. Конечно, без очного модуля, без кропотливой работы на местах эффективность повышения квалификации переводческих кадров в процессе подготовки переводных текстов резко снизилась бы. Поэтому решено было временно заменить очные семинары целой чередой межрегиональных встреч разного типа по проблемам перевода, а

также шире вступать в диалог на тему развития региональных языков и регионального перевода. Что касается диалога, то состоялись онлайн-выступления в сентябре на конференции Бурятского университета, в октябре — на открытии конференции в Финэке, в ноябре — на Международном конгрессе переводчиков художественной литературы.

Был разработан план «Переводческий марафон», куда, наряду со встречами по специальному переводу (серия «Бетховен»), вошли вебинары по проблемам перевода с Татарией, Бурятией, Якутией, Удмуртией, Чувашией, которые увенчивались слетом «Пир перевода национальных литератур». Соорганизаторами выступили Российская академия образования и Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Первая часть слета — круглый стол «Перевод как культурная миссия» — была организована в формате коротких блиц-докладов, позволяющих высветить различные аспекты работы с языками РФ. С приветствием выступила *О.Ю. Иванова*, президент Союза переводчиков России, подчеркнув важную роль прямого контакта с регионами, а также центральное место перевода с языками РФ в современной переводческой повестке. Тему подхватили координаторы мероприятия: зав. кафедрой перевода КФУ *С.С. Тахтарова* и руководитель Стратегического центра развития переводческого образования в России при РАО *И.С. Алексеева*.

Серию блиц-докладов начала *Э.К. Хабибуллина*, открыв неизвестные страницы истории перевода в Казанском университете, где накоплен богатый опыт формирования фонда переводной литературы, а история письменной фиксации языка насчитывает много веков. Уникальную ценность представляют переводы на татарский с языков соседних народов.

Перечень насущных проблем развития перевода в Бурятии представила *П.П. Дашинимаева*, задав аудитории вопрос: что не срабатывает, если есть различные пути поддержания жизни языка и перевода? Онлайн-аудитория, которая на тот момент состояла из 58 человек, сразу включилась в обсуждение и затронула разные болевые точки состояния коренных языков в регионах, среди которых на первом месте оказалась специфика новых образовательных стандартов. Сама докладчица считает, что необходимо расширять сферы функционирования языков на местах, а также делать постоянные практические шаги по укреплению их статуса.

С состоянием перевода в республике Тыва выступили два докладчика: филолог, специалист по корпусам тувинского языка *Аэлита Я. Салчак* и писательница *Мария Кужугет*. Специфика онлайн-слета позволила присоединиться в момент их докладов, а затем и ко всей конференции целой группе студентов, магистрантов и аспирантов Тувинского госуниверситета, которые находились в одной с докладчиками аудитории. Из доклада А. Салчак выяснилось, что Тыва наращивает сегодня темпы перевода современной русской литературы. Это подтвердила и М. Кужугет, которая поделилась трудностями при переводе повести А.И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича», обусловленные, в частности, жаргонной или специальной лексикой. Попутно были обсуждены проблемы, связанные с предстоящей публикацией перевода.

Затем слово взял известный литературовед, переводчик, деятель культуры Чувашии *Атнер Хузангай*. Его тема «Скандинавско-чувашские узлы» касалась важности и пользы внешних связей языков РФ, выхода культур за пределы России, прямого жанрового знакомства. Также рассматривалось культурное посредничество русского языка и русской культуры. Можно сказать, эта тема проходила красной нитью через многие доклады, при этом отчетливо обозначилось преобладание мнения о плодотворности параллельного существования двух путей: перевода через русский и напрямую. Затрагивалось также творческое двуязычие российских поэтов, писателей и переводчиков. В дискуссионной части вспомнили успешный пример Алёши Прокопьева, который переводит как с чувашского на русский, так и с немецкого и шведского на русский язык.

Тему малочисленных коренных народов Севера и Дальнего Востока затронула в своем сообщении сотрудник РАН, этнолог *М.В. Осипова*. Она подчеркнула важность этнографических знаний для переводчика фольклорных текстов, а примерами послужил фольклор айнов и других малочисленных народов Хабаровского края.

Обстановка с развитием якутского языка и с переводческим делом в Якутии — одна из самых благополучных в стране. Совместный доклад доц. *И.В. Собакиной* из Северо-восточного федерального университета и ее коллеги — практикующей переводчицы *М.В. Петровой* раскрыл на практических примерах и с применением данных опросов тенденции развития делового, и в частности юридического перевода, трудности развития которого не в последнюю очередь связаны с отсутствием базовых юридических документов на якутском языке (уголовно-процессуальный кодекс и пр.). Отметим, что *И.В. Собакина* заведует кафедрой русской стилистики и перевода — единственной в стране, где готовят переводчиков с регионального языка на русский и где культивируют именно эту пару языков.

О специфических проблемах перевода эпического якутского наследия олонхо на английский язык рассказала *А.А. Находкина*, которой довелось участвовать в этом непростом проекте. По своим идеям это выступление перекликалось с выступлением *А. Хузангая*.

И еще два выступления посвящены были переводам с якутского языка. О русско-якутском литературном журнале «Чолбон» рассказала отв. секретарь журнала *А.В. Прудецкая*, поразив всех богатством и сложностью уже опубликованных переводных текстов: это и «Евгений Онегин», и «Война и мир» и многие другие. А теоретик языка и перевода, доц. СВФУ *А.А. Васильева* подняла вопрос о конвенциях и алгоритме русскоязычного описания якутской культуры, и фактически выразила запрос на скорейшее знакомство со второй из разработанных в РАО интерактивных моделей — ИЛК-моделью В.В. Кабакчи. В ходе обсуждения доклада было решено провести несколько вебинаров по интерлингвокультурологии уже в ближайшее время. Доступ на вебинар, как всегда, будет открытым.

Заметным было также выступление проф. РУДН *У.М. Бахтикиреевой*, которая не только подчеркнула важность надежной теоретической основы для формирования современной системы подготовки переводчиков в регионах, но и поделилась информацией о возможном развитии тематики слета в периодической печати.

Итак, широкая палитра сведений и точек зрения на состояние языков РФ и проблем перевода с этих языков на русский язык, продемонстрированная на слете, показала своевременность выработки и апробации интерактивных моделей — ККК и ИЛК и позволила внести в них коррективы. Состоявшийся разговор побудил, в частности, к дальнейшему обсуждению образовательных стандартов нового поколения и разработки новых путей и методов укрепления статуса и функциональности языков народов России и посреднической миссии русского языка.

Вторая часть слета — переводческий концерт «Пир перевода: российское многоголосие» в этом году был полностью посвящен переводам с языков народов России и на языки народов России. Он открылся прекрасной айнской легендой «Как Творец создал сушу» (пер. М.В. Осипова). Затем был подключен видеосюжет, специально для слета снятый в Хабаровске: ульчанка *Т.Б. Матвеева* исполнила стихотворение ульчского поэта Прокопия Лонки «Колыбельная» на русском и ульчском языках.

Прекрасный фрагмент перевода исторической драмы «Сююмбике-ханбике» представил молодой переводчик с татарского *Азат Якупов*. Отметим, что текст этот войдет в антологию-билингва татарской литературы, которая готовится сейчас в рамках проекта «Татарская литература по-русски» (модель ККК/А).

С новыми стихами и автопереводами выступил якутский поэт *Сэргэх Сэмэй*, фрагмент олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» на английском исполнила *А.А. Находкина*.

Но все-таки самыми отрадными были выступления трех групп студентов: бурятской, якутской и тувинской со своими переводами — как на русский, так и на свои родные языки. Знаменательно, что самым последним прозвучало на тувинском языке стихотворение А.С. Пушкина «Я помню чудное мгновенье»...

Завершился слет кратким обсуждением по затронутым темам. Поддержаны были идея о создании опорных пунктов РАО в регионах, а также встреча переводчиков национальных театров.

Было высказано общее пожелание собирать такие слеты ежегодно.

Сведения об авторе:

Алексеева Ирина Сергеевна — кандидат филологических наук, профессор кафедры перевода Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, руководитель Стратегического центра развития переводческого образования в России при Российской академии образования. E-mail: i.s.alexeeva@gmail.com
ORCID ID: 0000-0001-8351-1700

Bio Note:

Irina S. Alekseeva is a Candidate of Philology, Professor of the Department of Translation, Herzen University. She is a Head of the Strategic Center for the Development of Translation Education in Russia at the Russian Academy of Education. E-mail: i.s.alexeeva@gmail.com
ORCID ID: 0000-0001-8351-1700

ф. СП-1

ФГУП «ПОЧТА РОССИИ»

АБОНЕМЕНТ на журнал

20830

(индекс издания)

**«Полилингвильность
и транскультурные
практики»**

Количество
комплектов:

на 2021 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

на журнал

20830

(индекс издания)

ПВ	место	литер

**«Полилингвильность
и транскультурные практики»**

Стои- мость	подписки	_____ руб. ____ коп.	Количество комплектов:	
	переадресовки	_____ руб. ____ коп.		

на 2021 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)